

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
TRANSACTIONS OF THE TARTU STATE UNIVERSITY

ALUSTATUD 1893. a.

VIHİK 241 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ В 1893 Г.

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ

XIII

TARTU 1969

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
TRANSACTIONS OF THE TARTU STATE UNIVERSITY

ALUSTATUD 1893. a.

VIHİK 241 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ В 1893 Г.

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ

XIII

TARTU 1969

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Р.Н. Бл ю м, А.И. Г о р я ч е в а, Т.В.Л о й т,
М.Г. М а к а р о в, Я.К. Р е б а н е, Л.Н. С т о -
л о в и ч (ответственный редактор).

Взгляды основоположников марксизма на социальную сущность познания имеют злободневное значение в развитии науки и в борьбе идеологий. Современный научный прогресс базируется на дифференциации знаний и на специализации людей. Но дифференциация и специализация сопровождаются и отрицательными явлениями. Это обнаруживается, например, когда речь идет об одной центральной проблеме науки и философии — о проблеме человека как социального существа.

В самом деле, к какой "рубрике" относится изучение человека как социального существа или изучение социальной, культурно-исторической детерминации человеческого миропонимания, мышления, познания? Такой "рубрики" нет. Как человек, так и его миропонимание изучаются в науке только "отчасти". В этом суть науки, на этом пути достигнут ее прогресс.

Но означает ли это, что сколько-нибудь целостный подход в данной области — это отныне достояние полупоэтического, полунучного жанра, очень абстрактной и умозрительной "музыки понятий", развиваемой, например экзистенциализмом? Думается, что это не так. Целостный подход к социальному процессу познания возможен и методами научной философии. Для этого надо органически включить социальность, социальную детерминацию в качестве определяющего фактора в совокупность гносеологических факторов. Так и поступили К.Маркс и Ф.Энгельс. Им принадлежит заслуга философского раскрытия тех социальных механизмов, благодаря которым гносеологическим субъектом оказывается не изолированный индивидуум, а сменяющие друг друга поколения людей и, в известном смысле, человечество в своем историческом развитии.

Вопрос о социальной природе познания в последнее время неоднократно ставился в марксистской философской литературе. Например, у французских марксистов, в связи с обсуждением соотношения структурализма и историзма. В советской философии этому вопросу уделялось много внимания при выяснении задач диалектической логики¹. Здесь диалектико-материалистический подход к анализу социального аспекта познания достигается тем, что в качестве предмета исследования выделяют закономерности развития понятий (знаний). Ряд содержательных работ, появившихся в этой области за последние годы, подтверждают правомерность такого подхода. Плодотворно применяется марксистская идея о социальной сущности познания также в исследовании философских проблем религий². Но эти, естественно, не ограничиваются задачи марксистско-ленинской гносеологии в изучении социально-исторической детерминации познания³.

---

¹ В более широком плане социальность может, по-видимому, стать одним из стержней комплексного, синтезирующего конкретно-научного изучения человека. Соображения, которыми мы бы хотели поделиться по поводу гносеологии, относятся в известной мере также к комплексному исследованию человека, отстаиваемому, например, в.Г. Аваньевым. (см. в. Г. А в а н ь е в. Человек как общая проблема современной науки, "Вестник Ленинградского университета", 1957, № II; Его же. Комплексное изучение человека как очередная задача современной науки, "Вестник Ленинградского университета", 1962, № 23; Его же. Человек как предмет воспитания. (Перспективы педагогической антропологии), "Советская педагогика", 1965, № I). Что же касается комплексного изучения человека по типу "философской антропологии", то такой подход вызывает возражения, которые обоснованы, если учесть реальное содержание современной западной "философской антропологии". Но из этого нельзя заключить, что марксистская "антропология" вообще невозможна.

² См.: например, Ю.А. Л е в а д а. Социальная сущность религии, М., 1965, стр. 7-37.

³ Совершенно прав П.В. Коппин, когда он при рассмотрении задач марксистской гносеологии посвящает специальную главу проблеме субъекта-объекта в плане социальной де-

Иногда можно услышать сомнение, возможна ли вообще теория познания в наше время. Действительно, в 20-30-х гг. в западной философии была довольно распространена позитивистская точка зрения, согласно которой гносеологические проблемы — это либо неправильно сформулированные, псевдопроблемы, либо проблемы, относящиеся к конкретным дисциплинам — к психологии, физиологии нервной деятельности, логике и т.д. Сейчас это мнение разделяется лишь немногими. Эволюция логического позитивизма — это движение в сторону постановки и решения традиционных философских проблем с возрастанием удельного веса социально-этической проблематики.⁴

В понимании задач марксистско-ленинской гносеологии более плодотворным кажется такой подход, который заранее не ограничивает себя какими-нибудь жестко зафиксированными рамками ("только научное познание", "только условия истинности знания" и т.д.).

Теория познания диалектического материализма — это вместе с тем и теория сознания, и теория мышления. Так

терминации познания. (См. П. В. К о п н и н, Введение в марксистскую гносеологию, Киев, 1966, стр. 58-93).

- 4) Об этом свидетельствуют многие работы бывших и современных позитивистов. Можно назвать, например, работу К. Поппера "Об источниках знания и незнания", где он рассматривает гносеологию в социально-историческом контексте, выступая попутно с апологией буржуазного общества. (См. К. Р о р р е г, On the Sources of Knowledge and Ignorance, in: Studies in Philosophy, New York, Toronto, 1966.). Социально-историческую проблематику развивает также А. Айер в своей работе "Человек как предмет науки" (А. И. А у е г, Man as a Subject for Science, Oxford, 1965.). С другой стороны работы, посвященные методологии и логике науки свидетельствуют о возможности полного "отпочковывания" этой области исследования от философии.

понимали проблему К.Маркс и Ф.Энгельс⁵. Так рассматривал задачи гносеологии В.И.Ленин в первых трех главах "Материализма и эмпириокритицизма", озаглавленных "Теория познания...", а также в своих "Философских тетрадах"⁶.

В наиболее общем смысле теория познания диалектического материализма интересуется вообще формированием человеческой картины мира. Очень важной стороной этого является социальная, культурно-историческая детерминация познания.

* * *

О социальной детерминации познания можно говорить в узком и широком смысле. В узком смысле - это соотношение общественного сознания и общественного бытия, закономерности формирования классового сознания, общественной психологии и идеологии. Это идеологический и собственно мировоззренческий аспект процесса познания, социально-классовая детерминация сознания. Этот аспект имеет решающее значение в осуществлении революционных преобразований. Он многосторонне освещен в трудах основоположников марксизма-ленинизма. По традиционному делению марксистской философии на

---

⁵ Знаменитое высказывание из "Немецкой идеологии": "Сознание (das Bewusstsein) никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием (das bewusste sein), а бытие людей есть реальный процесс их жизни", (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Сочинения, т.3, стр.25) - это не только красивая метафора. При изучении генезиса человеческой картины мира целостный подход является более плодотворным, чем априорные классификации "духовных способностей". Надо помнить, что расчленение "души" на различные "познавательные силы", начиная с античности, было теснейшим образом связано с толкованием познания как вечного, неизменного (от бога данного) явления.

⁶ См. В.И. Л е н и н, Сочинения, 4-ое изд., т.38, стр.350, 315, 360, 204-205, 173, 192-194.

диалектический и исторический материализм этот аспект относится к разделу исторического материализма. Его необходимо учесть также и при разработке теории познания. Но марксистское учение о роли социальных факторов в познании не ограничивается рассмотрением проблем идеологической детерминации.

Социальная детерминация в широком смысле — это социально-культурная детерминация всей человеческой психики, мышления, это те общие черты, которые свойственны человеческому отражению объективной реальности. Социальная детерминация в широком смысле имеет первостепенное значение для обоснования теории познания⁷. Но эти проблемы разработаны в марксистской философской литературе относительно мало, главным образом — в аспекте исторического развития понятий-знаний. Правда, общая социально-культурная детерминация человеческой психики уже в течение ряда десятилетий, начиная с работ Л.С. Выготского, плодотворно исследуется советскими психологами. В последние годы их дополняют содержательные работы по социальной психологии. Эти работы имеют не только крупное философское значение, но и приобретают иногда даже по стилю характер философских работ. Но вполне естественно, что ряд важных для гносеологии проблем в них не отражается.

В философской литературе пока еще полностью не изжит взгляд, согласно которому марксистская теория познания — это диалектизированный вариант домарковского сенсуализма. Этот взгляд сохраняется от периода, когда теорию познания диалектического материализма, по крайней мере, в учебных курсах, пытались строить на основе пересказа некоторых

---

⁷ Именно социальную детерминацию познания в широком смысле имеет в виду В.И. Ленин, когда он перечисляет те области знания, из которых должна складываться диалектика и теория познания. (См. В.И. Ленин, Сочинения, 4-е издание, т. 38, стр. 350).

(при этом довольно старых и тривиальных) данных, взятых из общей психологии. Такой подход совершенно несостоятелен. Он базируется на игнорировании того нового, что дал марксизм в области социальной детерминации познания.

Учение марксизма о социальной сущности познания неразрывно связано со всей системой идей диалектического материализма, в том числе с материалистическим пониманием истории, с учением о формах общественного сознания, с учением о роли труда в процессе антропогенеза, с марксистской концепцией человека. Другими словами, социальная детерминация, социальность, органически входит в марксистскую теорию познания. Это означает, что марксистская теория познания отличается от домарксистского сенсуализма, классическим образом которого можно считать схему Локка и Кондильяка, не только диалектичностью, последовательным материализмом, пониманием роли индивидуальной практики и признанием прав абстрактного мышления. Коренное отличие состоит также в понимании социально-культурной детерминации познания.

Напротив, для локковского сенсуализма, как и для его современника — рационализма XVII в. — социальные факторы выступают только в качестве внешнего дополнения к познанию разумного индивидуума. Роль социальности сводится либо к получению человеком от других людей части знаний,⁸ которые он мог бы добыть и сам, либо к тому, что социальные факторы искажают "самое по себе правильную" картину мира, которая могла бы сформироваться благодаря изначальным познавательным способностям индивидуума (такая роль описывается, например, с помощью "идолов" у Бэкона). Резкий антитезис сенсуализма и рационализма того времени вызван тем, что пока не придается сколько-нибудь существенно го значения ни общественно-исторической практике, ни ма-

---

⁸ Роль перелачи готовых знаний осознавалась философией всегда и абсолютизировалась догматикой всех эпох.

териальным социальным механизмом передачи информации (опредмеченная деятельность – материальная культура, язык,⁹ социальные отношения), на основе которых формируется сознание и картина мира реального человека.

Проблема познания ставится в плане двух крайних полярностей: с одной стороны – познающий индивидум, с другой – вселенная. Такая постановка вопроса вообще свойственна философии ХVI в., отчасти и ХVII в. Но уже в начале ХVIII в. Вико сумел увидеть сущность человека в социальных условиях. Классический немецкий идеализм отказывается от рассмотрения свойств индивидуального субъекта. В критической философии Канта ставится вопрос о происхождении познавательных способностей человека. Но видимость затемняет сущность. На место социальной детерминации приходит априоризм. В философии Гегеля впервые исследуется генезис человеческого миропонимания. При этом Гегель улавливает значение опредмечивания знаний, роль труда, исторической практики. Но он интерпретирует все это в духе объективного идеализма.

К.Маркс и Ф.Энгельс ставили Гегеля выше Фейербаха не только за абстрактную диалектику, но и за более глубокое понимание социально-исторической сущности человека и его познания. Высоко оценивая Фейербаха за то, что он возвратил немецкую философию из заоблачных высот абстракций на реальную почву и восстановил в своих правах человеческую чувственность, плоть и кровь, К.Маркс, вместе с тем, раскрывает, что центр феербаховской философии – живой, реальный, чувствующий "человек вообще" – это односторон-

⁹ Такие выдающиеся философы того времени, как Гоббс, Локк и Лейбниц понимали роль языка и знаковых систем в человеческом общении и в формировании абстракций. Однако они рассматривали язык в отрыве от практической, предметной деятельности поколений людей. В результате этого сущность языка рассматривалась с точки зрения антитезиса номинализма и реализма.

няя абстракция.

Но если критика К.Марксом абстрактного антропологизма Л.Фейербаха прочно вошла во все учебники по марксистской философии, то отнюдь не всегда осознается, что К.Маркс и Ф.Энгельс критиковали также весь тот философский подход, при котором абстракция познающего и действующего субъекта противопоставляется к окружающей его среде как "космосу"¹⁰. Эта критика касается не только теории познания, но и проблемы политической экономии, теории государства.

В "Капитале" нет думающего, рассчитывающего товаровладельца. Случайно ли это? Нет. К.Маркс показывает, что такой товаровладелец был бы абстракцией, экстраполяцией видимых качественных черт определенной эпохи. Вместо этого — объективное, беспристрастное движение товаров, обобщенное отражение тех глубинных явлений, которые характеризуют деятельность миллиардов живших и живущих товаровладельцев. Такой же методологический подход можно найти, например, в "Анти-Дюринге", где Ф.Энгельс показывает несостоятельность теории насилия и общественного договора.

* * *

Философско-методологические проблемы обладают свойством разрастаться вширь, обрастать оесчисленными побочными проблемами и т.д. Поэтому любой методологический принцип раскрывается лучше всего тогда, когда исследуется его при-

---

¹⁰ Ведь у Л.Фейербаха нет изолированного индивидуума. Он хорошо понимал, что человек может быть человеком только благодаря отношению к другому человеку. Поэтому человек выступает как субъект-объект. (См. Л. Фейербах, Избранные философские произведения. Т. I, стр. 190, 576, 617-618). Эту сторону его учения справедливо подчеркивает Г.В.Плеханов, который наряду с этим показывает непонимание социальной сущности человека Л.Фейербахом (См. Г.В. Плеханов, "От идеализма к материализму", Избранные философские произведения, т. III, стр. 671, 678, 681-684).

менение. Но диалектика "Капитала" отнюдь не сводится только к проблеме понимания социальности. Сторонник гносеологической робинзонады и ее неизменного спутника — "космического" подхода к познанию — может толковать "Капитал" по-своему, правда, за счет извращения хода мысли Маркса. Например, он может принять экономические категории за особые "сущности", которые "раскрываются" другой "сущности" — мыслящему разуму.

Существует и другой способ для проверки методологических принципов, тоже опирающийся на применение этих принципов. Это — критика других подходов. В этой области можно привести ряд высказываний К. Маркса, направленных не только вообще против космической абстракции субъекта, но и против совершенно определенных проявлений такой абстракции и экстраполяции. Речь идет именно о неправильных экстраполяциях "среднего" субъекта данной эпохи, сопровождающих соответствующую одностороннюю абстракцию. С формальной точки зрения любая абстракция односторонняя. "Всесторонняя абстракция" — это бессмыслица, если речь идет о формальной операции абстрагирования. Ошибочной оказывается абстракция в результате ее неправильной экстраполяции.

Абстракции "человек вообще", "субъект" и т.д. — сами по себе вполне закономерны. Без них нельзя сделать ни шагу в науке и философии. Путаница возникает вследствие того, что характеристики "человека вообще" получают на основе изучения человека определенной эпохи, общества, культуры, социального слоя и т.д., а потом эти характеристики экстраполируются на все эпохи, общества и т.д. "Человек вообще" является работающей абстракцией в системе, описывающей некоторые общие психические структуры или физиологические функции человека. "Человек вообще" является работающей абстракцией также в системе, описывающей представителя вида *Homo sapiens* вместе с его социально-культурной детерминацией. Но фейербаховский "чело-

век вообще" - это незаконная, самим автором неосознанная экстраполяция некоторого среднего своей эпохи, превращение его в образец, модель, эталон для всех эпох. Забывается социальная детерминация. Против такой экстраполяции в ее различных вариантах Маркс и борется.

Маркс пишет, что единичный и обособленный охотник и рыбак Смита и Рикардо, как и общественный договор Руссо, который устанавливает связь между независимыми от природы субъектами, это - "иллюзия и всего эстетическая иллюзия больших и малых робинзонад"¹¹. Это - предвосхищение гражданского общества, которое подготовлялось с XVI в., а в XVIII в. сделало гигантские шаги по пути своей зрелости. Чем больше мы углубляемся в историю, тем в большей степени индивидуум выступает самостоятельным. Человек есть в самом буквальном смысле социальное животное, "не только животное, которому свойственно общение, но и животное, которое только в обществе и может обособляться"¹².

К. Маркс критиковал также Д. Локка. Он характеризовал его как представителя индивидуалистической гносеологии, "который представил новую буржуазию во всех ее формах... и который даже доказывал в одном своем сочинении, что буржуазный рассудок есть нормальный человеческий рассудок"¹³.

"Коллективистский" вариант экстраполяции среднего человека своей эпохи в качестве абсолютного, космического субъекта был предложен Прудоном. Маркс писал по этому поводу, что Прудон изобрел новый разум, который не является ни абсолютным, чистым и девственным разумом, ни обыкновенным разумом деятельных и подвижных людей, живших в различные исторические эпохи. Это - разум совершенно особого рода, разум общества - лица, разум того субъекта, который именуется человечеством. Иногда этот разум именуется "социальный гений" и "всеобщий разум". Однако этот носящий

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т.4, стр.139.

¹² Там же, т.2, стр.42.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, М., 1956, стр.594.

множество имен разум всякий раз оказывается индивидуальным разумом г-на Прудона со всеми его хорошими и дурными сторонами...^{I4}

Критикуя абстрактное равенство Прудона, К.Маркс писал: "Равенство есть французское выражение для обозначения человеческой сущности, для обозначения родового сознания и родового поведения человека, практического тождества человека с человеком, т.е. для обозначения общественного, как человеческого, отношения человека к человеку"^{I5}.

К.Маркс опровергает также более общий аргумент сенсуалистов, приводимый в качестве обоснования индивидуалистских концепций познания, согласно которому человеческие чувства и воля — это природные качества человека. Он отмечает, что это не так. Это относится не только к музыкальности, чувству красоты, любви, воле. Их социальная сущность очевидна. Это относится также к "пяти внешним чувствам": "Образование пяти внешних чувств — это работа всей до сих пор протекшей всемирной истории"^{I6}. Чувственность социально опосредована и потому, что человек не имеет дело просто с природой, он имеет дело с очеловеченной природой.^{I7} Даже предметы простейшей "чувственной достоверности" даны человеку через социальное развитие, через промышленные и торговые отношения.^{I8}

Но критика Марксом сенсуализма принципиально отличается от критики сенсуалистов рационалистами, которые делают упор на способности чистого мышления. Маркс подчеркивает значение материального ("чувственного") носителя знаний, мышления.^{I9} Эта сторона его учения приобретает

^{I4} К. Маркс и Ф.Энгельс, т.4, стр.139.

^{I5} Там же, т.2, стр.42.

^{I6} К.Маркс и Ф.Энгельс, Из ранних произведений, М., 1956, стр.594.

^{I7} Там же, стр.591, 594-596.

^{I8} К.Маркс и Ф.Энгельс, Сочинения, т.3, стр.37

^{I9} "Человек утверждает себя в предметном мире не только через посредство мышления, а и через посредство всех

исключительно важное значение в свете современных научных представлений о закономерностях и механизмах передачи информации.

К.Маркс неоднократно подчеркивает, что превращение реального человека в космический субъект ведет к идеалистическим спекуляциям. "У реального гуманизма нет в Германии более опасного врага, чем спиритуализм, или спекулятивный идеализм, который на место действительного индивидуального человека ставит "самосознание", или "дух", и вместе с евангелием учит: "Дух животворящ, плоть же немощна".¹⁹ раскрывая тайну идеалистических спекуляций, К.Маркс пишет, что нам даны, например, лев, змея, мопс. Из них можно получить абстракцию "зверь". Можно также угоризорить конкретного человека не бояться мопса. Но для идеалистической спекуляции это означает, что "человек вообще" стал господином над "зверем вообще". "Этот человек, одолев зверя в образе мопса, тем самым одолев льва в качестве зверя".²⁰ Эта сторона критики Марксом космической абстракции субъекта развита дальше В.И.Лениным в его учении о гносеологических корнях идеализма.

Приведенные примеры достаточно ярко показывают, что К.Маркс считал субъектом познания реального, исторически-конкретного человека как социального существа. Что могут этому противопоставить сторонники индивидуалистической концепции познания?

* * *

Иногда ссылаются на высказывание Маркса о том, что постигающее мышление зависит только от развития мозга.

чувств". (К. М а р к с и Ф.Э н г е л ь с, Соч., т.3, стр.627).

¹⁹ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т.2, стр.7.

²⁰ К. М а р к с и Ф.Э н г е л ь с, Сочинения, т.2 стр.83.

Действительно, в письме к Л.Кугельману от 11 июля 1868 г. Маркс употребляет такое выражение. Но, по крайней мере странно, что из контекста этого письма вырвано только одно предложение, якобы говорящее о природном характере мышления. Ведь Маркс говорит здесь о развитии теории политической экономии, о том, что ошибочные представления также содержат какую-то долю истины. Вот это место в контексте: "С другой стороны, история теории, конечно, доказывает, как Вы верно указали, что понимание отношения стоимости было всегда одним и тем же, только более ясным или более туманным, сильнее опутанным иллюзиями или более научно определенным. Так как процесс мышления сам вырастает из известных условий, сам является естественным процессом, то действительно постигающее мышление может быть одним и тем же, отличаясь только по степени, в зависимости от зрелости развития, и, в частности, развития органа мышления. Все остальное вздор".²¹ Далее говорится об ошибке вульгарного экономиста в понимании отношения обмена и стоимости. Если же опустить первое предложение об историческом развитии теоретического мышления, получается совершенно неправильное представление о смысле второго предложения.

Другой аргумент в пользу натуралистского понимания субъекта познания - наследование благоприобретенных признаков.

К.Маркс и Ф.Энгельс руководствовались данными науки своего времени. Так и в вопросе наследования признаков. В результате этого можно у Энгельса, например, найти неверную оценку наследования умственных способностей и трудовых навыков: передача по наследству приобретенной гибкости руки,²² передача по наследству законов и форм мышле-

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, М., стр.209.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т.20, стр.487.

ния.²³ Из-за этого картина социальной детерминации познания значительно упрощается. Энгельс писал, например: "Современное естествознание признает наследственность приобретенных свойств и этим расширяет субъект опыта, распространяя его с индивида на род: уже не считается необходимым, чтобы каждый отдельный индивид лично испытал все на своем опыте; его индивидуальный опыт может быть до известной степени заменен результатами опыта ряда его предков. Если, например, у нас математические аксиомы представляются каждому восьмилетнему ребенку чем-то само собой разумеющимся, не нуждающимся ни в каком опытном доказательстве, то это является лишь результатом "накопленной наследственности". Бушмену же или австралийскому негру вряд ли можно втолковать их посредством доказательства"²⁴. Но это место свидетельствует не только о неправильном понимании наследственности. Здесь ярко обнаруживается, до какой степени органически входит в марксистское понимание познания идея социальной детерминации. Даже наследование опыта рассматривается через призму социальности. Задача современных марксистов состоит не в том, чтобы отставить неверную идею наследования благоприобретенных свойств. Эта идея принадлежала естествознанию и была окончательно отброшена дальнейшим его развитием. Всякие попытки ее воскрешения, не только путем абсурдных утверждений о непосредственной "ассимиляции" условий среды, но и более косвенно, например, путем утверждения, что человек уже не подчиняется законам генетики или что условные рефлексы наследуются и выступают у потомков в качестве безусловных,²⁵ — такие попытки базируются на полном

23 К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Сочинения т.20, стр.581-582, 629.

24 К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Сочинения т.20, стр.581-582.

25 См. напр., статьи: Д.В. К р у ш и н с к и й, Наследуются ли условные рефлексы, "Природа", 1968, № I; Д.К. Б е л я е в, Научный прогресс и старые заблуждения,

игнорировании данных современной науки. Задача состоит в том, чтобы развить идеи К.Маркса и Ф.Энгельса о социальных механизмах передачи опыта. Эти идеи неразрывно связаны с их великим научным открытием — с созданием материалистического понимания истории. В контексте материалистического понимания истории проблема наследования благоприобретенных признаков имеет только побочное значение. Передача социального опыта рассматривается К.Марксом и Ф.Энгельсом как процесс, полностью обеспечиваемый социальными факторами, функционирующими помимо биологического наследования индивидуального жизненного опыта.

* * *

Основная идея, на которой базируется вся теория познания марксизма, это неразрывное единство, взаимодействие общественно-исторической практики и познания.²⁶ В этом взаимодействии практика играет, в конечном счете, определяющую роль. Знания не могут существовать в чистом виде. Они должны опредмечиваться. Если принципы записи опыта в нервной системе начинают раскрываться в наше время, то принципы сохранения и передачи социального опыта в обществе, в социальных системах прекрасно осознавались К.Марксом уже в середине сороковых годов прошлого столетия. Определенное имеет прямое отношение к тому, что в наше время обозначается термином "информация" — "информация" как "то, что придает форму", "мигрирующая структура"²⁷.

"Природа", 1968, № II. В них справедливо показывается не только научная несостоятельность "наследования благоприобретенных признаков", но раскрывается также внезаучная подоплека подобных утверждений.

26 "Реальный субъект остается все время вне головы, существуя как нечто самостоятельное, и именно до тех пор, пока голова относится к нему лишь умозрительно, лишь теоретически". (К. М а р к с, К критике политической экономии, 1950, стр.214).

27 Из всей совокупности значений "информация" наиболее существенным, интересным является понимание "информации" как мигрирующей структуры. Такое понимание подчеркивает,

Конечно, опредмечивание не сводимо только к информационному аспекту. Оно содержит в себе и социально-классовый, ценностный аспект, который раскрывается с помощью понятий "овеществление" и "отчуждение". Но для обоснования теории познания и, в частности, для понимания социально-культурной детерминации познания в широком смысле наиболее крупное значение имеет само понятие опредмечивания²⁸.

Ведь идеальное, как бы его ни трактовали - только ли в смысле известных психических состояний человека или более широко, включая также воплощение человеческих замыслов, деятельности в предметах, в их структуре - идеальное может существовать только при условии, что оно материализовано, опредмечено с помощью вещества, энергии, отрицательной энтропии.

Основным звеном в передаче прошлого опыта является сам человек, реальные люди, в которых воплощаются и преломляются все материальные и духовные достижения их общества, народа, в определенном смысле даже всего человечества. Но нет "сущности человека" в отрыве от социальной и культурной детерминации. Сущность человека опреде-

---

что информация - это не какая-то новая мировая субстанция, а известная структурная упорядоченность, передаваемая в пространстве и времени. Оно непосредственно связано с понятием количества информации. Кроме того, оно четко показывает, что кибернетическая "информация" и человеческие знания - это явления совершенно разного порядка. Об этом см. нашу ст.: "Информация как мигрирующая структура", Ученые записки Тартуского государственного университета, Труды по философии, XII, Тарту, 1969.

28 По-видимому, можно ввести и противоположное понятие "распредмечивания", как это сделано в "Философской энциклопедии". Однако сам Маркс почти не пользуется термином "распредмечивание". "Опредмечивание" он сопоставляет с "самоутверждением" (см. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Из ранних произведений, стр. 588). Кроме того, всякое "опредмечивание" есть в то же время "распредмечивание". И наоборот. Поэтому - стоит ли удваивать понятие "опредмечивания"?

ляется всей совокупностью общественных отношений; явлений материальной и духовной культуры: "Та сумма производительных сил, капиталов и социальных форм общения, которую каждый индивид и каждое поколение заставят как нечто данное, есть реальная основа того, что философы представляли себе в виде "субстанции" и в виде "сущности человека", что они обожествляли и с чем боролись".²⁹

Марксистское понимание сущности человека не позволяет ни противопоставлять друг другу, и отрывать друг от друга человека и культуру. Культура без человека ничто. Но и человек без всяких исторических культурных достижений - это уже не человек в настоящем смысле.³⁰ (Речь идет именно об отсутствии всякой социально-культурной детерминации. Этого часто не понимают).

Не все компоненты окружающей человека социальной реальности, этой второй природы, равноценны. Марксизм разрывает порочный круг, в котором вращались предыдущие мыслители, и показывает, что знаменитая проблема "человек зависит от социальной среды, а социальная среда от человека" решается, если определяющим считать производственную деятельность людей, их технологию и экономические отношения. Уже в "Ницете философии" это положение получает точную формулировку: изменение в производительных силах приведет к изменению производственных отношений.³¹ Поэтому в

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 3 стр. 37.

³⁰ Известный английский астроном и писатель Ф. Хойл в своей книге "Человек и вселенная" предлагает гипотетическую ситуацию: какой-нибудь вирус оставит в живых только детей до 5-летнего возраста. Большинство детей погибнет, но некоторые, вероятно, выживут. "Попадают ли они в каменный век?", спрашивает Хойл. "Я сомневаюсь в этом. Думается, что некоторые из них сумеют разгадать, что значат вещи вокруг них. Некоторые дети научатся читать. Медленно, но неуклонно будут открыты старье знания". (Fred Hoyle, Man in Universe, New York, London, 1966, p. 52.). Нам кажется, что это не так. Маловероятно, например, чтобы человек мог бы научиться читать, только наблюдая тексты в книгах.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 4, стр. 143-144.

дальнейшем подчеркивается, что первенствующее значение в опредмечивании знаний принадлежит средствам производства (или производительным силам целиком), если включить в производительные силы и "социально-запрограммированного человека".

Человек, безусловно, входит в понятие производительных сил, когда речь идет об анализе социальных изменений. Но механический перенос понятия "производительные силы" в гносеологию нецелесообразен, да и невозможен.

С точки зрения опредмечивания деятельности в средствах производства К.Маркс считает даже возможным говорить о "всеобщем интеллекте" и "органах общественной практики": "Природа не строит ни машин, ни паровозов, ни железных дорог, ни электрического телеграфа, ни сельфакторов, и т.д.... Все это - созданные человеческой рукой органы человеческого мозга, овеществленная сила знания. Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание (*Wissen, Knowledge*) превратилось в непосредственную производительную силу, и отсюда - показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним; до какой степени общественные производительные силы созданы не только в форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса"³².

Маркс в разные периоды своей деятельности неизменно выделяет важное значение опредмечивания знаний: "Практическое созидание предметного мира, переработка неорганической природы есть самоутверждение человека как родового существа"³³, история промышленности и возникшее предметное бытие промышленности является раскрытой книгой челове-

³² "Вопросы философии", 1967, № 7, стр.120.

³³ К.Маркс и Ф.Энгельс, Из ранних произведений, М., 1956, стр.566.

ских сущностных сил, чувственно представшей перед нами человеческой психологией"³⁴, социальное "накопление", аналогичное "накоплению наследственности", "существует не только в виде навыков и способностей рабочего, но вместе с тем и в тех предметных органах, которые труд создал себе и ежедневно возобновляет"³⁵, история технологической базы общества заслуживает такого же внимания как история развития органического мира"³⁶.

К.Маркс и Ф.Энгельс подчеркивали также значение языка в передаче результатов познания и в оформлении картины мира. Правда, осознание значения языка - это не специфически характерное для марксизма. О роли языка говорили в немецкой философии, например Лейбниц, Гердер, В.Гумбольдт. Глубоко, но на объективно-идеалистической базе, понимал сущность языка Гегель. У Гегеля язык является отчуждением духа, материальным проявлением жизни духа во вне. Опираясь на идеи Гегеля, К.Маркс и Ф.Энгельс органически включают язык в свою общую концепцию познания. При этом они характеризуют язык не только в идеальном плане, а подчеркивают материальное и intersубъективное существование языка.³⁷ Вот некоторые высказывания, намного опере-

³⁴ К.Маркс и Ф.Энгельс. Из ранних произведений, М., 1956, стр.594.

³⁵ К.Маркс и Ф.Энгельс, Сочинения, т.26, ч.3, стр.306.

³⁶ Там же, т.23, стр.383.

³⁷ Идеальный, смысловый аспект языка осознавался практически всегда. Поэтому очень трудно согласиться с авторами, считающими, что марксистское понимание языка состоит в том, что смысл, значение - это "субстанция" языка, а материальная форма - внешняя оболочка. Такой подход возможен в определенных целях, например, при исследовании сложившегося языка. Но и в таком случае термин "субстанция" употребляется в необычном значении. Что же касается Маркса и Энгельса, то они подчеркивали другую сторону - возникновение языка как материального образования в результате трудовой деятельности и общения людей, а также роль языка как материального образования в передаче накопленного социального опыта. Этот

дивное понимание языка как кода, как "носителя информации": "Даже элемент самого мышления, элемент, в котором выражается жизнь мысли — язык, — имеет чувственную природу"³⁸, даже индивидуальная научная деятельность общественна потому, что человеку "дан, в качестве общественного продукта, материал для моей деятельности — даже и сам язык, на котором работает мыслитель"³⁹, "язык так же древен как сознание; язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми"⁴⁰. Роль языка в передаче социального опыта отмечается также Ф.Энгельсом в его фрагменте "Роль труда в превращении обезьяны в человека"⁴¹.

Итак К.Маркс и Ф.Энгельс вполне определенно подчеркивают роль тех социальных средств, с помощью которых, помимо генетических механизмов наследственности в человеческом обществе передается прошлый опыт ("информация"), являющийся основой для познания и практической деятельности людей. Это — реальные, социально-культурно-детерминированные люди, обладающие психикой, сознанием, мышлением: это — орудия труда, продукты производства, вся преобразованная человеком природа; это — социальные отношения, которые для каждого вступающего в жизнь человека выступают в каче-

---

подход оказывается исключительно плодотворным в рассмотрении тех биологических предпосылок (системы сигнализации и квази-социальные отношения животных), которые ведут к образованию человека и человеческого общества.

38 К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Из ранних произведений, стр.596.

39 Там же, стр.590.

40 К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Сочинения т.3, стр.29.

41 К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Сочинения, т.20 стр. 489-490, 493.

стве объективной данности; это — язык, средство общения, средство накопления опыта, непосредственный материал мышления.

Если употреблять кибернетическое понятие "память" в смысле хранилища информации, можно сказать, что эти явления составляют социальную память. Их можно рассматривать в качестве своеобразных каналов или механизмов сохранения и передачи информации, функционирующих помимо генетических структур человека.

Все эти механизмы передачи опыта взаимосвязаны, они представляют целостную систему, отдельные части которой не могут быть изолированы. Причинно-следственные связи в этой системе раскрываются с помощью общих принципов материалистического понимания истории.

Уже одна констатация наличия специфических социальных механизмов накопления опыта (информации) ведет к важным последствиям. Это означает, что принципиально невозможно рассматривать проблемы миропонимания в отрыве от общего понимания человеческой истории и общества.

* * *

Какое значение имеет марксистское понимание "социального родового субъекта" в современной идеологической борьбе?

Интерес к социальной детерминации знаний в немарксистской философско-социологической мысли возрос со второй половины XIX в. Это было вызвано не только прямым или косвенным влиянием марксизма, но и развитием конкретных наук. Во-первых, в результате бурного развития естествознания выясняется относительность научной картины мира любой эпохи. Во-вторых, в психологии, языковедении, этнографии накапливается все больше данных, свидетельствующих о культурно-исторической обусловленности повседневной картины мира.

В буржуазной мысли XX в., как правило, признается

социально-культурная обусловленность познания. Но в данном случае произошло нечто аналогичное тому, что было в ХУП-ХУШ вв., когда люди впервые по-настоящему начали исследовать психологию ощущения и восприятия. Осознание громадной роли механизмов ощущения и восприятия сопровождалось отрывом их от реальности. "Софизм идеалистической философии", - писал В.И. Ленин, - "состоит в том, что ощущение принимается не за связь сознания с внешним миром, а за перегородку, стену, отделяющую сознание от внешнего мира"⁴².

Осознание важного значения социальных факторов приводит немарксистских мыслителей очень часто к тому, что эти факторы, без которых не может быть картины мира человека, превращаются в перегородку, отделяющую мир от человека. При этом, подчеркиваем, односторонне абсолютизируются определенные реальные моменты социального процесса познания, роль которых в результате этого совершенно искажается. Отметим некоторые подобные односторонности.

В конце XIX - начале XX в. ведущее место занимали концепции, которые подчеркивали роль социально-психологических факторов в формировании картины мира. Сюда относятся, например, "коллективные представления" Э. Дюркгейма, "партиципация" и "дологическое мышление" Л. Леви-Брюля, "душа народов" Г. Штейнталя, М. Лацаруса, В. Вундта, "социальный мозг и психика" Г. Тарда, "сознание рода" Ф. Гиддингса, "архетипы" К. Юнга. Эти психологические концепции сохраняют в какой-то мере свое значение и в наше время. Наряду с ними, особенно в результате учета современных данных эволюционной теории⁴³ и кибернетики, появляются более обширные модели процесса познания, в которых психологический подход

⁴² В. И. Ленин, Сочинения, 4-е изд., т. I4, стр. 40.

⁴³ Самыми существенными из них являются данные о наследственности и понимании роли популяции в процессе эволюции. В результате старый биологический редукционизм, отождествляющий общество с индивидуальным организмом или сверхорганизмом общественных насекомых, потерял свое значение.

сочетается со структурно-функциональным и эволюционистским.

Важную роль в познании играют язык и знаковые системы. Они исследуются и превращаются в самодовлеющий фактор в английской лингвистической философии, в американской "общей семантике", в теориях лингвистической относительности (концепция Б.Л.Уорфа, концепция Л.Вейсгербера).

Характерной чертой в этой области является возрастание интереса к внелингвистическим фактам. Проверка различных гипотез, особенно представителями этнографии, психологии, социологии, показывает невозможность рассматривать язык как замкнутую систему.

Социальная детерминация познания в узком смысле исследуется в "социологии познания". Но социальность выступает здесь в качестве деформирующего ("идеологического") фактора. Хотя многие представители "социологии познания" претендуют на исследование не только "идеологических искажений", но и общей социальной детерминации познания, в целом они видят в социальности фактор, искажающий некую изначально "правильную" картину мира..

В англо-американской "культурной антропологии" (cultural anthropology) осознание социально-культурной детерминированности картины мира привело к победе культурного релятивизма. Хотя в последнее время учащаются выступления против крайностей релятивизма, в целом релятивизм пока господствует. Кроме того, культурный релятивизм используется идеологами негритуда, которые в теориях исключительности негро-африканского мышления своеобразно сочетают черты учения о "дологическом мышлении", лингвистической относительности и культурного релятивизма.

Можно указать еще на другие односторонности, которые связаны, например, с осознанием громадного значения технологии в истории человечества, с современным состоянием теории антропогенеза и проблемой "мозгового Рубикона", с психологическими теориями личности и т.д. Все это свидетельствует о том, какое важное место занимает проблема социаль-

ной сущности человека, социальной детерминации сознания и познания в современной идейной жизни.

В то же время буржуазные идеологи, которые сами трактуют социальность односторонне и искаженно, обвиняют в этом марксизм. Конечно, среди них единого мнения относительно того, в чем же собственно состоит "односторонность" марксизма. Одни видят ее в том, что марксизм — это теория экономической детерминации, другие — технологической детерминации, третьи — космической детерминации. Характерно, что "традиционные" обвинения в адрес марксизма ("экономизм", "грубый материализм", "технологизм") все больше уступают место новому способу критики: марксизм отождествляется с объективным идеализмом, его обвиняют в том, что марксизм — де игнорирует реального, социального, исторически-конкретного человека. Парадоксально, но факт! (Кстати, в этом сдвиге критики марксизма отражаются сдвиги в самой немарксистской философско-социологической мысли в сторону изучения социальной детерминации познания).

Вот некоторые примеры. Инструменталист С. Хук утверждает, что "ортодоксальный диалектический материализм" является — де прикрытым объективным идеализмом⁴⁴, игнорирующим живых людей и постулирующим необходимость бесклассового общества из "структуры и развития космоса"⁴⁵. Ф. Нортроп, своеобразно синтезирующий влияния различных школ (методология науки Э. Хагеля, инструментализм, "социология познания") и оперирующий конкретным этнографическим материалом, считает, что "у Маркса человек находится в плену абсолютно детерминированного развития культуры"⁴⁶, что

44 S. H o o k, Philosophy and Human Conduct, in: S. H o o k, The Quest for Being and Other Studies in Naturalism and Humanism, London, 1961, p. 21.

45 S. H o o k, Materialism and Idealism, in: S. Hook, The Quest for Being and Other Studies in Naturalism and Other Studies in Naturalism and Humanism, London, 1961, pp. 236, 237.

46 F.S.C. N o r t h r o p, The Meeting of East and West, New York, 1959, p. 245.

марксистское понимание социальной детерминации тождественно гегелевскому объективному идеализму. Идеолог негритюда, президент Сенегала, Л.Сенгор заявляет, что учение Маркса и Энгельса — это абсолютный детерминизм, который был ограничен рамками мышления своего времени, стилем естествознания первой половины XIX в., и который игнорирует социально-культурную обусловленность мышления. Поэтому — де марксизм принципиально неприемлем для негроафриканского миропонимания.⁴⁷

Такие обвинения, естественно, лишены всяких оснований. Взгляды основоположников марксизма не содержат в себе ничего подобного.⁴⁸ Наоборот, им принадлежит действительно научная, глубокая и всесторонняя разработка проблем социальной детерминации человеческого познания.

Идеи основоположников марксизма о социальной детерминации познания в широком смысле, о тех социальных средствах, с помощью которых обеспечивается существование коллективного субъекта познания и в которых материализуются, опредмечиваются результаты познания, имеют крупное методологическое значение для всей совокупности научных дисциплин, изучающих формирование человеческой картины мира. На методологической основе этих идей, как нам кажется, осуществимо и комплексное исследование человека.

---

47 L.S. S e n g h o r, *On African Socialism*, New York, 1914, p. 72.

48 Это не означает, что отдельные работы плохих комментаторов Маркса, например, работы типа Л.Альтюссера, не могут дать повода для таких утверждений.

НОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ ЦЕЛИ КАК КАТЕГОРИИ ДИАЛЕКТИКИ

М.Г.Макаров

Марксистско-ленинская философия рассматривает категории в их логическом и историческом развитии. "...Если все развивается, - писал В.И.Ленин, - то относится ли все к самым общим понятиям и категориям мышления? Если нет, значит, мышление не связано с бытием".^I Эта ленинская мысль приобретает особенное значение в наше время, когда научная революция, сдвиги во всем строе теоретического мышления потребовали уточнить, переосмыслить ряд традиционных понятий диалектики, ввести новые категории.

К понятиям, переживающим сейчас весьма радикальные изменения, относится категория цели. Происходящая с ней трансформация дает даже основание для высказываемого иногда мнения, что по существу здесь рядом со старой категорией и независимо от нее произошло возникновение совершенно нового понятия. Подобная точка зрения упускает, однако, из виду, что категория "цель", как и многие другие философские понятия, имеют различные стороны, выступавшие на первый план и развивавшиеся на разных этапах истории познания. В этих применениях основное содержание категории в той или иной мере видоизменялось, но не отбрасывалось, не заменя-

---

^I В.И. Ленин. Полное собр. соч., т.29, стр.229.

лось совершенно новым, не имеющим с ним ничего общего. Это позволяет говорить в таком случае именно о развитии категории, ее обобщении или ограничении, выдвигении на первый план тех или иных ее сторон, обогащении ее элементами нового содержания, новыми аспектами.

Если подойти с этой точки зрения к категории цели в истории философии, в особенности - к пониманию и применению ее основоположниками марксизма, то нельзя не увидеть заключавшихся в ней богатых возможностей развития. Ф.Энгельс обращал внимание на понятие "внутренняя цель" в немецкой классической философии как на попытку выразить направленный характер организации живых существ без помощи представления о надприродном факторе, как на "протест против дуализма" действующих и целевых, конечных причин. Противоположность между ними узка², существуя лишь при весьма ограниченном понимании причинности. При более же широком понимании - следует заключить из этих слов Энгельса, - отношение, выражавшееся понятием "конечная причина", занимает место в качестве момента более развитой причинной связи. Этому соответствует указание К.Маркса на "рациональный смысл" телеологии.³

Раскрывая же закономерности саморегуляции и развития капиталистической экономики, Маркс применял понятие цели для выражения объективной направленности этой регуляции. Таким образом, впервые в истории материализма Марксом и Энгельсом была по существу признана применимость категории цели для обозначения определенных отношений объективной действительности, понимавшихся ими как особый вид причинных отношений. Тем самым диалектический материализм в вопросе рассматриваемой категории

---

²К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т.20, стр.569.

³Там же, Соч. т.30, стр.475.

был противопоставлен не только телеологии, но и вульгарному антителеологизму, видящему в любом применении понятий цели и целесообразности к объективным процессам в природе проявление идеализма, религиозно-телеологического мировоззрения. Выразителями точки зрения вульгарного антителеологизма, значительно менее известного, чем телеология, были в философии Л.Бухнер, Ф.Ланге, Н.К.Михайловский и др. Позднее подобная точка зрения проводилась, в частности, некоторыми советскими философами, сближавшими в 20-30 гг. марксистскую философию с механистическим материализмом. Распространение грубого антителеологизма в биологии, где его представителями выступали часто сторонники идеалистических концепций, вело к игнорированию проблемы адаптации, было направлено обычно против теории Дарвина, тормозило развитие естествознания.

Грубый антителеологизм критиковался Ф.Энгельсом, его высмеивал К.А.Тимирязев. Но особенно резко выявилось его несоответствие категориальному строю реального научного мышления в связи с возникновением кибернетики. Последняя открыла новый путь для развития рассматриваемой категории. Особенная роль в этом принадлежит принципу обратной связи, который рассматривается в кибернетике с точки зрения циркуляции информации, переносится из сферы энергетики в область теории связи. Последнее позволяет выделить моменты, общие как для регулирования в технике, так и для приспособительных реакций организма и для целенаправленной сознательной деятельности человека, открывая широкие возможности для имитации целесообразного поведения. Обратная связь выступает в кибернетике как информации о соответствии действий системы заданному значению выхода. "Цель" существует при этом не только в уме конструктора или наблюдателя, но и обладает объективной реальностью в особой структуре обратной связи, поскольку эта связь физически существует. Старый принцип технической регуляции приобрел благодаря такому обобщению также общий фило-

софский смысл. Кстати сказать, "актом рождения кибернетики" часто называют статью Н. Винера, А. Розенблюта и Д. Байгелу, посвященную именно проблеме цели и телеологии⁴.

Цель определялась как некоторая объективная характеристика поведения объекта — активной системы с отрицательной обратной связью, выражающая "конечное состояние, в котором поведение объекта достигает определенной корреляции во времени и пространстве в отношении другого объекта или события". Термин "телеология" приобретал значение объективной определенности поведения активно и целенаправленно движущейся системы с обратной связью. В той интерпретации, которая придавалась этому термину в прошлом, писали авторы статьи, телеология включала цель и к ней часто присоединялось неопределенное понятие "конечной причины". Оно вело к противопоставлению телеологии и детерминизма, дискредитировало первую нарушением временной последовательности причин и следствий. Но с отбрасыванием этого аспекта телеологии отвергалось, к сожалению, и связанное с ней ценное изучение цели. Поскольку же цель рассматривается как понятие, необходимое для понимания некоторых способов поведения, телеологическое исследование, не противопоставленное в таком случае причинности, является оправданным и полезным.⁵

Можно только поражаться замечательным совпадением этих идей возникающей кибернетики с мыслью Энгельса о необходимости преодоления узкой противоположности между действующей и конечной причинами. Дальнейшее развитие кибернетики подтвердило и усилило значение этой науки для понимания вопросов цели и целесообразности. Широкое применение понятия цели как в технической кибернетике, так и в других сферах этой науки, является фактом. Практика подтверждает ценность

---

⁴ А. Розенблют, Н. Винер и Дж. Байгелу, Поведение, целенаправленность и телеология; в кн.: Н. Винер, Кибернетика, М., 1968.

⁵ Н. Винер, Кибернетика, стр. 294.

такого применения. Цель рассматривается при этом как объективная характеристика поведения систем с обратной связью, независимо от их качественной природы. Этот абстрактный подход придает понятию "цель" также весьма абстрактное значение, отличное от значения внутреннего, идеального образа будущего результата действия. Именно в последнем значении, применительно к процессу труда, эта категория характеризуется Марксом в широко известном определении в пятой главе первого тома "Капитала".⁶ Значение, придаваемое понятию цели в кибернетике, не совпадая с данным определением, в то же время не находится с ним в противоречии. Оно отвечает одному его существенному моменту, указывая на то, что цель "как закон определяет способ и характер" действий. Маркс вкладывает, очевидно, в слово "закон" значение не только внутреннего авторитета, директивы, но и объективной характеристики поведения, его структурной закономерности. Таким образом, по Марксу, в качестве одной из сторон цели на ступени ее осуществления выступает определенный строй операций, организация отдельных актов (Маркс говорит не об единичном акте) в определенную структуру поведения как целого. В этом отношении цель выражает объективную структуру процесса. Именно с этой стороны подходит к рассмотрению цели кибернетика.

Понятие цели пережило благодаря кибернетике и выработанному последней особому способу научного мышления серьезные изменения. Оно подверглось обобщению, было освобождено от специфических биологических и психобиологических элементов, получив значение объективной характеристики регулирующихся систем, выражаемой в терминах обратной связи и информации. Благодаря этому оно приобрело необходимые для научного понятия определенность и однозначность. Из применявшейся до сих пор в современной науке преимущест-

---

⁶К. Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.23, стр.189.

венно только в исследовании человеческой деятельности и в биологии, где это применение было связано с достаточно большой путаницей и философскими ошибками, категория цели превратилась в понятие общенаучной значимости. Кибернетика не только придала ему высокую абстрактность и четкость, но и обогатила содержание, определив связь с причинностью, структурой, возможностью, вероятностью, устойчивостью и т.д. Потребовалось также уточнение ряда понятий, подчиненных категории цели.

Из этих понятий "целенаправленность" получает определение как свойство поведения системы быть детерминированным конечными условиями, к выполнению которых система направляется или стремится. Она выражает программированность данного поведения. Целенаправленность еще не говорит о способности системы продолжать стремиться к достижению цели после отклонений. Свойство поведения системы сохранять целенаправленность несмотря на возмущения, соответствие его и составляющих его актов задаче достижения цели обозначается термином "целесообразность". Кибернетика, показав законность применения понятия "цель" в значении конечной ситуации, которая запрограммирована в начальных состояниях системы и достижение которой может обеспечиваться обратными связями, устранила между прочим также противоречие, в которое впадали материалисты, признававшие объективность целесообразности, но отрицавшие при этом объективность цели вообще. Между тем такое признание требует с логической необходимостью и применения понятия цели в объективном значении. Уже само слово "целесообразность", как заметил еще И.Дицген, "содержит в себе свое толкование: цель есть мера целесообразного. Лишь на основе данной цели можно определить то, что целесообразно".⁷

Кибернетика избавила понятие цели в указываемом ей применении от антропоморфизма. Последнее не означает, что

---

⁷ И. Д и ц г е н, Избранные сочинения, т. I, 1931, стр. 68.

понятие цели в кибернетике не имеет никакого отношения к понятию цели сознательной деятельности. Последняя может быть представлена как качественно своеобразный случай цели в указанном широком смысле. Она подлежит объективному научному исследованию, в том числе и средствами кибернетики. Использование понятия цели в придаваемом ему кибернетикой значении при изучении деятельности самого человека особенно оправдывает себя, когда человек рассматривается в качестве коммуникационной системы, представляющей собой звено системы управления машинами. Важность такого подхода к изучению человека в век стремительного развития техники, вторжения ее в сферу сугубо субъективного, бесспорна. В этом изучении принимают участие математика, физика, радиоэлектроника, физиология, психология, антропология, медицина и т.д. Понятия кибернетики дают общий язык этим разнородным дисциплинам, объединяют их в комплексном исследовании общего вопроса. Среди этих понятий важное место принадлежит понятию цели в его значении, выражающем существеннейший момент отношений управления и регулирования.

В кибернетической литературе можно встретить попытки выразить понятиями этой науки и само явление сознательной цели человека в его специфике. Однако в данном случае кибернетики в силу формального характера их средств не приходят, по крайней мере на данном этапе, к чему-то новому. Полностью правы поэтому наши специалисты, указывающие, что теоретико-информационный и кибернетический подход пока что еще мало дал для изучения сознательного целеполагания человека. Все же большой заслугой кибернетики является здесь то, что она помогла вывести цель человека из сферы только субъективного, показав необходимость ее исследования и как объективного явления средствами теории информации, физиологии, общей науки о человеке и его поведении.

Возникновение кибернетики явилось поражением идеалистической телеологии, наиболее тяжелым после нанесенного Ларвином. Она придала понятиям цели и степени достижения

цели объективное значение, освободила их от антропоморфизма и спиритуализма, включила цель в сетку категорий детерминистического, причинного мышления. Кибернетика подтвердила правоту причинного понимания явлений объективной целесообразности в биологии, экономике, социологии, показав в то же время научность применения понятия цели в этих дисциплинах. С точки зрения логики исторического развития познания особенно примечателен тот факт, что в лице кибернетики было представлено еще одно доказательство антителеологического учения Дарвина. Теория естественного отбора как регулирующего механизма эволюции полностью согласуется с идеями кибернетики. Маркс в свое время увидел в теории Дарвина смертельный удар по телеологии как форме идеалистического мировоззрения, подчеркнув одновременно, что Дарвин эмпирически выяснил рациональный смысл телеологии. Можно сказать, что кибернетика в некотором отношении обобщает дарвиновскую теорию целесообразности, раскрывая рациональный смысл телеологии уже не просто эмпирически, а абстрактно-теоретически, открывая пути применению закономерностей целесообразности в технике. Практическое создание путем соответствующей организации причинных, информационных связей явлений целесообразности и самой цели в экспериментальных и производственных устройствах является окончательным опровержением утверждения о нематериальной, нарушающей причинность, природе этих явлений.

В то же время развитие техники приспособляющихся, "телеологических" автоматов кладет конец одному из исторических источников грубого антителеологизма. До сих пор техника стремилась реализовать главным образом лапласовский детерминизм. Единственным возможным способом точного получения необходимого эффекта, свободного от нарушающих случайностей, была жесткая фиксация исполнительных механизмов. Это питало привычку искать во всей природе однонаправленные ряды жестких причинных связей. Кибернетическая техника приучит очевидно применять категорию цели в указанном кибернетикой смысле к явлениям не только живой природы, но и

к неорганической "искусственной" природе мира машин. Это снимет еще сохраняющееся предубеждение против такого употребления данной категории.

Победа материалистического мышления в естествознании не только не оказалась, вопреки предсказаниям механистов, полным вытеснением категории цели из понимания природы, но и даже повысила значение этого понятия. Повышение интереса к вопросу целесообразности, целенаправленности и, в этой связи, к категории цели в эволюционном учении, генетике, эмбриологии, не говоря уже о таких дисциплинах, как экология, физиология, физиологическая анатомия, патология и т. д., совпало, а отчасти получило дополнительные стимулы, в связи с рассмотренным нами выдвиганием этого вопроса на первый план в кибернетике. Подчеркнув значение дарвиновского принципа целесообразности в эволюционной теории, она помогла раскрыть существование наследственной программы - цели процессов синтеза в индивидуальном развитии. Кибернетика подтвердила также справедливость некоторых важнейших направлений в физиологии, указывавших на важность понятия цели в естествознании. О "внутриорганической телеологии" саморегуляции организмов с естественной целью внутри самого организма говорил еще К.Бернар. На необходимость исследования цели как объективного физиологического явления указал И.П.Павлов. Большое значение в рассматриваемом отношении имеют взгляды П.К.Анохина, показавшего, что нигилистическое отбрасывание категории цели препятствует развитию теории рефлексов. Еще до создания кибернетики, в 30 гг. им была выяснена физиологическая роль обратных афферентаций в организации поведения животного, посредством которых происходит регуляция движений, а также оценка итогового результата деятельности. Из отечественных физиологов значение категории цели для научного исследования особенно подчеркивал также Н.А.Бернштейн. В разрабатывавшейся последней концепции физиологии активности цель принимается в значении модели ближайшего будущего, направляю-

дей произвольные действия животного и человека. Применение категории цели, понятий целесообразности, целенаправленности для выражения объективных отношений в природе отвечает, таким образом, строю мышления также и физиологической науки. "...Кибернетика вернула спокойную совесть физиологии, - пишет французский ученый Ж.Сован, - дав права гражданства конечной причине. Эта конечная причина, разумеется, полностью свободна от витализма, она разлагается на дифференциальные отношения и сообщения..."⁸.

Отражением процесса повышения роли категории цели в биологическом исследовании служит введение в биологии термина "телеономия". Этот термин был предложен в качестве обозначения особенности поведения целенаправленных систем, при подчеркивании их причинно-обусловленного характера. Этот термин, имеющий не только биологический, но и важный философский смысл, отвечает назревшей потребности обозначить отношения объективных целесообразных и целенаправленных процессов. Он оформляет уже имеющиеся понятия, в значительной мере исключая возможность их идеалистического использования и интерпретации. В то же время этот термин подчеркивает немеханический характер причинных структур в регулирующихся системах.

Необходимо подчеркнуть принципиальное отличие понятия "телеономия" от понятия "телеология", с которым исторически связано значение идеалистической теории. Между тем имеются попытки видеть здесь лишь просто смену слов. "Еще несколько десятилетий назад, - пишет, например, крупный американский биохимик Э.Рэкер, - телеологию можно было сравнить с ламой лунной репутации, с которой все знакомы, но никто не рискнет появиться в обществе. В последние годы нравы резко изменились. Из сочинений современных биологов мы знаем, что наша дама обзавелась теперь брачным свидетель-

⁸ I. S a u v a n, Physiologie cybernétique, "La Presse Médicale", 1959, N 16, p. 659.

ством, а вместе с ним и новым именем "телеономия"... Наша дама стала теперь уже законной женой и, на мой взгляд, она просто очаровательна"⁹. Нет, "законной женой" науки идеалистическая телеология не стала и не могла стать. Смысл введения термина "телеономия" и состоит в том, чтобы подчеркнуть это.

Показав научное значение понятия цели, кибернетика подтвердила правомерность применения этого понятия к общественным системам в марксистской политической экономии и историческом материализме. Известно, что до этого широкое применение Марксом к производству понятия цели, включение ее в основной, "абсолютный" закон способа производства, порождало недоумения. Они были обусловлены, во-первых, пониманием цели как характеристики исключительно сознания человека, как строго однозначного понятия, неприменимого к объективным процессам. Во-вторых, недооценкой саморегуляции в экономике, их ориентированности на поддержание устойчивости основных отношений и направления изменения некоторых величин. В-третьих, упрощенным пониманием "материальности" экономических отношений. Признание существования саморегуляции, определяемых ею целесообразности и целенаправленности, неизбежно требует признания также существования состояния, сохранение которого обеспечивается данной саморегуляцией и которое выражается понятием цели в его широком значении. Так как цель саморегулирующейся системы фиксируется в организации, структуре обратных связей системы, то понятно, что данная цель включается в основной закон, этот организационный принцип системы. Как производительные силы, так и производственные отношения содержат субъективный фактор также и с его духовными, интеллектуальными свойствами и функциями. Понятие цели капиталистического производства выражает у Маркса прежде всего внутреннюю определенность данной экономической системы, ее объективную направленность, определяемую способом расходования денежных сумм,

9 Э. Рэкер, Биоэнергетические механизмы, М., 1967, стр.232.

на возрастание капиталистической прибыли. Это объективное отношение выступает в сознании организатора производства на предприятии, капиталиста, как его субъективная цель. В виде последней она является элементом циклической структуры причинной цепи, в которой происходит оценка обратной информации. Сознание капиталиста в экономическом процессе играет роль измерительного устройства в целенаправленной ячейке системы. Цель капиталиста однозначно определена. Средняя величина предприятия капиталиста в процессе организации им производственного процесса может быть учтена как некоторый дополнительный физический фактор.

В социалистическом обществе общая для всех ступеней общественного развития необходимость регулирования производства рабочим временем осуществляется путем сознательного контроля со стороны общества над имеющимся в его распоряжении рабочим временем. Централизованное управление хозяйством в масштабах всего общества является основным преимуществом социалистической экономики. Целью, на которую объективно с необходимостью направлена эта экономика, может быть в конечном счете только максимальное удовлетворение потребностей всего общества.

Правильно выражая сущность социалистического способа производства, указанное определение его цели оставляет неясным целый ряд вопросов, относящихся к этой цели. К числу их принадлежит проблема отношения указанной общей цели к практике хозяйственного расчета на отдельных предприятиях, к особым целям их коллективов. Отсутствие внимания к этим вопросам было связано с недооценкой саморегуляций в социалистической экономике. Понимание социалистической экономики как жестко программированной, только управляемой, а не управляемой и одновременно саморегулирующейся, практически допустимое в условиях начала ее строительства, выступает как игнорирование специфики целей, а также объективной целесообразности на нижних этапах системы. Достигнутый в настоящее время высокий уровень хозяйства в СССР и

Других развитых социалистических странах потребовал улучшения методов управления экономикой. Общей чертой проводимых преобразований является, между прочим, совершенствование системы целей, связанное с развитием, в рамках общего плана, самостоятельности отдельных предприятий, расширением сферы применения категорий товарного производства. Механизмы саморегуляции развитого товарного хозяйства не только не находятся при социализме в противоречии с правильно понимаемым принципом централизованного управления, но и являются необходимым условием эффективности этого руководства. Все это достаточно хорошо обосновано экономистами и кибернетиками в СССР и странах народной демократии. Возможность широкого варьирования указанных методов, различающихся в своих частностях в отдельных социалистических странах, а также сам факт изменения механизма управления, демонстрируют высокую приспособляемость социалистической экономической системы.

Одним из существенных преимуществ социалистической организации экономики по сравнению с капиталистической является, с точки зрения общих принципов управления, свойственная ей соподчиняемость, иерархия целей. Иерархичность обеспечивает устойчивость функционирования и приспособляемость системы, экономичность ее структуры. При капитализме цели отдельных капиталистических предприятий параллельны, лежат на одном уровне, независимы друг от друга. Цель капиталистического производства представляет собой простое обобщение этих атомизированных целей. Осознание и принятие трудящимися общей цели социалистической экономики не означает, что эта цель выступает как непосредственный мотив и установочная величина работы коллектива каждого предприятия в отдельности. Специфичность, относительная самостоятельность целей экономических единиц на разных уровнях отвечает относительности самостоятельности частей сложного организма социалистической экономики. Иерархия целей в социалистическом народном хозяйстве, интегри-

рующихся в одну общую цель, отличную от этих частных целей, выражает более высокую, по сравнению с капитализмом, организованность социалистической системы.

В опасениях, что развитие саморегуляции может подорвать принцип единства хозяйства и централизованного планирования социалистической экономики, сквозит между прочим в какой-то мере и узкое понимание категории цели. Цель, определяемые ею целенаправленность и целесообразность, относятся, с этой точки зрения, исключительно к сознанию, в обществе — соответственно — к идеологической сфере государства и политики. Как уже отмечалось выше, такое узкое, в духе вульгарного антителеологизма, понимание цели в настоящее время не может быть оправдано.

Общим законом целесообразности в биологических, психических, экономических явлениях так же как и в самоуправляющихся технических устройствах служит принцип иерархичности управления. Он заключается в построении многоярусной системы, в которой непосредственное управление исполнительными органами осуществляют органы низшего уровня, контролируемые органами второго уровня, которые, в свою очередь, контролируются органами третьего уровня и т.д. Этому соответствует градация, в рамках общей цели системы, подцелей, варьируемых соответствующими подсистемами, что обеспечивает необходимым развитием обратных связей. Иерархичность и разнообразие конкретных экономических целей требуют для взаимосогласования, оценки, сравнения с затрачиваемыми на их реализацию средствами возможности количественного выражения. Таковую возможность предоставляет, как нам кажется, превращение в непосредственную экономическую цель предприятия социалистической прибыли, разумеется, в рамках ограничений, накладываемых ориентирующими показателями государственного плана.

Прибыль в социалистическом обществе не служит целью высшего уровня, целью экономической системы в целом, как при капитализме, а выступает в качестве средства, направленного на достижение наиболее полного удовлетворения по-

требностей человека. Она играет роль подцели по отношению к интегральной цели общества и направляется, модифицируется в соответствии с последней. Прибыль материальна, стремление к ее получению вытекает в таком механизме из естественной необходимости самого производства, независимо от воли и моральных качеств людей. Она — объективная цель саморегуляции. Это отнюдь не преуменьшает значения моральных идеологических факторов в сознании, которые не подменяют экономических механизмов, а развиваются на их основе.

Проблема объективной целесообразности общественных явлений не ограничивается областью экономики, в которой механизмы саморегулирования выражены особенно определенно. Подход с точки зрения объективной целесообразности, полезности распространяется и на отдельные явления, структуры внутри общества. Фундаментальное в марксизме определение соответствия или несоответствия производственных отношений производительным силам является по существу оценкой их целесообразности. В отношении общественного сознания Г. В. Плеханов говорил, что "психология общества", "всегда целесообразна по отношению к его экономике". Стихийно складывающаяся целесообразность общественных институтов может превосходить уровень, допускаемый интеллектуальным развитием данного поколения общества, способность его сознательно рационализировать свою деятельность. В подобных случаях может осознаваться только мнимая, формальная цель деятельности (исполнение воли богов, спасение души, общение с тенями предков и т.п.), объективная же цель является закодированной в структуре социальных отношений и остается неосознанной¹⁰.

Для выражения целесообразной роли, которую играет определенный элемент социальной структуры в сохранении данной структуры или направлении ее развития, применяется

¹⁰ Ю. А. Л е в а д а, Сознание и управление в общественных системах, — "Вопросы философии", 1966, № 5, стр.67.

термин "функция". Применение этого понятия в его отчетливо телеономическом значении можно найти у Ф.Энгельса.^{II}

В связи с этим рациональный момент структурно-функционального анализа Парсонса-Мертон и близких этому направлению буржуазных социологических теорий, состоящий в выяснении роли тех или иных элементов социальной структуры, в сохранении структуры как целого, в принципе не представляет собой нового для марксизма.

Одной из особенностей общества является то, что функции его подсистем или институтов гораздо меньше закреплены за определенными структурами, чем это наблюдается в живой природе или технике. Указанная особенность связана с более высокой подвижностью элементов, составляющих социальную структуру, вхождением их одновременно в различные структуры и т.д. Подвижность связи социальной функции со структурой, лабильность их обеих, зависящая от изменения условий, находит выражение в понятии социального приспособления или социальной адаптации.

Таким образом, одновременно с собственно категорией цели в значении объективного отношения в науке об обществе находят применение в качестве выражений объективных отношений такие подчиненные этой категории телеономические понятия, как целесообразность, целенаправленность, функция, приспособление или адаптация. Рассмотренные нами случаи научного применения телеономических форм в познании объективных общественных отношений полностью соответствуют общим условиям этого применения, показанным в абстрактном виде кибернетикой.

В то же время в марксистских исследованиях можно встретить применение категории цели и там, где отсутствует реальное целевое, телеономическое отношение. В качестве цели выступает при таком обозначении итог, завершающая ступень процесса развития. Этот итог принимает вид цели при

---

^{II} К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т.19, стр.296-297.

ретроспективном рассмотрении, когда предыдущие этапы оцениваются с точки зрения их роли в его подготовке, как будто они являлись средствами достижения данной "цели". В этом употреблении в понятие цели на первый план выступает заключенный в нем момент завершения, конца движения. Установить конечный результат, к которому ведет процесс как к своему пределу, — цель, и под его углом определить место и роль данных явлений в процессе в целом не может не иметь значения для познания действительности. В таком применении понятия цели находит свое выражение аналитический метод отыскания причин по их следствию. Именно в таком смысле Маркс говорит об "историческом признании", "исторической задаче и оправдании" капитала, заключающихся в развитии производительных сил общества и подготовке перехода к высшей ступени развития — социализму. В.И. Ленин, анализируя кризис в физике начала XX века, отмечает, что современная физика бессознательно, стихийно идет в своем развитии к философии диалектического материализма как к своей "конечной цели"¹².

Гносеологическая сущность целевого способа описания поступательного процесса развития была раскрыта Марксом и Энгельсом в ходе критики ими телеологического понимания истории. "На самом деле, то, что обозначается словами "назначение", "цель", "зародыш", "идея" прежней истории, есть не что иное, как абстракция от того активного влияния, которое оказывает предшествующая история на последующую".¹³ "Цель" в таком ее употреблении есть "в лучшем случае, риторическая форма, один из многих способов" изложения фактического материала.¹⁴ Категория цели в этой роли представляет собою абстракцию от реальной причинной свя-

¹² В.И. Ленин, Полное собр. соч., т.18, стр.332

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т.3, стр.45.

¹⁴ Там же, Соч. т.4, стр.141.

зи в процессе развития, превращенную форму отражения этой связи, когда предшествующая история рассматривается с точки зрения ее значения для возникновения последующей. Не только предшествующее развитие дает возможность лучше познать его конечный результат, но и знание этого результата позволяет глубже понять прошлое. Это справедливо не только в отношении познания истории общества, но и развития органической природы. Степень приближения к высшей форме, человеку — в эволюции органического мира, к коммунистическому обществу — в общественном развитии, служит объективным масштабом прогресса. Он помогает вскрыть основное суммарное направление, по которому шло прогрессивное развитие. Надо заметить, однако, что эвристическое значение этого приема является ограниченным. Он оправдывает себя на первых этапах познания смежных ступеней. Распространение его на более отдаленные стадии вступает в противоречие с реальными качественными различиями развития на разных ступенях, с разветвлением и расслоением потока развития на расходящиеся, сходящиеся и параллельные линии. Указанное условное, эвристическое применение категории цели следует четко отделять от использования цели в значении объективного отношения, характеризующегося определенной структурой обратных связей или наличием программы.

Рассмотренное выше широкое, "телеономическое" применение категории цели ни в коей мере не находится в противоречии, как уже было отмечено, с признанием специфики и значения сознательной цели как свойственной только человеку. Однако исторический переход к цели человека есть не переход от вообще лишнего цели уровня, а — глубокое изменение в типе, содержании, действиями и роли цели. Марксистская философия, опираясь на данные наук, намечает генетическую и структурную связь между органической целесообразностью и целеполаганием человека. Сознательная цель вводится в общие рамки причинности, лишается придающегося ей идеализмом мистического характера. Это не только не означает отрицания существования телеологической связи сознания и действия, но,

наоборот, утверждает ее как реальный факт, требующий конкретного исследования. Необходимо отметить, что и сознательная целенаправленность, цель человека — явление далеко не однородное. Оно осуществляется на разных уровнях, подчиняя себе различные формы деятельности, связано с действием различных психологических закономерностей, может иметь различное значение для личности и общества.

В психологической науке существует целый ряд понятий и соответствующих терминов, отражающих различные формы и стороны цели и целеполагания: установка, мотив, от которого отличают "цель действия" в психологическом смысле, задача, смысл, намерение, проект. Философская категория "цель" как выражение определенной закономерности познавательно-практической деятельности представляет собой обобщение этих более конкретных понятий. Понятие цели в значении выражения определенных объективных отношений в биологии, социологии, теории автоматов представляет собою в этой связи не только экстраполяцию телеономической закономерности, действительной для предметной области сознания человека, на иные предметные области, в результате установления аналогий, но и обобщение посредством перехода от конкретных свойств к логическим переменным.

Таким образом, термин "цель" имеет в пределах самой философии два значения: общее (соответствующее "телеономическим" отношениям вообще) и специальное, относящееся только к сознанию человека ("телеологические отношения"). Второе значение есть конкретизация первого и относится к системе важнейших понятий самой философии. Оба значения суть стороны одной, многогранной и развивающейся категории. Слова, выражающие в философии категорию "цель" и связанные с ней понятия, являются одновременно специальными терминами психологии, зоопсихологии, физиологии, биологии, кибернетики, экономической науки. В этом — одно из отличий рассматриваемой категории от некоторых других (например, — причины, необходимости, возможности, общего и т.д.),

не являющихся терминами частных наук. В "целевых" терминах науки фиксируются стороны, ответвления единого развивающегося понятия - категории цели. Это единство определяется общностью важнейших отражаемых отношений, историей развития понятия, общим мировоззренческим смыслом, положением на накладываемой категориальной сетке. Поэтому выражаемые в этих терминах понятия суть проявления, применения, различные аспекты одной категории, фиксируемой в философском термине "цель", входящем в систему философских терминов. Рассмотрение указанных научных терминов под углом зрения данной категории вводит их для оценки и "обработки" в сеть категорий как систему операторов. Философский термин, налагая ограничения на варьирование значений слова, позволяет в то же время фиксировать новое значение, соответствующее бурному развитию научного познания и отличающееся от значения этого слова в естественном языке. Мы отметили элемент такого расхождения в связи с развитием категории "цель". Значительное изменение в ее применении в науке вызвало, в частности, введение термина "телеономия". В настоящее время представляется целесообразным следующее разграничение ряда философских терминов, относящихся к кругу явлений, выражаемых категорией цели, и к соответствующим взглядам: "финальность", "финальный" - свойство класса явлений, организации или поведения которых так или иначе направлены на возникновение определенного результата (цели в широком смысле), а также - подхода, при котором данные явления рассматриваются с точки зрения достижения ими этого результата как "цели"; "телеономия", "телеономический", - как уже было сказано, - закономерная, необходимая связь явлений или процессов, определяемых начальной программой или структурой обратных связей; "телеологические отношения" - подклассе класса телеономических связей, характеризующийся определяющей ролью сознательной цели; "телеология" - философская теория категории "цель" и отражаемых ею финальных, телеономических, телеологических в том числе, отно-

шений, а также вообще соответствующие мировоззренческие взгляды; "финализм" или "идеалистическая телеология" — подкласс предыдущего класса теорий или взглядов, характеризующийся идеалистическими или нарушающими принцип материальной причинности пониманием финальности и применением категории цели.

Исследование происходящего развития категории выявляет огромную внутреннюю сложность строения категории, ее различные слои, уровни и аспекты, позволяют лучше определить ее поле, круг входящих в данное поле понятий. Процесс дифференциации охватывает сейчас не только естественные и гуманитарные науки, но также и философию. Здесь, как и в других областях знания, он вызывает усиление своей диалектической противоположности — интеграции. Категория цели, дифференциация содержания и применения которой неуклонно возрастает, относится в целом к понятиям, служащим в первую очередь философской интеграции, цементирующим единое здание марксистского мировоззрения. Рассмотренная категория связывает между собой отдаляющиеся друг от друга области методологии естествознания, теории общественного развития и экономических систем, психологии, этики, учения о ценностях.

Принципы марксистско-ленинской философии достаточно прочны и широки, чтобы вместить в себя мировоззренческий смысл новых революционных теорий науки, а также предоставить достаточный простор для различных мнений по вопросам, связанным, в частности, с пониманием категории цели и ее изменений и не нашедшим еще своего окончательного решения в науке и философии. При этом она является единственной философской системой, способной материалистически истолковать и использовать весь опыт противоречивого развития данной категории.

Поступила в редакцию 10 декабря 1968 г.

НЕКОТОРЫЕ МОМЕНТЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАЦИИ

А.И.Горячева

К социальным общностям, в отношении которых можно говорить о специфическом психическом складе, относятся прежде всего общественные классы, различия в психике которых представляются наиболее значительными в антагонистическом обществе. Известные различия существуют и в психическом облике социальных слоев и прослоек. Внутри классов имеются известные различия между представителями различных профессий, а также возрастными и половыми группами. Последние два подразделения тесно связаны с физиологическими особенностями, хотя также носят прежде всего социальный характер. Нации также относятся к социальным общностям, в отношении которых можно говорить о специфическом психическом складе.

Нация и национальная психология

Марксизм, подчеркивая зависимость национального психического склада от общественного бытия, принимает его одновременно в качестве одного из существенных признаков нации. Своеобразный психический склад вырабатывался у наций из поколения в поколение в результате специфических условий существования каждой нации. Национальный психический склад включает в себя национальный характер, привычки, вкусы, традиции.

Национальный характер является основным элементом национального психического склада. Он представляет собой наиболее устойчивую характеристику психического склада нации, специфическую, исторически сложившуюся совокупность психических свойств, которая отличает одну нацию от другой.

Такие психические свойства как особенности отношения к труду, суровость, добродушие, насмешливость, приветливость, смелость, жестокость и многие другие находятся в определенном соотношении друг с другом. В этом соотношении те или иные свойства преобладают. Это специфическое соотношение тесно взаимосвязанных между собой психических свойств, представляющее собою сложное психологическое образование, и можно назвать национальным характером. Эти психические свойства национального характера проявляются, во-первых, во всем образе действия данной этнической общности (нации, народности и др.) в целом и, во-вторых, доминируют так или иначе у большинства ее отдельных представителей — личностей.

Классики марксизма признавали национальный характер как реальность и оставили свои оценки характера некоторых наций. Так, в отношении английской нации ими подчеркивается ее прозаический эмпирический характер,¹ практицизм и нелюбовь к абстрактным теориям². "Английский национальный характер, — говорил Энгельс, — существенно отличен как от немецкого, так и от французского; ему свойственно неверие в свою способность уничтожить противоположность и вытекающее отсюда полное подчинение эмпирии"³. Маркс отмечал также традиционный "староанглийский юмор"⁴. Эмпиризм, наряду со склонностью к компромиссам, юмором и способностью к организации в качестве свойств национального английского характера, называется и современными буржуаз-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т.8, стр.358; т.1, стр.585.

² В.И. Ленин, Полное собр.соч., т.26, стр.269.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т.1, стр.602.

⁴ Там же, т.11, стр.342. Само слово "Humour" в английском языке означает и "нрав", "склонность" ("черту характера"). Сравнить, например у Вальтера Скотта — "грубый нрав" Арденского Вепря — "rough humours", Walter Scott, Quentin Durwald, Moscow, 1962, p. 361.

ными английскими социологами⁵. В качестве, в известном смысле, противоположности английскому национальному характеру Энгельс указывал на характер ирландцев, подчеркивая эмоциональность и возбудимость последних. "Ирландцы по всему своему национальному характеру сродни романским народам, французам и, в особенности, итальянцам... У ирландцев чувства и страсти безусловно берут верх над разумом. Чувственный, легко возбудимый характер ирландцев не дает развиваться рассудительности и мешает равномерной, настойчивой деятельности".⁶ Энгельс считал даже, что воздействие ирландского национального характера на психологию английских трудящихся сыграло положительную роль в освобождении английского пролетариата из-под влияния буржуазии. Английский "рабочий начал понимать свое положение и свои интересы и развиваться самостоятельно, <...> перестал рабски следовать за буржуазией в своих идеях, чувствах и требованиях. И содействовали этому главным образом крупная промышленность и большие города. Другим моментом, оказавшим значительное влияние на характер английских рабочих, была иммиграция ирландских рабочих", которая "прививает английскому рабочему классу страстный, живой темперамент ирландца... Общение между более легкомысленным, легко возбудимым, горячим ирландцем и спокойным, выдержанным, рассудительным англичанином может в конечном счете оказаться только полезным для обоих"⁷. Придавая определенное значение социальным последствиям, вытекавшим из контактов и смешения трудящихся с различными национальными характерами, англичан и ирландцев, Маркс и Энгельс указывали и на особенности их темперамента.

Известное своеобразие темперамента относится к чертам, составляющим этнический, национальный характер. Понятие

---

⁵ W.I.H. Spragg, Social Psychology, London, 1952, p. 214.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т.2, стр.493-594.

⁷ Там же, стр.355-356.

"темперамент" применяется в качестве одной из характеристик национального характера в несколько ином смысле, чем в психологии, где оно выражает, как известно, особенности психической деятельности человека, имеющей в качестве своей основы определенный тип нервной деятельности. Национальный темперамент означает главным образом не связь его непосредственно с определенным типом нервной деятельности, а определенный необходимый стандарт реагирования, поведения, присущий не каждому из входящих в данную социальную (национальную) общность людей, а лишь ее большей части. Не все представители итальянской нации или эстонской обладают живым страстным (итальянцы) или спокойным, уравновешенным (эстонцы) темпераментом. Национальный темперамент в большей мере социобиологическое явление, зависящее от социальных условий (семья, церковь, быт, воспитание) и общения между людьми, тогда как темперамент индивида связан, главным образом, с типом нервной деятельности, когда наследственные связи играют решающую роль. Темперамент характеризуют особенности эмоционально-волевых процессов (определенное соотношение их), которые не сводятся только к скорости и силе, но характеризуются также устойчивостью или изменчивостью, плавностью или резкостью их изменения. Причем, все эти и некоторые другие свойства темперамента находятся в специфическом соотношении независимых друг от друга свойств, что и определяет тип темперамента⁸. Сам термин "темперамент" происходит от латинского "temperō", что означает - "надлежащим образом, соблюдая надлежащую меру смешивать, готовить, составлять", "temperamentum" - "соразмерность", "соответствующий способ". Свойства темперамента обусловлены наследственным фактором, но они могут изменяться под воздействием внешних условий, также как и внешние проявления этих свойств. "Не все народы, - писал

⁸ См. В.С. Мерлин, Очерк теории темперамента, М., 1964, стр. II, 16, 272-273.

К.Маркс, — имеют одинаковые данные для капиталистического производства. Некоторые самобытные народы, как например, турки, не имеют для этого ни темперамента, ни склонности. Но это исключения. С развитием капиталистического производства создается средний уровень буржуазного общества и вместе с тем средний уровень темпераментов и склонностей у самых различных народов"⁹. Через темперамент проявляется характер человека. Темперамент — это "тот совершенно всеобщий род и способ, в котором индивидуум проявляется в действии, объективируется, сохраняется в действительности"¹⁰.

В советской психологии можно встретить отрицание возможности различия между народностями по их темпераменту. Так, в Большой Советской Энциклопедии пишется: "Нет оснований видеть различия по темпераменту между отдельными расами и народностями"¹¹. В то же время различия между нациями в живости, подвижности, возбудимости, большей или меньшей общительности, более или менее непосредственном внешнем проявлении чувств и мыслей суть общепризнанный и неоспоримый факт. Так, в одном из своих писем Антонио Грамши заметил, что итальянскому национальному характеру, темпераменту соответствуют быстрые переходы от одних настроений к другим¹². Русские, например, в среднем более общительны, возбудимы, отношение свое проявляют более непосредственно, чем представители эстонской национальности. Данная особенность получила, в частности, отражение в эстонской художественной литературе, в которой указывается, что для эстонского характера является обычным испытывать скры-

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т.26, ч.III, стр.467.

¹⁰ Гегель, Соч., т.III, М., 1956, стр.83.

¹¹ БСЭ, т.42, стр.195.

¹² См. Антонио Грамши, Письма к жене, — "Иностранная литература", № II, 1962, стр.198.

тое стеснение при сильных внешних выражениях чувств. "У эстонцев, - читаем мы у Юхана Смуула, - редко бывает столько сердечности, теплоты и отзывчивости, сколько их у Васюкова. Они есть и у нас, но мы как бы стыдимся их даже тогда, когда их проявляют по отношению к нам другие, и поначалу испытываем скрытое стеснение"¹³. Отчасти это принимает вид нормы поведения, утверждаемой национальным самосознанием. Даже в печати можно встретить подчеркивание в качестве преимущества эстонского характера спокойствие и сдержанность, например, эстонских зрителей, в отличие от русских, на спортивных соревнованиях¹⁴. Эти различия по темпераменту сохраняются в качестве традиционной национальной формы поведения. Способ эмоционального реагирования, его форма, характер переживания и поведения передаются и совершенствуются из поколения в поколение. В характере и поведении личности можно различать уровень ее прирожденного темперамента и уровень темперамента национального, воспринятого данной личностью как необходимый стандарт реагирования, поведения.

Главным для теории марксизма в вопросе национального характера является, во-первых, то, что особенности национального характера как бы значительны они ни казались, не относятся к сущности психической деятельности человека, - к гносеологическому аспекту восприятия мира, ощущениям, логике мышления, одаренности и способности¹⁵ и прочее. Однако восприятие внешнего мира, понимаемое в более широком смысле слова (выходящем за рамки собственно гносеологи-

¹³ Ю х а н С м у у л, Ледовая книга, М., 1961, стр.23.

¹⁴ См. "Heast ja Halvast"; "Edasi", 1965, 2. juuni.

¹⁵ Некоторые авторы одаренность также включают в черты национального характера наряду с такими чертами, как "трудолюбие, любовь к Родине", хотя и считают эти особенности присущими не "только данному народу". См. Ш.Б. Б а т ы р о в, Формирование и развитие социальных наций в СССР", М., 1962, стр.185.

ческого отношения) также может быть своеобразным у различных наций. Это отмечает Н. Джандильдин: "Своеобразие условий жизни каждого народа, специфика окружающих его на протяжении всего периода существования явлений вырабатывает у него определенный оттенок в способе восприятия мира, в образе мышления, т.е. то, что дает ему возможность подмечать и обнаруживать черты, скрытые для других народов"¹⁶. Эту же особенность подчеркивает и Э.А. Баграмов. Говоря о проявлении психического склада нации, он отмечает некоторую особенность склада ума, манеру восприятия и реакцию на внешние предметы¹⁷.

Во-вторых, особенности национального характера определяются не биологическими, расовыми особенностями, передающимися генетически, а носят социальный характер. Известно, что одной из основных выдумок расистов является приписывание психических различий расам. (В частности, и абсолютизирование наследственных факторов в возникновении темперамента - Е. Jensch, W.H. Sheldon). Все данные современной науки как советской, так и зарубежной полностью опровергают эти измышления¹⁸. Это утверждение расизма приняло наиболее отвратительный вид в фашизме, который извращенно трактует особенности национального характера и выдает их за расовые, биологические отличия, отождествляя их в то же время с национальной культурой. От расизма в принципе не отличаются в данном вопросе весьма распространенные в настоящее время в США теории этнофрейдистов, объяс-

¹⁶ Н. Джандильдин, Коммунизм и развитие национальных отношений, М., 1964, стр. 90.

¹⁷ Э.А. Баграмов, Буржуазная социология и проблема "национального характера", - "Вопросы философии", № 6, 1964.

¹⁸ См. Расовая проблема и общество, М., 1957.

H. G ö r s c h l e l, Der Marxismus-Leninismus über die Rasse und ihre Bedeutung im Leben der Gesellschaft, in Rassen, Rassen "theorie" und imperialistische Politik, 1961, Bellin.

нящие социальные и экономические проблемы психобиологическими явлениями.

Раздувание особенностей национального характера является исходным моментом психологических теорий наций, этой формы идеализма и социологии. Известна борьба, которую вели марксисты с так называемым "австро-марксизмом" по вопросу определения понятия "нация". Буржуазные социологи ищут сущность нации в превратно понимаемом национальном сознании. Современные буржуазные теории нации характеризуются прежде всего психологизированным подходом. Идеолог империализма Х.Люти пишет, что группа населения превращается в нацию тогда, когда она проникается духом национализма. Национальный характер объявляется результатом националистической идеологии¹⁹. Нация якобы создается националистической идеологией и зависит во всем своем существовании от нее. В таком же духе пишет, например, и латышский националист Юевич: "Мы хотим быть латышами потому, что мы есть таковы. Этим сказано все важнейшее, это значит, что принадлежность к латышам входит в наше бытие, это часть от нас, и, потеряв это, мы теряем сами себя"²⁰.

Национальный характер — понятие, часто употребляемое в качестве синонима национального психического склада, — понимается здесь в несколько более узком смысле. Национальный психический склад, кроме национального характера, включает в себя специфические привычки, вкусы, обычаи, традиции. Выделение национального характера внутри национального психического склада позволяет лучше понять процессы, происходящие в ходе культурной революции и строительства социализма, а также при переходе к коммунистическому обще-

19

Изложено по В. Н о л з п е р , *Völkerpsychologie*, Würzburg, 1958.

20

Я.С. Б р о л и ш , Интернациональное воспитание учащейся молодежи, Мат. всесоюз. конф. по теоретическим вопросам социалистического интернационализма, Вып. II, М., 1968, стр.128.

ству. Глубокие изменения, происходящие в психическом складе нации, не означают исчезновение национального характера. В первую очередь происходит процесс исчезновения старых и возникновения новых, общих для наций социалистического общества, привычек, обычаев, традиций, отражающих изменения, происходящие прежде всего в быту, связанные с изменениями в экономической области. Это означает возникновение многих черт в психологии национальностей, составляющих советский народ, но этот процесс ни в коем случае не является процессом ломки и уничтожения национального характера. Программа КПСС, говоря о том, что у советских людей разной национальности сложились общие черты духовного облика, имеет в виду прежде всего именно традиции²¹.

Национальный характер — наиболее устойчивый момент национального психического склада. Если в национальном психическом складе русского народа произошли после Октябрьской социалистической революции огромные изменения, то нельзя согласиться с тем, что русский национальный характер стал совсем не тот. Ценные черты этого характера не только сохранились, но и поддерживаются и культивируются всей системой коммунистического воспитания. Так, в Великую Отечественную войну проявились с еще большей силой те же черты русского характера, которые прославили русский народ и русских солдат в 1812 г. Национальный характер будет сохраняться еще долгое время, совершенствуясь на основе новых общественных отношений и обогащаясь элементами характера других наций. Формирование общих коммунистических черт духовного облика наций относится Программой КПСС к периоду после победы коммунизма в СССР²².

Национальные привычки не входят в национальный характер, составляя в то же время элемент национального психического склада. Многие угнетенные народы "привыкли" к тя-

²¹ Материалы XXI съезда КПСС, М., 1961, стр.405.

²² Там же, стр.406.

желым условиям жизни, отчасти - к самому угнетению. Но исторический опыт показывает, что эта привычка означает главным образом лишь то, что эти народы способны сохранять свое физическое существование в данных условиях, переносить их до поры до времени, но отнюдь не является оправданием этих условий. Народы быстро отказываются от таких привычек, свергая власть угнетателей и борясь за лучшие экономические и социальные условия, не теряя однако своего национального характера. Весьма устойчивыми могут быть национальные привычки, относящиеся к области быта и закреплённые в какой-то части в национальных обычаях. Но и изменение таких привычек не означает еще изменения национального характера. То же самое относится и к национальным вкусам. Существующие значительные различия между вкусами народов и наций в какой-то мере относятся и к сфере производственной деятельности, но главным образом - к области быта, обычаев и эстетических представлений. Вкусы находятся в соответствии с национальным характером, могут закрепляться традицией. Они глубоко изменяются в ходе исторического развития, но их изменение не равносильно еще изменению национального характера.

Национальные различия, коренящиеся прежде всего в национальном характере народа, очень значительны между народами нашей страны, хотя произошло нивелирование экономических условий. Вместе с изменениями экономических условий изменяются и условия быта, но значительно медленнее. Так, форма одежды стала более или менее одинаковой (национальные формы одежды сохраняются только в качестве праздничной при совершении некоторых традиционных ритуалов), постройка жилищ стала также более или менее однотипной (однако с учетом местных условий и традиционных вкусов) и другие элементы быта претерпели подобные изменения, лишь некоторые из них продолжают существовать в силу национальных традиций. Так, не везде удобная современная одежда является повседневной. В некоторых республиках Средней Азии, например,

до сих пор еще прочно сохраняются устарелые формы быта вообще. И даже интеллигенция нередко остается в плане устарелых обычаев, условностей. В газете "Бакинский рабочий" была как-то опубликована статья "Что ты несешь людям?", в которой "рассказывалось, что председатель колхоза, учитель, председатель сельского Совета Аггамского района и другие люди никак не могут и не решаются перешагнуть барьеры условностей, устарелых традиций и безвольно подчиняются им. Везжая в Баку все они одеваются по-современному, а возвращаясь в село, эту одежду снимают и прячут в чемоданы. Председатель сельсовета считает, что носить берет в селе как-то неудобно - засмеют; председатель колхоза вторит ему - в городе проще, там чувствуешь себя свободнее, там запросто можно сходить в кино с женой. А здесь этого нельзя: здесь не принято, чтобы женщина сидела за одним столом с мужчиной, ходила в платье с короткими рукавами, одевалась по городскому"²³.

А вот рассказ абхазского писателя Георгия Гулиа "Трапеза". "С самого утра мужчины облачились в черкески. Расхаживали по комнатам такие нарядные, по-праздничному торжественные и немногословные. Женщины тоже приоделись, хотя и стряпали на кухне завтрак". Идали из города молодоженов. Старики обсуждали, куда посадить невестку, "справедливо отдавая молодоженов друг от друга, нам надо позаботиться, чтобы с ними рядом оказались их друзья", которых будет не меньше шести, ведь "не поедет же она в одной машине с мужем?! Как-никак, и она и он - абхазцы. Обычай есть обычай! Он едет с друзьями, она - с подругами. Весьма возможно, что машины покажутся у ворот в разное время. Это все так, - вздохнул Мыстаб, - но город - есть город. Там люди немножко другие. Хазарат почел себя обиженным: почему возводить напраслив на абхазцев-горожан? Его внук

²³ М. Г а б д у л и н, М. М о р о з о в, Формирование новой культуры быта, "Коммунист", № 6, 1965, стр.69

Алексей, он же Алкиса Айба даже на Луне останется абхазцем и никогда не нарушит старинных обычаев". Если невестка "постесняется сесть за один стол с мужем - ее не надо неволять. Пусть все будет по обычаю. - Мы ее можем накормить отдельно, - сказал Таран. - Это даже лучше. Вся деревня оценит воспитанность молодой". "В это время с заднего двора донесся резкий свист. А потом что-то защелкало - будто дятел долбил дерево. Собаки бросились туда с лаем. Индюки закулдыкали...", из-за кухни "показалась молодая женщина. Впрочем, это мы с вами, наверное, догадались бы, что это женщина, притом молодая. Современная Европа проникла и на абхазское побережье, подстригая женщин по-мужски и одевая их в штаны похлеще мужских. В следующее мгновение ее настиг молодой человек с черными очками. Обхватив ее за талию и насвистывая "Белую кофточку" - популярную песенку сухумских ресторанов, вперевалку направился прямо к крыльцу. - Здравствуй, папочка! - крикнул он нараспев. - Здравствуй, дедуля!" "Нет, эти синие штаны и оболваненная голова не предвещали ничего доброго. Так же, как свист, и щежданье дятла... Боже, что же стряслось! Неужели совесть окончательно потеряна там, в прекрасной Акве?!", это же нарушение "горской этики, выкованной тысячелетиями". "Ребята, - крикнул Алексей, - рассаживайтесь по местам! Вы не маленькие, и сосок у нас нет! Этого оказалось достаточно, чтобы гости бросились к столу и заняли свои места - кто где попало". Деду все это казалось "бесовским наваждением, дурным сном. Однако черти в образе сухумцев возвращали его к жестокой действительности. Было два выхода: встать из-за стола и уйти, спровоцировав тем самым скандал в семье, или сделать вид, что ничего за столом не происходит", "на решение этой головоломки ушел почти весь день"²⁴. Юмористический рассказ? Ла. Но талантливый писатель верно схватил тенденцию, вернее одну из тенденций развития этнических процессов.

²⁴ Георгий Гулиа, Все так и было. М., 1967.

Эстетическое воспитание, развитие личности может быть особенно успешным при учете и использовании, с одной стороны, изменений, происходящих в жизни народов в ходе строительства социализма и коммунизма, и, с другой стороны — национальных вкусов и традиций, отвечающих национальному характеру личности и позволяющих ей полнее воспринимать выработанные народом ценности.

К национальной психологии, кроме национального психического склада, относятся и национальные чувства. Неразрывно связанные с национальным психическим складом национальные чувства могут резко колебаться при почти неизменном этническом психическом складе и поэтому в него не включаются. Национальные чувства представляют в своей основе эмоциональное отношение людей к своей национальной принадлежности, к своей нации и ее интересам, а тем самым и к другим нациям и их интересам. Последнее может быть благожелательным или враждебным. Так, благодаря гнусному образу правления, писал К. Маркс, в отношении немецкого и итальянского народов, они "были приучены к мысли, что они являются враждебными друг другу"²⁵. Национальные чувства по своей психологической характеристике — комплекс чувств, представлений, чаяний, иногда иллюзий. Наличие национального характера как объективной характеристики психики и поведения не зависит само по себе от существования и степени национального чувства. Национальное же чувство может вести к закреплению, преднамеренному в том числе, в поведении определенного национального стандарта, способствовать упрочению национального психического склада. В целом национальные чувства, их направленность, формы проявления претерпевают гораздо более быстрые изменения, чем национальный характер и национальный психический склад вообще.

Из поколения в поколение осуществляется передача национальных чувств. Передается, как уже отмечалось, и совер-

---

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. соч., т.5, стр.4.

шенствуется сам способ эмоционального реагирования, его форма, характер переживания и поведения. Сохраняется направленность эмоций на определенные явления общественной жизни, их социальное содержание. И здесь большую роль играют следующие моменты. Прежде всего, о какой стране идет речь, о "старой", по выражению Маркса и Энгельса, или о "странах, которые начали свое развитие... в уже развитую историческую эпоху", когда груз прошлых поколений, прошлых эпох не тяготеет так сильно над умами и чувствами живущих, когда складываются новые формы общения. "У этих стран нет никаких иных стихийно сложившихся предпосылок, кроме индивидов, которые там поселяются и которые были вынуждены к этому несоответствием между их потребностями и существующими в старых странах формами общения. Они начинают поэтому свое развитие, располагая наиболее прогрессивными индивидами старых стран, а стало быть и соответствующей этим индивидам наиболее развитой формой общения"²⁶.

При рассмотрении национальных чувств личности необходимо учитывать принадлежность ее к нации, никогда не знавшей угнетения, или к нации, подвергавшейся национальному гнету. На существенный характер подобных различий указывал В.И. Ленин.

Русский народ в массе своей, например, уже с XVI века не знает, что такое национальный гнет, оскорбление национального достоинства. Ненависть к угнетателям была для него всегда ненавистью против русских же угнетателей. Осознание своей национальной принадлежности, гордость ею не связывалась у него обычно с националистическими чувствами враждебности к другим нациям. Эти исторические условия определяют то добродушие, дружелюбность к другим народам, которые в качестве отличительной черты русской национальной психологии отмечалось уже неоднократно.²⁷ Русские не знают пере-

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т.3, стр.72-73.

²⁷ См., например, Энцо Рава, Почему мы вас любим, Как итальянцы представляют себе русских, "Литературная

живания из поколения в поколение оскорблений своего языка, песен, культуры, любви к своей родине. В этом отношении национальные чувства нации, веками подвергавшейся национальному угнетению, более обострены.

Для эстонского или латышского крестьянина, покоренного немецкими завоевателями после отчаянного сопротивления, память о героях которого никогда не угасала в народе, его классовый угнетатель — немецкий помещик — и национальный враг сливались в одно. Слово "барин" по-эстонски буквально означает "немец", "саксонец" — "Saks". До настоящего времени "сакс" употребляется в смысле ругательного оскорбительного слова. Прибалтийский барон умножал обиды для помещиков насилием, жестокостью и презрением по отношению к крестьянину на презрение к его народности. Как свидетельствуют об этом многочисленные документы и память народа, для отношения барона к эстонцу было характерным то, что он не считал эстонца человеком. "Этот человек не что иное как говорящее животное" — сказал барон Юскиль, приказав закопать тут же в поле убитого им ударами палки мальчика. Барон Штакельберг говорил, что эстонцев можно отличить от собак только потому, что они говорят. Барон фон Розен заявлял, что здешнего невежественного крестьянина не считает животным только из-за его внешнего вида.²⁸ Еще в прошлом веке бароны заставляли эстонских женщин грудью выкармливать борзых собак²⁹. Из поколения в поколение пере-

газета", 20/II-1965г. "Русские добры. Многие итальянцы имели возможность сделать такой вывод, прочитав произведения Толстого или Достоевского. Еще больше они могли в этом убедиться во время войны. Итальянские солдаты, возвратившиеся на родину после разгрома на Дону и вспоминая свое ужасное отступление, рассказывали и о милосердии, человечности и доброте русского населения, мирную жизнь которого их послали разрушить. В те годы по всей Италии только и говорили об этой человечности".

28 См. I. K a h k , Talurahva rahutused Eesti, Tallinn, 1958, lk. 65.

29 См. I. K a h k , Rahutused ja reformid, Tallinn, 1961, lk. 133-141.

давалось вынужденно скрываемое глухое ожесточение, злоба к немецким баронам. Она прорывалась лишь в крайних приступах отчаяния, в отдельных восстаниях. Эти чувства эстонцев Эдуард Борнхёв так описывает в своих исторических повестях: "Беспощадно угнетаемый крестьянин собрался с последними силами, и теперь грозный голос его гремел, возвещая поработителям о пробудившейся в нем жажде свободы. Отсвет пожаров, пылавших в немецких поместьях, обогрел небо, а вскоре кровь угнетателей обогрела землю. И тогда они с ужасом поняли, как опасно низводить человека до положения рабочего скота, превращать его в животное. Крестьянин, с которым обращались хуже чем со скотом, теперь не знал человеческой жалости и уничтожал без разбору и немедленно каждого, кто принадлежал к ненавистному ему племени. Крестьяне преследовали беглецов, как диких зверей, обыскивали все укрытия, и тех, кого находили, безжалостно убивали"³⁰. В.Вересаев в своих воспоминаниях о жизни в Тарту в конце прошлого века писал - "эстонцы народ трудолюбивый, честный и культурный", "эстонцы во хмелю страшны и зверски жестоки, без капли русского хмельного добродушия"³¹.

Соответствующая ориентация, управление национальными чувствами всегда имели место в истории. Чувства, сложившиеся в отношении к немецким угнетателям, эстонская буржуазия старалась раздуть и направить после Октябрьской революции против русского народа. При этом широко использовались исторические факты поддержки прибалтийских баронов российским самодержавием и проводившейся им в конце прошлого века политики русификации. В условиях Советской Эстонии, проводя воспитание интернациональных чувств, необходимо иметь в виду эти исторические наслоения в национальной психологии. В период буржуазной диктатуры в Эстонии в отноше-

---

³⁰ Эдуард Борнхёв. Исторические повести, Таллин, 1954, стр.81.

³¹ В. Вересаев. Собрание сочинений, М., 1961, т.5, стр.110, 234.

нии русских проводилась политика, в результате которой многие представители русского меньшинства бежали в Советскую Россию. "Не только тяжелое экономическое положение и преследования вызвали уход в СССР. Дело в том, что на всем протяжении буржуазного строя национальная политика, проводимая правительством Ээнпалу, Улуотса, Юримаа была до предела новинистической и довела национальные меньшинства Эстонии до отчаяния..." О проводимой правительством национальной политике лучше всего говорит признание нарвского головы. В своем письме правительству он писал о том, что проводимая национальная политика "осуществляется неудовлетворительно, она приводит к росту антигосударственной деятельности и соответствующих настроений". Более ясно об этом вынужден был сказать министр пропаганды Ойдермаа. В письме президенту он писал: "В стране продолжается разжигание национализма. Национальные меньшинства не находят себе работы, хотя по своим деловым качествам вполне соответствуют занятию вакантных должностей. Такая политика органов власти вызывает рост недовольства и силы недовольных растут. Национальные меньшинства считают, что к ним относятся как к людям второго сорта, их отстраняют от участия в жизни страны и от работы только по национальным признакам..."³². После 1934 года было запрещено преподавание русского языка в школах. Лицам инонациональным, особенно интеллигентам, нередко приходилось менять свои фамилии, иначе им было трудно найти работу.

Национальное чувство связано не только с чувствами недоверия, обиды, враждебности. Оно может быть связано также и с чувствами уважения, дружбы к другим народам. Эти чувства возникали у трудящихся классов там, где имелся контакт с трудящимися этих народов. Известны традиционные чув-

³² А.А. К л е м е н т, Борьба коммунистической партии Эстонии против фашизма за восстановление и упрочение Советской власти (1934-1941), (по материалам Нарвы и Принаровья), диссертация.

ства любви и уважения к русским у славянских народов, неотделимые от их чувства национального самосознания. У эстонского народа существовали издавна симпатии к простым русским людям, в которых эстонцы всегда ценили душевную доброту. До сих пор сохраняется память о том, что когда в середине прошлого века массы эстонских крестьян бежали от притеснений баронов на Волгу, в Крым и другие русские области, они видели сочувствие и дружественную поддержку со стороны русских крестьян. Один из крупнейших представителей эстонской классической литературы, Эдуард Вильде, рассказывая как проходили эстонские крестьяне-переселенцы через русские деревни, писал: "Эстонские переселенцы хорошо узнали это щедрое и полное сочувствия сердце русского народа. Где что было, там отдавали все, и не за деньги, а просто дарили. Потому что русский видел перед собой несчастных. Кто был вынужден оставить свои родные места и брести пешком на далекую чужбину, тот был несчастен, тому надо помочь и поддержать. словно дети выбегали они в деревнях толпами навстречу процессии, крестились, окружали толпу иноземцев и начинали расспрашивать, откуда они идут, куда идут и зачем они переселяются с земли своих отцов. И когда они слышали через пару человек, владевших русским языком, какие причины вынудили эту массу людей бежать и остаться без родины, то они сами косились в сторону своих помещичьих усадеб, кивали понимающе головами и торопились принести из своих избенок несчастным все, что могли"³³.

В сложном социально-психологическом комплексе национальных чувств надо различать наряду с чувством национальной гордости, любви к своей нации общую национальную чувствительность, националистические и шовинистические чувства, их направленность, национальные предрассудки, чувство отчужденности по отношению к другим нациям. Национальную

---

³³ Eduard V i l d e , Prohvet Maltsvet, Tallinn, 1955, lk. 595.

чувствительность, повышенное внимание к вопросу своей национальной самобытности, повышенную обидчивость у угнетавшихся ранее наций отмечал В.И. Ленин. Он писал, что для пролетария очень важно и существенно необходимо обеспечить максимум доверия в пролетарской борьбе со стороны инородцев. "Ничто так не задерживает развития и упроченности пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки "обиженные" националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства, хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки..."³⁴. Не следует думать, что эти положения, непосредственно относившиеся к первым годам строительства многонационального государства, устарели в наши дни. Отмеченные выше хорошие качества национального русского характера бывают связаны с известным непониманием того, что для представителей ранее угнетавшихся веками народов, вопросы национальной самобытности до сих пор переживаются по-иному, чем русскими, значительно более остро. При отсутствии националистических или шовинистических чувств сплошь и рядом - невнимательность, непонимание различия в указанной чувствительности. Покровительственный, поучающий тон, который позволяют отдельные лица, и сейчас больно отзываться на национальной чувствительности. Юхан Смууд так рассказывает о впечатлениях от своей встречи с одним московским поэтом: "Пусть москвичи не обижаются, но в таком большом городе неизбежно должно иметься множество более или менее образованных, более или менее культурных дураков, которых характеризует не великорусский шовинизм, но гораздо более узкое, похлопывающее по плечу, высокомерие московского центра, которые полагают, что в союзных республиках люди еще только вчера жили на деревьях... Но у нас, людей с периферии, не всегда хватает при встрече с подобными личностями запасов терпения, мы не можем выбросить наше чувство достоинства и националь-

³⁴ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 360.

ной гордости в мусорный ящик, и тогда - в соответствии с характером - мы или оскорбляемся и морщим нос или говорим неприятные грубости"³⁵. Кстати, такие встречи и такие люди бывают не только "в больших городах", в национальных республиках аналогичное отношение бывает к "инородцам", чьи чувства достоинства и национальной гордости могут страдать не меньше.

Национальная чувствительность резко изменяется под воздействием определенных политических событий, возбуждение ее может служить почвой для обострения национальных чувств, а также для изменения их направленности. Примером может служить развитие националистических настроений среди эстонского крестьянства, интеллигенции, отсталой части рабочего класса в период гражданской войны. Оккупация Эстонии в 1918 году немецкой армией - национальным врагом, нанесла тяжелый удар эстонскому пролетариату, вызвав в то же время возбуждение национальных чувств. Последнее было использовано контрреволюционной буржуазией, заставившей часть эстонских трудящихся сражаться на стороне Антанты против своих же эстонских красных полков и других частей Красной Армии под фальшивым флагом "независимости" Эстонии. Социально-психологическую сторону этих предательских действий эстонской буржуазии ярко определил один из руководителей Эстонской коммунистической партии В.Кингиссепп. "Кровавые псы оккупации заразили пролетариат семенами национального бешенства, и они стали теперь произрастать - давать хваленое пушечное мясо мировой контрреволюции и бесчисленные кучи денег эстонской буржуазии"³⁶. В аннексии Австрии и установления в ней фашистского режима гитлеризм использовал также и определенные моменты национальной психологии. Поражение Австро-Венг-

35 Juhan S m u l , Jaapani meri, detsember, "Looming", 1963, lk. 25.

36 Viktor K i n g s s e p p , kellele iseseisvus, kellele ike, Tallinn, 1946, lk. 65.

рии в I Мировой войне, превращение ее из великой державы в малое государство, было по многим предрассудкам, оставило у части даже трудящегося населения великодержавные воспоминания, иллюзии. Использование языковой общности с Германией помогло направить эти чувства и предрассудки в русло великогерманского национализма, что означало отказ от своего естественного национального чувства австрийцев. В послевоенный период, в настоящее время сильное развитие австрийского национального чувства в самых широких слоях народа служит решительным препятствием великогерманской пропаганде и политике боннского правительства и реваншистских сил. 70% жителей Австрии считают себя принадлежащими к австрийской нации или придерживаются мнения, что австрийцы развиваются в нацию. Преодолевается тем самым "перезиток романтических представлений, который отождествляет нацию с языком. Этим разрушается догма сторонников германской нации"³⁷.

В условиях социализма развитие наций осуществляется на путях сближения, развития чувств дружбы, интернационализма и других. Сила воздействия социалистического строительства на психологию наций увеличивается тем, что социализм не находится в противоречии со здоровым чувством национальной гордости, национального самосознания. Исчезает почва не только для национализма, но и для повышенной национальной чувствительности, гипертрофирования национальных чувств. Современные процессы этнического развития в СССР идут двумя путями: дальнейшая консолидация и развитие наций и народностей и их сближение, процесс, сопровождающийся созданием общесоветских форм культуры и быта. Препятствием на пути второго процесса является игнорирование национальных психологических моментов, обычаев, наличие религиозных различий и предрассудков.

³⁷ Leonold G r ü n v a l d , Der grosse Bankrott, "Volksstimme", 17. august 1965.

В Программе КПСС одновременно с задачей вести непримиримую борьбу против проявлений национализма и шовинизма поставлена также и задача борьбы против тенденций к национальной ограниченности и исключительности³⁸. Такое уточнение имеет большой политический и социально-психологический смысл. Наряду с националистическими проявлениями встречаются нетождественные им настроения национальной ограниченности. Они представляют собой не вражду, ненависть или недоверие к другим нациям, но тенденцию ставить на первый план во всем свои национальные особенности, подчеркивать их. Это главным образом - проявление не идеологии, но именно общественной психологии - чувств, привычек, настроений, которые могут иметь иногда неосознанный характер. Оно препятствует сплочению социалистических наций и может явиться психологической основой распространения националистических чувств и идей, идеологии. Национальная ограниченность есть одновременно ограниченность духовного мира личности, для которой происходит смещение ценностей, глухой к достижениям инонациональной культуры. Поэтому наиболее выдающиеся деятели национальных культур, наиболее яркие и содержательные личности, являлись всегда свободными от национальной ограниченности. А.С.Пушкин, в одном из своих стихотворений, посвященных Адаму Мицкевичу, писал:

"... Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся".

"Ногами человек должен вращать в землю своей родины, но глаза его пусть обзирают весь мир", - писал Дж.Сантаяна.

Чтобы закончить характеристику многообразных национальных чувств, следует упомянуть и о национальных чувствах с отрицательным, если так позволено будет выразиться, знаком, т.е. о чувствах, связанных с национальным нигилизмом. Национальный нигилизм - отрицание национальных ценностей, нацио-

---

³⁸ Материалы XXII съезда КПСС, стр.408.

нальной культуры, и, связанное с этим, отношение прежде всего к своей собственной нации. Прекрасную характеристику нигилистического отношения к своей нации мы находим у Энгельса: "Эльзасский буржуа, говорящий по-французски с верхненемецким акцентом, этот ублидочный хлыщ, который щеголяет французскими манерами, как какой-нибудь коренной француз, который смотрит на Гёте сверху вниз и восторгается Расиным, но который все-таки не может избавиться от мучительного сознания тайны своего немецкого происхождения и именно потому должен в презрительном тоне болтать обо всем немецком... этот эльзасский буржуа - бесспорно весьма презренное существо, будь он мюльгаузенским фабрикантом или парижским журналистом. Но кто же сделал его таким, если не немецкая история последних трехсот лет?"³⁹. Нигилизм и низкопоклонство господствующего класса русского общества едко высмеял А.С.Грибоедов, горько сожалеющий о том, что "народ единокровный, наш народ разрознен с нами", "каким черным волшебством сделались мы чужие между своими!..." писал он, "уважение к России и к ее требованиям - вот мне что нужно". В уста Чацкого Грибоедов вложил едкие и полные горечи слова: французик из Бордо

"сказывал, как снаряжался в путь
В Россию, к варварам, со страхом и слезами;
Приехал - и нашел, что ласкам нет конца;
Ни звука русского, ни русского лица
Не встретил: будто бы в отечестве, с друзьями;
Своя провинция. - Посмотришь вечером
Он чувствует себя здесь маленьким царьком;
Такой же толк у дам, такие же наряды...
Он рад, да мы не рады...
Чтоб истребил господь нечистый этот дух
Пустого, рабского, слепого подражания:
Чтоб искру заронил он в ком-нибудь с душой,
кто мог бы словом и примером
Нас удержать, как крепкою вожей,
От жалкой тошноты по стороне чужой.
Пускай меня бьют старовером,
Но хуже для меня наш Север во сто крат
С тех пор, как отдал всё в обмен на новый
лад -

³⁹ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т.21, стр.464.

И нравы, и язык, и старину святую,
И величавую одежду на другую
по шутовскому образу..."

"Воскреснем ли когда от чужезастья мод?
Чтоб умный, добрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев".
(А.С.Грибоедов)

Некоторые авторы, например Э.А.Баграмов, считают национальный нигилизм только идеологией.⁴⁰ На самом же деле это — не только может быть идеологией, но является в то же время и психологией, захватывая область чувств прежде всего, а также и психический склад. Э.А.Баграмов считает также национальный нигилизм "типичным направлением мысли шовинистически настроенной буржуазии"⁴¹, что также не представляется правильным. Национальный нигилизм может быть связан с шовинизмом, но может и не быть с ним связан. Если "нигилизм" понимать в смысле отрицательного отношения к другим нациям, тогда он, естественно, связан с шовинизмом. Но если речь идет о нигилистическом отношении только к своей нации, то его связать с шовинизмом совершенно невозможно. Например, в выдержке, которую мы привели из работы Энгельса, нет ничего шовинистического. Но тот "дух пустого, рабского, слепого подражания", о котором писал Грибоедов, был связан с нигилистическим и в то же самое время с шовинистическим отношением к нациям, населяющим, например, Россию. В истории нередко бывало так, что шовинистически в отношении какой-то или каких-то других, определенных наций настроенные представители той или иной нации, могут в то же самое время проявлять холопствующее отношение к другим каким-то нациям, и таким образом, национальный нигилизм в смысле отрицательного отношения к некоторым нациям, связанный с шовинизмом, тесно в то же самое время связан и с нигилистическим по своей сути отношением к своей собственной нации.

⁴⁰ Э.А. Баграмов, Национальный вопрос и буржуазная идеология, М., 1966, стр.240.

⁴¹ Там же.

Национальный нигилизм свойствен в основном господствующим классам и мелкобуржуазным слоям той или иной нации. Народным же массам он, как правило, не свойствен.

Национальная психология, рассматриваемая в качестве общего по отношению к психологии индивида, входящего в ту или иную нацию, не состоит из особенностей психики, необходимо принадлежащих психике каждой из личностей, входящих в данную социальную общность. Общее здесь носит статистический характер. Если мы говорим о национальной психологии, то это не значит, что признаки, составляющие последнюю, принадлежат всем отдельным представителям этой нации. Даже не каждый русский обладает тем, что называется "русским национальным характером". В каждой нации имеются более типичные ее представители, полнее выражающие специфику данной национальной психологии, и менее типичные. Но в современных исторических условиях не существует нормально развитой личности, определенную сторону мира которой не составляли бы национальные черты, особенности национальной психологии. В.И. Ленин, обосновывая необходимость включения в программу партии национального вопроса, заметил, что этот вопрос можно было бы вычеркнуть "если бы были люди без национальных особенностей. Но таких людей нет..."⁴². В душе каждого человека находится, по словам одного немецкого писателя, "миниатюрный портрет его народа". Рассмотрение отдельных сторон национальной психологии является одновременно и рассмотрением существенной стороны психологии личности.

Национальное самосознание

Четкое осознание своей национальной принадлежности, уважение к национальным ценностям, в единстве с политическими, эстетическими, а также иногда и религиозными идеями, выражающими интересы национального развития, с национальными чувствами составляет сложное психологиче-

⁴² В.И. Ленин, Соч., т.38, стр.184.

ски-идеологическое единство, называемое национальным самосознанием.

Подъем национального самосознания активизирует духовные силы личности, подрывает ее индивидуалистическую замкнутость, наполняет гражданскими, патриотическими интересами, сближает ее так или иначе с трудящимися массами, составляющими всегда подавляющее большинство нации. Тем самым он обогащает и облагораживает личность. Не случайно поэтому у всех народов периоды подъема национального самосознания связаны со временем появления и деятельности исключительно ярких, выдающихся личностей, деятелей в области политики и культуры, национальных героев.

Повышение национального самосознания особенно благоприятствует идеологическому воздействию на национальную психологию. Возможность идеологического воздействия на национальную психологию, в особенности на национальные чувства, может быть широко использована в деле закрепления национального психического склада, тех или иных черт его, развития национального сознания и национальных чувств в соответствующем направлении. В частности, исследователи отмечают воздействие творчества великих французских просветителей, в особенности накануне революции, на национальную психологию французского народа, которой чужда национальная ограниченность. "В то время как другие народы на капиталистической стадии развития превращали патриотизм в проявление узкого эгоизма, во Франции начиная с XVI века такие писатели, как Монтень и Рабле, позднее философы-материалисты Дидро, Гольбах, Гельвеций, Вольтер, наконец, в XIX веке Мишле, Минье, Огюстьен Тьерри и особенно Виктор Гюго упрочили это национальное чувство, доводя его до понятия, равнозначного понятию человечества... Один немецкий автор справедливо замечает, что в ходе недавней истории Германии "идея национальности и идея универсальности постоянно приходили в противоречие одна с другой, в то время как во Франции они постоянно слиты..."⁴³

43 М.Р а л я, Два облика Франции, М., 1962, стр.199,200.

Наиболее выдающиеся и близкие сердцу народа имена политических деятелей, поэтов, ученых приобретают особенное значение для всей психологии нации. Для русских Пушкин, для итальянцев - Данте, для грузин - Шота Руставели, для эстонцев отец песни Крейцвальд или поэтесса Лидия Койдула - понятия, резюмирующие не просто определенные культурные ценности, идеи произведений поэзии и связанные с ними эстетические переживания (такие чувства и мысли эти произведения вызывают и у других народов). Эти понятия обладают великой эмоциональной значимостью для всей сферы национальной психологии, они не только понимаются, но еще в большей мере чувствуются. Выразив самые глубокие стремления и черты духовного облика своих народов, они были приняты массами, пережиты поколениями, став вошедшей в национальную психологию священной традицией. Не случайным является то, что большинство наиболее популярных национальных героев, полнее других выражающих национальную психологию и вызывающих наиболее сильный эмоциональный отклик, представляют крупнейшие народные поэты и писатели. Творчество их воплотило глубокие черты и процессы национальной психологии и находит доступ к интимнейшим и чувствительнейшим уголкам мира личности, носителей данной национальной психологии. "Маркс находил, что Тургенев необычайно верно изобразил своеобразие русского народа с его славянской сдержанной эмоциональностью"⁴⁴. Чешский писатель Карел Чапек писал: "Вся русская душа заключена в Пушкине"⁴⁵. А сам Пушкин очень тонко заметил: "Конечно, ни один француз не осмелится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можем предпочесть ему Крылова. Оба они вечно останутся любимцами своих единоплеменников. Некто

⁴⁴ Франциска Кугельман, Несколько штрихов к характеристике великого Маркса, - "Воспоминания о Марксе и Энгельсе", М., 1956, стр.291.

⁴⁵ См. "Иностранная литература". № 1, 1965, стр.175.

справедливо заметил, что простодушие (*naïveté, bonhomie*) есть врожденное свойство французского народа; напротив того, отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться: Лафонтен и Крылов представители духа обоих народов".⁴⁶

Распространение почитания национальных героев и сила его служит одним из признаков уровня развития самосознания и позволяет дать некоторую приблизительную количественную оценку этого уровня в социологических исследованиях. Национальное самосознание как народа в целом, так и представляющих его отдельных личностей может находиться на разных уровнях, характеризоваться различной ролью в нем идеологических моментов. Подъем национального самосознания означает не просто усиление комплекса национальных чувств, их осознания, но и более глубокое понимание задач национального развития. Изучение того, какие факты из отечественной истории знает большинство данного народа, с именами каких национальных героев, участвующих в национально-освободительной борьбе или борьбе за освобождение от классового угнетения, связана национальная гордость, только ли гордость связана с тем, что выражает психологию и смутно представляемое будущее, выраженное в чаяниях народных, или она связана с более сознательным отношением и пониманием своих национальных и классовых интересов, позволяет до некоторой степени судить об уровне национального самосознания и о соотношении в нем психологических и идеологических моментов. Это знание в свою очередь даст возможность более эффективного воздействия на национальную психологию с целью изменения ее.

Господствующие классы прибегали к средствам идеологического воздействия на национальную или, точнее, этническую психологию еще в древности, в целях возбуждения националь-

---

⁴⁶ А.С. Пушкин, Соч., т.УП, 1958, стр.22

ных чувств, закрепления культивируемого этнического характера или, наоборот, в целях подавления этнического самосознания.

В период формирования крупных капиталистических государств выдающиеся деятели буржуазии ставили вопрос о формировании и совершенствовании национальной психологии. Так в период, непосредственно следовавший за американской революцией, северо-американские просветители Джефферсон, Раш, Уэбстер призывали к сознательному формированию на основе демократических революционных традиций единого американского национального характера, к воспитанию его в системе народного образования. Они указывали в этой связи на необходимость создания культа национальных героев, героев революции и войны за независимость, в особенности — культа Вашингтона, хотя сами и относились к нему критически⁴⁷. Хотя с тех пор прошло уже много лет, но сформировать "единый американский характер" по свидетельству ряда американских исследователей пока так и не удалось. Многие объясняют это наличием целой системы предубеждений, которые также входят как элемент национального самосознания, и проводимой в стране дискриминацией. Так, авторы статьи "Социология расовых и этнических отношений" Дж.Симпсон и Дж.Милтон Ингер пишут о реакции американцев японского происхождения на заключение их в лагеря для перемещенных лиц: когда в январе 1943 года "всем жителям центров для перемещенных лиц, достигшим 16-летнего возраста, было предложено заявить о своей лояльности или нелояльности по отношению к Соединенным Штатам", то "шесть тысяч американцев японского происхождения ответили "нет", "у нас есть американское гражданство, и тем не менее с нами обращаются, как с иностранцами".⁴⁸ Авторы большое значение приде-

⁴⁷ См.: D. Tuack, *Forming the National Character*, "Harvard Educational Review", Vol. 36, N 1, 1966, pp. 26, 33.

⁴⁸ См.: Социология сегодня. Проблемы и перспективы, М., 1965, стр.422-423.

ют, и совершенно справедливо, непосредственному общению, при котором быстрее ликвидируется различного рода предрассудки. Однако проводимые эксперименты и исследования показывают, что если, например, число "цветных", поселенных "в построенных за общественный счет домах достигает 40-60%, то через некоторое время в этих домах не остается или почти не остается - белых квартирантов".⁴⁹ И авторы делают вывод, что "вероятность того, что негры, подобно ирландцам, немцам, итальянцам и иммигрантам других национальностей, в конце концов сольются с общей массой населения Соединенных Штатов, весьма невелика"⁵⁰. Но все только что сказанное отнюдь не противоречит тому, что на национальную психологию и национальные чувства, в целом на национальное самосознание можно идеологически воздействовать.

Возможность идеологического воздействия всегда использовалась реакционными слоями общества. Так, в буржуазной печати периода диктатуры буржуазии в Эстонии открыто указывалось на значение идеологии в разжигании национальных чувств. "Национализм XX века утратил тот спонтанный эмоциональный тон, который его поддерживал в прежние времена... Тот национализм, который сейчас воздвигает стены между народами, - подхлестываемый, подогреваемый национализм. Трактаты о расовой культуре и расовой сущности и свойствах звали национализм из чувствований, где он стал ослабевать, передвигаться ближе к разуму человека, чтобы найти опору в воздействии интеллекта".⁵¹

---

⁴⁹ См.: Социология сегодня. Проблемы и перспективы, М., 1965, стр.436.

⁵⁰ Там же, стр.438.

⁵¹ Из буржуазного журнала "Akadeemia", 1940 год, цит. по М. L a o s o n, Põrgupõhja Vanapagan ja Kaval Antsu "lepitamise" katse rahvastervikluse loomungi abil, Tallinn, 1958, lk. 45.

Соотношение национального и
классового

Идеологические моменты в национальном самосознании тесно связаны с классовой идеологией. Марксизм, не допуская игнорирования особенностей духовного облика нации, подчеркивает в то же время подчиненность признаков национального психического склада, национальной психологии в целом признакам классового психического склада, психологии класса, которая тесно связана с классовой идеологией. В реальной жизни нет пролетариата вообще, а имеется английский, северо-американский, французский, немецкий и т.д. пролетариат. Общий для всего пролетариата или для другого класса классовый психический склад проявляется в форме психологии данного класса определенной нации, где он приобретает известные дополнительные черты. Национальный же характер всегда преломляется через призму психического склада класса, приобретая часто совершенно различные и даже прямо противоположные направления. Национальные особенности духовного облика в общем всегда подчинены классовым особенностям психического склада. В работе "Положение рабочего класса в Англии" Энгельс обрисовывает национальные характеры ирландцев и англичан как весьма различающиеся между собой. Однако в психологии английских рабочих Энгельс находит больше общего с психологией ирландских рабочих, чем с психологией английской буржуазии. "Буржуазия имеет со всеми другими нациями земли больше родственного, чем с рабочими, живущими у нее под боком..."⁵² Имея в виду национальный характер психологии английской буржуазии, Энгельс пишет, что "английские национальные черты у рабочего уничтожены", "английский рабочий — это уже не англичанин в обычном смысле, не расчетливый коммерсант, как

⁵² К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т.2, стр.356.

его имущий соотечественник..."⁵³. Английская буржуазия и английский рабочий класс — "это два совершенно различных народа, которые также отличаются друг от друга, как если бы они принадлежали к различным расам"⁵⁴. Аналогичную мысль высказывал представитель русского революционного демократизма Н.Г.Чернышевский: "По образу жизни есть очень важные различия между людьми", "португальский вельможа по образу жизни и по понятиям гораздо более похож на шведского вельможу, чем на землепашца своей нации; португальский земледелец более похож в этих отношениях на шотландского или норвежского земледельца, чем на лиссабонского богатого негоцианта",⁵⁵ Энгельс иногда говорит о национальных чертах не народа в целом, а буржуазии данной нации, отделяя ее от трудящихся. "Французская буржуазия, наиболее корыстолюбивая и падкая до наслаждений по сравнению с буржуазией других стран, ослеплена своим корыстолюбием и не видит собственных будущих интересов; она живет только сегодняшним днем",⁵⁶ — пишет Энгельс. "Английская буржуазия не так глупа, как французская, и не так глупо труслива, как немецкая. В период своих величайших триумфов она постоянно делала рабочим уступки".⁵⁷

Интересную характеристику национального характера немецкой буржуазии середины XVIII века дал И.Кант, который отмечал такие черты ее, как (в отличие от тшеславия французов, надменности — испанского правящего класса, гордости — английских правящих классов) спесивость, чванство, чиновничество — пристрастие к титулам, перечислению родословной, словам "милостливый", "высокоблагородный", "высокоблагосклонный", "благороднорожденный" и "тому подобной вы-

53 К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч.т.2,стр.438

54 Там же, стр.356.

55 Н.Г. Ч е р н ы ш е в с к и й, Избр. филос.соч., 1938, стр.253, 254.

56 К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, соч., т.21,стр.397.

57 Там же.

сокопарности", делающей даже сам немецкий язык неудобочитаемым.⁵⁸ Эти черты получили свое дальнейшее развитие в характере немецких крупных землевладельцев, буржуазии, в особенности их военной касты.

Характеристика итальянского, испанского, французского, английского характеров, данная Гегелем, во многих своих чертах совпадает с характеристиками, данными другими авторами, поскольку различия национальных характеров Гегель связывает с условиями жизни той или иной нации, с климатом, со всей совокупностью свойств и особенностей страны.⁵⁹ Так, характеризуя немцев, Гегель писал: "Все, что должно быть сделано, должно быть у немцев узаконено на известных основаниях...; немцы весьма охотно говорили всегда о своей верности и честности; однако они часто не оправдывали на деле этого, сустанциального для них образа мыслей... их политический дух и их любовь к родине по большей части и не отличались особой живостью, они все же издавна были одушевлены чрезвычайными стремлениями к почестям, связанным с занятием государственных должностей, и придерживались того мнения, что должность и титул создают человека".⁶⁰

Почти через двести лет другой великий представитель немецкой культуры, Генрих Манн, повторяет эту характеристику: "В чем упрекают немцев и что в них отталкивает? Главным образом их невежественность, твердолобость, отсутствие элементарных человеческих побуждений, кроме самых низменных - трусость и алчность... весь цивилизованный мир знает эту компанию и ясно видит ее неуклюжую хитрость, ограниченность ее психологии...", "мания величия" и при этом страх, как одно из основных "чувств": "и колонна убийц во всей своей чудовищности и отвратительности, и

---

58 I. Kant, Frühschriften, II B., Berlin, 1961, S. 259.

59 Гегель, Соч., т. III, М., 1956, стр. 76.

60 Там же, стр. 81.

все гестапо — только продукт страха. Третья империя никогда не стала бы тем, что она есть, если бы не страх перед коммунизмом; она и сейчас объясняет свои самые отвратительные поступки страхом".⁶¹

Совершенно очевидно, какой величайшей клеветой, грубейшей социологической и политической ошибкой было бы распространение этих черт классового характера на весь немецкий народ, отнесение их к необходимым общим моментам немецкого национального психического склада. Но какие-то из этих черт могут отражаться не только в психологии буржуазии.

Национальный характер, национальные традиции, привычки, чувства складываются не отдельно от психического склада класса именно в силу того, что они отражают те же экономические, политические и социальные условия, которые отражает и психический склад класса. Национальный психический склад образуется из элементов психического склада классов на разных ступенях исторического развития данного народа. В национальной психологии имеются элементы, в настоящее время уже не выводимые из существующего экономического и политического положения тех или иных классов данной нации, которые, однако, ранее имели классовое содержание. С изменением экономических и политических условий изменяется классовая психология, какая-то часть ее элементов сохраняется, сливается с элементами психологии других классов. Участие противоположных классов в формировании национальной психологии сказывается, в частности, во внутренней противоречивости некоторых национальных традиций. Противоречивы, например, революционные традиции французского народа, восходящие к якобинцам Великой французской революции. С одной стороны, они утверждают революционную смелость и энергию, служащую делу борьбы рабочего класса, его коммунистической партии в наши дни. С другой стороны, в традицию якобинцев входит патриотизм буржуазии, союз буржуазии и крестьянства.

⁶¹ Г е н р и х М а н н, Соч., М., т.8, 1956, стр.514,520.

Воспоминания об этом стремится использовать французская монополистическая буржуазия, предающая интересы нации и крестьянства в целях обмана народных масс.⁶²

Равнодействующая психологий различных классов, в которой влияние какого-нибудь одного из классов может быть доминирующим, закрепляется традицией, обычаями, привычкой, фиксируется в формах культуры, передаваясь из поколения в поколение. Эти национальные черты в дальнейшем в свою очередь вновь преломляются сквозь психологию различных классов. В письме к П. Эрнсту Энгельс писал, что характерные для психического склада немецкого мещанства черты трусости, ограниченности, беспомощности и безынициативности явились результатом поражения революции XVI века, Тридцатилетней войны и последовавшего за ней периода раздробленности и господства абсолютизма. Этот характер оказался устойчивым. Он наложил отпечаток на все остальные общественные классы Германии, "породив своеобразный общенемецкий тип".⁶³ Национальные черты норвежского характера были в значительной мере обусловлены преобладанием мелкой буржуазии с небольшой примесью средней буржуазии и мелкого крестьянства, никогда не бывшего крепостным. Норвежское мелкое крестьянство и мелкая буржуазия, с небольшой примесью средней буржуазии представляет собой "нормальное состояние общества в течение многих столетий", — писал Энгельс, — "норвежский крестьянин никогда не был крепостным, и это придает всему развитию... совсем другой фон. Норвежский мелкий буржуа — сын свободного крестьянина, и вследствие этого он — настоящий человек по сравнению с вырождающимся немецким мещанином. И норвежская мещанка так же отличается как небо от земли от супруги немецкого мещанина". Эти люди, в противоположность ограниченному, беспомощному, трусливо-

⁶² См. Ж. и К. В и л л а р, Формирование французской нации, М., 1957, стр. 317-321.

⁶³ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. 37, стр. 352.

му и безынициативному немецкому мещанину "обладает характером и инициативой и действует самостоятельно..."⁶⁴

Национальная психология, охватывая в какой-то мере противоположные классы, сохраняет в себе воздействия не только экономических условий, но и социального строя, политических условий. В особенности в ней запечатлелись моменты внешних отношений, национальных взаимоотношений, войны, завоевания. Все это оказывает огромное воздействие на состояние национального самосознания.

Дальнейшее развитие, совершенствование взаимопонимания, братской дружбы между представителями различных национальностей нашей страны, отвечающее идеям пролетарского интернационализма, — сложный, неравномерно осуществляющийся процесс. Последовательное осуществление ленинской национальной политики увенчалось ее полным торжеством в сфере экономических и государственных отношений, в области культуры и идеологии наших народов. Имеющиеся еще местами затруднения относятся почти исключительно к сфере общественной психологии. Ни в коем случае нельзя поэтому соглашаться с теми нашими авторами, которые считают, что выяснение и изучение специфических особенностей психологии различных национальностей может якобы привести к раздуванию имеющихся различий, к противопоставлению граждан различной национальности друг другу. Партийность марксистско-ленинской теории вообще никогда не означала и не может означать игнорирования каких-либо объективных явлений. Учет же особенностей национальной психологии в ее динамике не может не способствовать лучшему налаживанию взаимопонимания, в особенности на уровне малых групп, производственных и школьных коллективов, в сфере межличностных отношений.

Поступила в редакцию 10 декабря 1968 г.

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т.37, стр.351-352.

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ И ОПРЕДЕЛЕНИИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВКУСА

Э. Р е х е

В эстетике существует множество проблем, вызывающих спор среди исследователей. Одна из дискуссионных проблем — природа категории "эстетический вкус". Это объясняется тем, что, во-первых, категория эстетического вкуса имеет особо сложный диалектический характер. То, что во вкусе переплетаются разные моменты противоположного характера, отмечали многие мыслители, но нередко они обращали внимание только на одну сторону вкуса, тем самым абсолютизируя ее. И.Кант вплотную подошел к пониманию диалектической сущности эстетического вкуса, но и он, в конечном счете, будучи метафизиком и субъективным идеалистом, не смог решить этой проблемы. И.Кант, как известно, обнаружив диалектику явления, выразил ее в виде неразрешимых антиномий. Такой у него выступает и антиномия вкуса.

Во-вторых, односторонности в области гносеологии долго мешали эстетикам разрабатывать теорию вкуса. До 17 столетия мы фактически не встречаем связи между исследованиями вкуса и проблемами гносеологии. Только после распространения сенсуалистической гносеологии Д.Локка появился интерес к той роли, которую играют органы чувств человека, когда он воспринимает прекрасное. Но при этом имелось в виду только отношение к действительности изолированного индивидуума и игнорировались те сложные социальные связи, продуктом которых является сам человек.

В-третьих. Очень большие трудности для познания обнаружила психологическая природа вкуса. Вкус неразрывно связан с эмоциональной стороной человеческого восприятия. Однако психология как наука сама начала развиваться только в последнее время. Для эстетического вкуса имеет особую важность комплексная психология личности, которая для самой психологии еще, к сожалению, terra incognita .

В-четвертых. Мнение, что эстетический вкус есть оценочная категория, существовало уже давно. Но рассмотрение аксиологического характера вкуса стало возможно лишь при научной разработке самой аксиологии. Однако область аксиологии является и на сегодняшний день одной из самых актуальных и спорных в советской философской литературе.

Мы сейчас ограничимся вышеназванными моментами, касающимися вопросов метода исследования, предполагающего анализ гносеологического, психологического и аксиологического аспектов эстетического вкуса.

Все это относится не только к истории эстетической мысли, но и к состоянию проблемы эстетического вкуса в настоящее время. Что характеризует советскую эстетическую литературу, посвященную исследованию эстетического вкуса?

Теория эстетического вкуса занимает особое место в эстетической мысли, особенно в связи с проблемами эстетического воспитания, столь актуальными в нынешнее время.

Задачи воспитания всесторонне развитой личности неразрешимы без эстетического воспитания, одной из целей которого является воспитание хороших, развитых вкусов. Но от теоретической разработки самой проблемы эстетического вкуса зависит и теория и практика эстетического воспитания. Поэтому не удивителен тот особый интерес, который вызывает сущность категории эстетического вкуса.

Среди советских эстетиков трудно найти теоретика, который так или иначе не касался бы проблемы эстетического вкуса. Природу эстетического вкуса рассматривают в своих работах А.И.Буров, Н.А.Дмитриева, В.В.Ванслов, О.В.Лармин, И.Л.Маца, Л.Н.Столович, В.к.Сктерщиков, Л.Салтовская и др. Вкусу посвятили специальные труды А.С.Молчанова и Л.Б.Шульц, в которых исследуется преимущественно гносеологический аспект эстетического вкуса.

Поскольку именно в определениях выражаются основные исходные моменты и результаты исследования, рассмотрение различных определений эстетического вкуса поможет нам охарактеризовать состояние в области теории вкуса и сделать

некоторые выводы.

Интересно то, что почти каждый из вышеназванных теоретиков так или иначе определяет эстетический вкус.

Приведем примеры. "Эстетический вкус предполагает тонкое чутье на правду, умение безошибочно отличать ее от фальши; он означает умение постигать большой внутренний смысл в простых и естественных вещах; он означает верное чувство гармонии и в искусстве и в жизни"¹. "...Вкус - это способность человека давать эстетические оценки произведениям искусства, окружающей действительности, поведению людей, это - умение разобраться в том, что красиво и некрасиво в окружающей жизни"². "Вкус - это индивидуальная по своему проявлению, но в своих истоках обусловленная обществом способность различать и ценить красоту как в самой жизни, так и в искусстве"³. Л.Салтовская в своей книге "О вкусах спорят", ставит вопрос о том, что такое вкус, и отвечает на него: "Вкус - это наше представление о прекрасном в жизни и искусстве и отражение этого представления в нашей творческой деятельности"⁴.

Интересно трактует вкус О.В.Лармин, который в своей очень богатой мыслями книге "Эстетический идеал и современность" характеризует эстетический вкус следующим образом: "Вкус - это оценочная категория, выражающая действительную сторону познания, направляющая и корректирующая эстетическую деятельность человека. Но именно эстетическую деятельность, так как, по-видимому, вкус существует только в сфере эстетического познания (смешно было бы говорить о

¹ Н.Дмитриева, Вопросы эстетического воспитания, М., 1956, стр.207.

² Ю.В.Шаров, Г.Г.Полячек, Вкус надо воспитывать (Беседы для молодежи), Новосибирск, 1960, стр.18.

³ А.В.Пиров, Коммунизм и эстетическое развитие личности, - "Прекрасное - в жизнь и быт народа, I" Л., 1964, стр.24.

⁴ Л.Салтовская, О вкусах спорят, Куйбышев, 1964 стр.8.

нравственном или философском вкусе)".⁵

А.С.Молчанова, специально исследуя проблему вкуса, дает следующее определение эстетического вкуса: "... Вкус - способность непосредственно-личностной оценки предмета, не противоречащей эстетическому идеалу".⁶

И еще пример из работы, специально посвященной исследованию вкуса. "Эстетический вкус - это эстетическое чувство, способное и претендующее на истинную эстетическую оценку, в которой характеризуется сам эстетический объект (красивый - некрасивый, прекрасный - безобразный и т.д.)".⁷

Особого внимания заслуживает определение вкуса Л.Н.Столовичем: "Эстетический вкус есть способность по чувству удовольствия или неудовольствия дифференцированно-оценочно воспринимать различные эстетические свойства (эстетические ценности отличать от неэстетических, противопоставлять прекрасное безобразному, реагировать на комическое - "чувство юмора" - и трагическое)".⁸

Можно привести еще много примеров разных определений эстетического вкуса.

При рассмотрении вышеприведенных примеров можно заметить следующее: нет хотя бы двух авторов, мнения которых относительно эстетического вкуса совершенно совпадали. Некоторые единодушие можно обнаружить только при рассмотрении отдельных аспектов вкуса.

В чем же не совпадают мнения разных авторов при определении эстетического вкуса?

Некоторые из выше названных авторов рассматривают вкус как способность человека (Д.В.Шаров и Г.Г.Полячек,

⁵ О.В. Д а р м и н, Эстетический идеал и современность, изд. МГУ, 1964, стр.132.

⁶ А.С. М о л ч а н о в а, Эстетический вкус как проблема теории отражения, Автореф. диссерт. на соиск. уч.ст.канд. философ.наук, Омск, 1964, стр.12.

⁷ Л.Б. Ш у л ь ц, Специфика отражения действительности в эстетическом вкусе, Автореф. диссерт. на соиск.уч.ст.канд. философ.наук, М., 1966.

⁸ Л.Н. С т о л о в и ч, Проблема прекрасного и обществен-

А.В.Пирадов, А.С.Молчанова, Л.Б.Шульц, Л.Н.Столович). Многие подчеркивают избирательный характер эстетического вкуса (Н.Дмитриева, Ю.В.Шаров и Г.Г.Полячек, А.В.Пирадов, Л.Б.Шульц, Л.Н.Столович). То, что вкус есть гносеологический акт отражается тоже в нескольких определениях, например, у Н.Дмитриевой, О.Лармина, Л.Б.Шульца, А.С.Молчановой, Л.Н.Столовича. Все авторы считают эстетический вкус оценочной категорией, кроме Н.Дмитриевой и Л.Салтовской, в чьих определениях вкуса этот аспект не выражен. Указание того, что оценивается в эстетическом вкусе, содержится только в определении Л.Н.Столовича и в известной мере у Л.Б.Шульца. Л.Б.Шульц употребляет термин эстетический объект и подчеркивает, что "эстетический вкус - это эстетическое чувство, способное и претендующее на истинную эстетическую оценку, в которой характеризуется сам эстетический объект".⁹ В определении эстетического вкуса Л.Н.Столович употребляет вместо термина "эстетический объект" термин "эстетические свойства", вместе с тем полагая, "что термин "эстетическое свойство" и "эстетическая ценность" равно употребимы для характеристики объективно-эстетического".¹⁰

Подход к проблеме Л.Н.Столовича помогает нам сделать важный вывод для теории эстетического вкуса. Значит, вкусом мы оцениваем ту или другую эстетическую ценность. Это вводит нас в область аксиологии, которая для исследования эстетического вкуса имеет значимость.

То, что вкус есть явление индивидуальное, неповторимое подчеркивает в своем определении А.С.Молчанова, которая полагает, что вкус есть именно личностная оценка, имея в виду, что личность - это совокупность многих, неповторимых социальных и психологических связей. А.С.Молчановый идеал, Автореф. диссерт. на соиск. уч. ст. докт. философ. наук, Л., 1965, стр. 21.

⁹ Л.Б. Ш у л ь ц, Цит. работа, стр. 3.

¹⁰ Л.Н. С т о л о в и ч, Красота как ценность и ценность красоты, Уч. зап. ТГУ, вып. 212, Труды по философии, XI, Тарту, 1968, стр. 180.

нова подчеркивает и непосредственность суждения эстетического вкуса.

Среди приведенных выше примеров есть определение, автор которого утверждает, что вкус есть представление (Л.Салтовская). Такого мнения не разделяет никто из названных авторов. По нашему убеждению, эстетический вкус есть особый вид эстетического отношения, отношения между эстетическим объектом и субъектом.

Вкус есть диалектическая совокупность гносеологического, психологического, аксиологического и социального аспектов. Все эти моменты должны так или иначе выражаться и в определении вкуса. Кроме того уже в определении должна отражаться возможность объективного критерия эстетического вкуса.

Некоторые авторы стремятся видеть критерий вкуса в эстетическом идеале (А.С.Молчанова). Но эстетический вкус и идеал как оценочные категории однопорядковы и зависят друг от друга только функционально. На это обращает внимание О.В.Лармин: "Понятие "эстетический вкус" функционально зависимо от категории "эстетический идеал" и их взаимоотношение есть отношение частного и общего".^{II} Если мы полагаем, что критерием вкуса является эстетический идеал, то мы считаем, что более общая оценка является критерием менее общей, т.е. эстетического вкуса как частной оценки.

Конечно, в какой-то степени эстетический идеал может действительно рассматриваться в качестве критерия индивидуальных вкусов. Но этим еще не разрешен вопрос об объективном критерии эстетического вкуса.

Мы уверены, что разрешить этот вопрос поможет рассмотрение эстетического вкуса с аксиологической точки зрения.

Поступила в редакцию 15 февраля 1969 г.

^{II} О.В. Л а р м и н, Цит. работа, стр.132.

ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТЕЙ НА ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ ВЫБОР ПРОФЕССИИ ВЫПУСКНИКАМИ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

М. Т и т м а

После окончания средней школы выпускники должны сделать выбор профессии с той или иной степенью определенности, т.е. определить выбор подготовительной системы или уже конкретную профессию. Реальная ситуация, с которой они при этом сталкиваются, дает им определенный диапазон выбора (профессии, подготовительные системы, критерии и системы отбора, конкурс и т.д.). Свои полные возможности выпускник стремится определить, оценивая себя как возможного субъекта будущей профессиональной деятельности. Обладая какими-то качествами в более совершенном виде, чем большинство других юношей или девушек, он имеет реальные шансы для усвоения соответствующей профессии.

Но человек всегда хочет посредством выбора профессии достичь каких-то целей, т.е. у него как у субъекта выбора профессии есть какие-то критерии выбора. В социалистическом обществе в качестве этих критериев у индивидов выступают в основном ценности, управляющие процессом выбора профессии. Для изучения влияния тех или иных ценностей профессии на предполагаемый выбор конкретной профессии выпускниками нами было проведено конкретно-социологическое исследование. Анализу полученным нами данных и посвящается настоящая статья.

I. Методика и техника получения и изложения данных

I.I. Методика и техника обследования.

Проба процедур, методики и техники обследования проводилась с 1963 по 1965 гг. В мае 1966 г. было проведено мас-

совое репрезентативное обследование выпускников средних школ ЭССР. Была использована анонимная анкета, заполнение которой осуществлялось одновременно всеми выпускниками одной из школ или одного класса школы под наблюдением нашего сотрудника. Причем, как правило, во время первых уроков учебного года. В целях избежания стереотипного "школьного" кода мышления, обследование проводилось без участия учителей и в неклассных помещениях. При заполнении анкеты каждый ученик сидел на отдельной скамье. На основе анализа пробных обследований автор уточнил объект обследования. Выпускники, как показывает анализ, являются наиболее подходящим объектом исследования начальной стадии выбора профессии. Районирование массива производилось на основе двух признаков: этническо-территориального и по степени плотности населения в месте проживания анкетлируемых. Проводилась направленная этими двумя признаками пятидесятипроцентная случайная выборка из всех выпускников дневных средних школ с обучением на эстонском языке.¹

1.2. Установление предполагаемого выбора.

Для выяснения намерений выпускников мы использовали следующий открытый вопрос: Если Вы намерены продолжать учебу, то укажите специальность и профессию, которую Вы себе выбрали.

Так как в исследовании мы делали акцент на выявление будущих студентов, то и в анкете выясняли только профессии, приемлемые для этой категории молодежи. Ответы выпускников кодировались на основе перечня профессий, которые можно освоить, обучаясь в вузах ЭССР. Более одной трети выпускников (35,2%) не ответили на данный вопрос. Из них пять-

---

¹ Более подробно нашу технику и методику обследования см.: Т. Т и т м а, Техника проведения конкретно-социологического исследования проблемы выбора профессии, Сб. науч. тр. Эст. сельскохоз. акад., Труды по философии, 2(54), Тарту, 1967, стр. 80-100.

сот шестнадцать не собираются продолжать учебу, а двести семьдесят пять человек еще не определили своего выбора. Эта группа ввиду своей гетерогенности в дальнейшем анализе нас не интересует. Вторую большую группу составляет выпускники, намерения которых мы не смогли кодировать (15,5% всех выпускников). Их ответы также не представляют интереса для дальнейшего анализа. Выбор остальных выпускников приведен в табл. I.

Таблица I

Название профессии	Количество выпускников	Процент из 2260
Ученые по естественно-научным дисциплинам	54	2,4
Физик	50	2,2
Математик	49	2,2
Инженер	276	12,3
Врач	151	6,7
Ученые по гуманитарным дисциплинам	38	1,7
Художник, музыкант, писатель	106	4,7
Педагог	225	10,0
Юрист	48	2,1
Экономист	69	3,1
Агроном	24	1,1
Зоотехник	4	0,2
Мелиоратор	15	0,7

Группы выпускников, избравших ту или иную профессию в приведенном наборе, составляют основу анализа регуляции выбора профессии при помощи ценностей профессии. По этой таблице кодированные нами профессии можно разделить на следующие группы:

а) сельскохозяйственные (агрономы, зоотехники, мелио-

раторы);

б) гуманитарные (ученые по гуманитарным дисциплинам, художники, музыканты, писатели, педагоги, юристы, экономисты);

в) медики (врачи);

г) естественно-научные (ученые по естественно-научным дисциплинам, физики, математики);

д) инженерно-технические (инженеры).

Из сложившихся групп, зоотехники и мелиораторы, ввиду их малочисленности, не представляют интереса для нашего исследования.

1.3. Установление ценностей профессии.

Выбор профессии совершается главным образом на основе социальных характеристик индивида, выступающих в качестве мотива. Среди таких критериев выделяются ценности профессии (ценности, регулирующие поведение человека в сфере профессиональной деятельности). Учитывая различные функции профессии, ценности профессии можно подразделить на следующие группы:

а) связанные с самовыражением индивида в профессиональной деятельности;

б) выражающие внешние функции профессиональной деятельности и вознаграждение указанной деятельности со стороны общества;

в) побочные обстоятельства профессиональной деятельности, которые превратились в ценности;

г) ценности высшего порядка, используемые в обществе для управления процессом выбора профессии.

Для исследования ценностей профессии мы использовали следующую технику. В анкете спрашивалось: "Когда абитуриенты оценивают профессии и специальности, они предполагают, что она отвечает определенным требованиям. Какие требования Вы предъявили бы идеальной профессии? Отметьте крестиком". Далее приводились шкалы интенсивности и вы-

бора в виде таблицы с одиннадцатью возможными ответами с точки зрения названных выше четырех групп ценностей. В табл.2 приводятся оценки этих ценностей выпускниками по шкале интенсивности.

Таблица 2

Идеальная профессия должна давать возможность...	Очень важное требование	Средней важности требование	Неважное требование	Не ответили
...творить и быть оригинальным	53,5%	33,3%	7,7%	5,5%
...использовать личные способности	75	17,5	2,9	4,5
...постоянного самоусовершенствования и развития кругозора	88	9	0,3	2,5
...быть полезным народному хозяйству	48,9	37,7	8,4	4,9
...хорошо зарабатывать	28,8	58,6	9,3	3,3
...цениться среди друзей и знакомых	41,5	43,5	10,4	4,6
...достижения видного положения и престижа в обществе	8	37,4	47,4	7
...руководить людьми	9,6	27,9	55,9	6,5
...обеспечить стабильное и спокойное будущее	20,9	44,5	27,8	6,8
...чистую и требующую мало времени работу	13,8	38,9	41,7	5,5
...заниматься скорее вещами, чем людьми	4,4	21,3	66,3	8,0

Во второй части работы, включающей анализ влияния ценностей профессии на предполагаемый выбор, произведен анализ предложенных нами выпускникам знаковых форм, выражающих ту или иную ценность. Для более четкого сопоставления оценок, даваемых выпускниками с различным предполагаемым выбором мы квантифицировали шкалу интенсивности

внутри каждой ценности, умножая процент оценивавших "очень важно" на +1, "средне важно" на 0 и "не важно" на -1. Таким образом, если у выпускников в отношении ценности преобладает позитивная оценка ("очень важное требование"), тогда получаем средний взвешенный от процентов с плюсом; если же преобладает негативная оценка ("не важное требование"), тогда с минусом. Выведенные средние взвешенные и приведены в последующих таблицах. Конечно такие средние взвешенные огрубляют и стирают различия, выявленные при обследовании в оценках выпускников. Но в то же время они делают материал более показательным, их использование и правомерно, ибо цель дальнейшего анализа не только в том, чтобы точно описать разницу оценок выпускников, а чтобы вывести лишь более значимые различия.

Кроме того мы определили ориентирующую ценность при помощи шкалы выбора: выпускники отметили среди предложенного ими набора ценностей одну, как наиболее важную.

2. Влияние различных ценностей на предполагаемый выбор тех или иных профессий выпускниками

Ценности профессии передаются выпускникам главным образом через механизм социализации (семья, социальная прослойка, малые группы, детские учреждения, школьная и внешкольная система воспитания и др.). Под влиянием этих же факторов формируется и мнение о возможностях осуществления соответствующих ценностей в тех или иных профессиях. Собственная практика у выпускников довольно ограничена и лишь в некоторых случаях формирует ценности профессии и дает критерии для реальной оценки разных профессий с точки зрения тех или иных ценностей профессии.

Различия, выявляемые в оценках вышеприведенных ценностей выпускниками, намеренными выбрать ту или иную профессию, показывают:

а) как определенные ценности регулируют распространение людских ресурсов в обществе через выбор профессии;

б) пути изменения регуляции выбора профессии посредством ценностей.

С этой целью произведен анализ полученных нами данных.

2.1. Влияние на предполагаемый выбор ценностей профессии, связанных с самовыражением индивида в профессиональной деятельности

В эту группу входят три приведенные в табл.3 ценности (творить и быть оригинальным; использовать личные способности; постоянного самоусовершенствования и развития кругозора).

Эта группа ценностей профессии является в оценках всех выпускников наиболее интенсивной в своем проявлении. Однако, интенсивность проявления значительно колеблется в оценках разных групп выпускников, ориентирующихся на выбор той или иной профессии. В табл.3 приведены данные по первой группе ценностей.

Самоусовершенствование (постоянная возможность самоусовершенствования и развития кругозора) в качестве критерия выбора имеет наиболее важное значение для будущих юристов, врачей, ученых по гуманитарным наукам и т.д. творческих работников (художники, музыканты, писатели). По интенсивности оценки самоусовершенствование явно менее важно для будущих агрономов. Сравнительно высокая общая оценка этой ценности всеми выпускниками обуславливает малое влияние на дифференциацию предполагаемого выбора.

В отношении интенсивности проявления единственное заметное отклонение составляют будущие агрономы. В качестве же доминирующей ценности самоусовершенствование обуславливает предпочтение профессии педагога, ученого гуманитария и экономиста. Анализируя практику данных факультетов в ЭССР, можно сделать вывод, что рассматриваемая ценность выступает здесь у выпускников в некоторой мере как самоцель. Предпочитаемые ими факультеты собирают сравнительно большее число "дипломников". Явно менее она способствует выбо-

Таблица 3

Ценность профессии Профессия	Самоусо- вершен- ствова- ние	Твор- чест- во	Используй- вание способно- стей
1. Ученый по естественно-научным дисциплинам	90,7	48,2	83,3
2. Физик	88	46	80
3. Математик	89,8	63,3	87,8
4. Инженер	87	47,8	71,4
5. Врач	92,7	47,7	75,5
6. Ученые по гуманитарным дисциплинам	92,1	42,1	86,8
7. Художник, музыкант, писатель	92,5	78,3	82,1
8. Педагог	90,6	47,1	68,4
9. Юрист	97,9	56,3	77
10. Экономист	86,9	47,8	69,6
11. Агроном	70,8	16,7	50,0
12. Прочие	90,6	49,1	74,0
13. Все выпускники	88	49	75
В качестве ориентирующей ценности:			
1. Ученый по естественно-научным дисциплинам	35,2%	24,1%	16,7%
2. Физик	28	20	12
3. Математик	32,7	24,5	16,3
4. Инженер	32,2	16,3	14,5
5. Врач	39,7	13,9	13,2
6. Ученый по гуманитарным дисциплинам	42,1	18,4	13,2
7. Художник, музыкант, писатель	30,2	47,2	11,3
8. Педагог	42,2	11,6	12,4
9. Юрист	39,6	18,7	8,3
10. Экономист	42,0	1,4	14,5
11. Агроном	37,5	4,2	16,7
12. Прочие	37,2	15,1	15,7
13. Все выпускники	39	16,9	17,1

ру профессии физика, творческого работника, математика, инженера. В целом самоусовершенствование способствует выбору гуманитарных профессий, а профессии по естественным наукам, по мнению выпускников, менее удовлетворяют этому требованию.

- Творчество (созидать и быть оригинальным), как ценность профессии, значительно более дифференцировано регулирует выбор выпускников. Из тех, кто стремится стать творческими работниками более 4/5 (80,2%) оценивает творчество как очень важное требование при выборе профессии. Это свидетельствует о том, что уже в средней школе у них формируется ориентация на соответствующую ценность и они видят в своей будущей профессии возможность ее осуществления. Такое влияние творчества в рассматриваемом аспекте можно объяснить исходя из того, что данные профессии в общественном сознании всегда рассматривались, как творческие (на это в какой-то мере указывает и их название). Ориентация на творчество доминирует почти у половины мечтающих стать творческими работниками (47,2%).

На втором месте по интенсивности проявления данной ценности у выпускников стоят математики (средний взвешенный 63,3). Эта группа отличается и ориентацией на творчество (у одной четвертой данной группы). Требуется объяснения расхождение между оценками указанной ценности потенциальными математиками, с одной стороны, и физиками и учеными (естественных наук) с другой, в то время, когда ориентация на творчество у них почти одинаковая. Родственность сфер деятельности должна была бы обусловить одинаковую оценку. Нам кажется, что это можно объяснить эхом "эры" математики, которую переживало наше общество в 1963-1966 годах. В эти годы значительно повысился престиж математики (вычислительные машины как вершина творчества), который в значительной мере покоился на пропаганде творческих возможностей, таившихся в данном труде. Именно на это указывает сравнительно более высокая оценка по шкале интен-

сивности, а не по шкале выбора (в ориентации на данную ценность²). Вообще довольно интенсивное проявление творчества у выпускников, предполагающих выбрать профессии, связанные с естественными науками, в качестве ориентации могут иметь следующие объяснения: во-первых, это является результатом высокого общественного престижа данных предметов в нашем обществе по данному критерию (при этом надо учесть, что такой престиж можно получить только за счет других предметов); во-вторых, данные профессии действительно дают более обширные возможности для творчества; в-третьих, имеются значительные различия в качестве преподавания данных наук в школах. Наиболее вероятным кажется первый вариант.

Выделение выпускников, предполагающих выбрать профессию юриста, по интенсивности оценки творчества трудно объяснить. В то же время очень низкая оценка творчества будущими агрономами вытекает из малого престижа этой профессии в обществе. Такая низкая по интенсивности оценка поддерживается и малым числом выпускников — будущих агрономов (4,2%), ориентирующихся на творчество в качестве доминирующей ценности. Еще ниже этот показатель у выпускников, предполагающих стать экономистами (1,4%). Очевидно, такое представление об этих профессиях вызвано тем, что в шкале престижа по данному критерию они стоят ниже всех приведенных профессий. Это обуславливает выбор данных профессий выпускниками, которые не оценивают творческий характер труда как основной критерий. Указанная ценность менее других регулирует выбор профессии и у будущих педагогов (11,6%). Явные различия в субъективных оценках выпускников, предполагающих избрать ту или иную профессию, указывают на действенность регуляции процесса выбора профессии через такую ценность профессии, как творчество.

² Выпускники данной группы усвоили данную семантическую форму, но интернализация ее в психике по сравнению с усвоением семантической формы меньше.

Полученные данные указывают на понимание выпускниками творчества исключительно как созидания чего-то нового в общественном смысле. Творческой воспринимается деятельность, где осваивается новая сфера или глубина действительности (отсюда высокая оценка профессии художника, музыканта, писателя, математика, физика и т.д.). Не учитывается деятельность, которая является творчеством для индивида, а для общества не представляет, конечно, творческой ценности. В этом смысле некоторые профессии, несмотря на их обыденность, сохраняют свой творческий характер. Возьмем хотя бы профессию агронома. Хлебороб преобразует свою деятельность не только с точки зрения индустриализации, механизации и т.д., но и в смысле познания и применения знаний в деятельности. Тут и химические удобрения, управление биологическим развитием и преобразование климата и т.п. Для самого индивида трудно найти более просторные возможности для творчества. Однако, к сожалению, наша научная, тем более пропагандистская информация этого аспекта творчества не раскрывают.

В настоящее время творчество как критерий выбора способствует предпочтению профессий, связанных с возникновением новых сфер человеческой деятельности. Однако такое ограниченное понимание творчества неправомерно, ибо этот круг профессий не составляет даже большинства среди тех, которые предполагают творчество в его общественном значении. Использование личных способностей является объективной основой для реализации своих возможностей в профессиональной деятельности. Выше всего оценивают по шкале интенсивности использование способностей выпускники, предполагающие стать математиками, учеными-гуманитариями, учеными-естественниками и творческими работниками. Меньше других ценят использование способностей выпускники, предполагающие стать агрономами, педагогами, экономистами и инженерами.

В качестве ориентировочной ценности значительно меньше других выступает самоутверждение среди юристов. рассмат-

риваемый критерий выбора очень сильно дифференцирует предполагаемый выбор выпускников. Выпускники, высоко оценивающие указанный критерий выбора, предпочитают профессии по естественным наукам.

Анализ полученных данных показывает, что шкала престижа между профессиями по оценке использования личных способностей соответствует шкале престижа данных профессий в обыденном сознании по данному критерию. В отношении одной группы профессий вообще бытует мнение, что способности имеют определенное значение для выполнения соответствующей им деятельности, а для деятельности в области других профессий никаких специальных способностей иметь не надо. Сложилось мнение, что некоторые профессии не требуют специального таланта и способностей. Таким образом, эти профессии собираются избрать выпускники, которые не регулируют свой выбор данной ценностью. Но массовость той или иной профессии еще не означает, что не надо иметь способностей для соответствующей профессиональной деятельности. Ясно, что для инженера, агронома, экономиста и педагога не в меньшей мере нужны определенные способности, (хотя в настоящее время их прямо при выборе и не требуют), чем математику или ученому.

В целом данная группа ценностей имеет как в качестве доминирующей, так и в качестве неосновной ценности, значительные различия у разных групп выпускников, сделавших тот или иной предполагаемый выбор.

Самовыражение выступает в качестве основного регулятора рассматриваемого выбора больше всего у выпускников, намеревающихся стать творческими работниками (88,7% всей группы). Также и сумма средних взвешенных от данных ценностей у них выше других (252,9). Это значит, что в качестве неосновных ценностей группа самовыражения у них явно больше проявляется, чем у остальных выпускников. Указанные профессии выпускники, ориентирующиеся на ценности самовыражения, выбирают больше, чем остальные предложенные нами профессии. Для

человека указанная деятельность в настоящее время и в далеком прошлом носила творческий характер³, что выражается и в общественном мнении. Такой вывод поддерживается тем, что математики тоже по сумме средних взвешенных выделяются среди других групп (240,9). Это — эхо возрастания общественного престижа математики после начала вторжения ее в практику и в другие науки, особенно в связи с применением вычислительных машин. Конечно, ввиду таких признаков у будущей профессии в субъективной оценке удвоение ценностей самовыражения возможно и без ее осмысления и функционирования в качестве регулятора поведения в сфере данной профессиональной деятельности.

Контрастом этим и другим профессиям являются четыре профессии: значительно ниже всех остальных выступает самовыражение в качестве основного регулятора при выборе профессии агрономов (58,4%)⁴, но в качестве неосновных ценностей контраст еще более разительный (сумма взвешенных средних 137,51); выпускники, предполагающие стать экономистами, оценивают самовыражение, как основной регулятор примерно также (57,9), но в качестве дополнительной ценности, самовыражение выступает у них значительно больше (сумма средних взвешенных 204,3); примерно так же оценивают самовыражение по шкале интенсивности выпускники, предполагающие стать педагогами и инженерами (206,2), но эти ценности как доминирующие ценности выступают у них значительно больше (соответственно 63% и 66%).

Ценности профессии, связанные с самовыражением в профессиональной деятельности, явно не способствуют выбору профессии агронома, а также массовых профессий (учителя, инженера); направляя руководствующихся ими выпускников

³ Влияние данной деятельности (своей практики) в какой-то мере может проявляться и у выпускников, предполагающих стать творческими работниками.

⁴ Группа маленькая и поэтому трудно сравнить ее с другими, на основе доминирующей ценности.

больше к профессиям, где возможно самовыражение нового для всего общества (творческие профессии и др.). Данные указывают на существенность эффективности этих регуляторов распределения людских ресурсов посредством выбора профессии. Посредством этих регуляторов особенно через творчество и использование способностей можно в значительной степени управлять процессом выбора профессии.

2.2. Влияние ценностей высшего порядка на предполагаемый выбор

Мы обследовали лишь одну из таких ценностей, которая, по нашему мнению, наиболее интенсивно используется для управления процессом выбора профессии. Полезность народному хозяйству как критерий выбора очень резко дифференцирует предполагаемый выбор выпускников. Будущие агрономы оценивают эту ценность значительно выше других выпускников. Для более чем одной пятой части из них она является главным регулятором выбора профессии, а средний взвешенный у будущих агрономов 54,2. Закономерным является высокое проявление указанного регулятора в качестве дополнительного в системе ценностей у юристов⁵ (50 средний взвешенный), ибо их профессия очень четко связана с отношением к Советской власти, референтом которой является данная ценность в условиях Эстонии. Но в качестве основного регулятора данный критерий выступает у них ниже среднего процента (у 6,2% всех выпускников данной группы). Наименее управляем при помощи регулятора выбор следующих профессий:

1) ученого по дисциплинам (средний взвешенный 2,6; для 5,3% выпускников в приведенной группе является указанная ценность доминирующей);

2) творческого работника (соответственно 9,5 и 1,9%);

⁵ Через данную ценность выявляется политическое отношение.

3) ученого по естественным наукам (соответственно 25,9 и 1,9%).

Как видно из предыдущего, предполагаемый выбор значительно различается в зависимости от оценки этого критерия. По нашему мнению, здесь имеется следующий эффект социальной политики, проводимой в нашем обществе.

Во-первых, выпускники, усвоившие этот критерий, действительно пытаются выбрать профессии, которые пропаганда выделяет как наиболее важные для народного хозяйства (агронома, юриста, экономиста, инженера). Выпускники, которые низко оценивают этот критерий, выбирают напротив профессии, лежащие ниже в шкале престижа, по приведенному критерию (творческие работники, ученые и др.).

Во-вторых, имеется обратный эффект такой политики.

Таблица 4

Профессия	Отношение к полезности народному хозяйству	
	Средний взвешенный	Процент выпускников, для которых данная ценность является ориентирующей
1. Ученый по естественно-научным дисциплинам	25,9	1,9%
2. Физик	36	4%
3. Математик	38,8	6,1%
4. Инженер	39,5	10,9%
5. Врач	41,7	9,3%
6. Ученый по гуманитарным дисциплинам	2,6	5,3%
7. Художник, музыкант, писатель	9,5	1,9%
8. Педагог	42,7	7,1%
9. Юрист	50	6,2%
10. Экономист	39,1	10,1%
11. Агроном	54,2	20,8%
12. Прочие	48,3	9,4%
13. Все выпускники	42,4	10,6%

Поскольку определенная профессиональная деятельность не оценивается пропагандой, как полезная народному хозяйству, у выпускников, предполагающих стать работниками этой профессии, снижается оценка полезности народному хозяйству как критерия своего поведения. Если низкую оценку творческими работниками полезности народному хозяйству как ценности можно объяснить сравнительной нейтральностью данной профессиональной деятельности по отношению к народному хозяйству, то оценку будущих ученых, а также физиков этим не объяснишь. Тут сказывается эффект престижной шкалы (если авторитетный орган относится негативно к определенному явлению или цели, высоко ценимой мной, то, неизбежно падает авторитет органа в моей шкале престижа). Если полезная профессия не ценится как полезная народному хозяйству, то значение этого критерия падает для того, кто высоко ценит данную профессию. Это доказывает проблематичность управления выбора профессии через регулятор, тесно связанный в условиях Эстонии с политической оценкой Советской власти.

Ясно, что каждая общественная система заинтересована в том, как относятся к ней в определении своих поступков его граждане. В области профессиональной деятельности — это отношение к народному хозяйству. Конечно, в выборе профессии это отношение проявляется довольно абстрактно и не имманентно данному процессу. У выпускников оно выступает в оценке значимости той или иной профессии для народного хозяйства, т.е. как официальное мнение, создаваемое вокруг определенной профессии. Управление процесса выбора через этот регулятор должно быть явлением исключительным.

2.3. Влияние ценностей, выражающих внешние функции профессиональной деятельности и вознаграждение за указанную деятельность, на предполагаемый выбор

Труд не потерял своей функции как основы существования

ния индивида и критерия общественной значимости этого индивида. Поэтому труд в различных профессиях стимулируется через разные ценности и неодинаково. Возникающие на этой основе ценности и влияют на выбор профессии. Мы предложили пять вариантов этих ценностей, но один (руководить людьми) почти не имел влияния на выбор той или иной профессии и далее не анализируется. Средние взвешенные от оценок выпускниками, а также проявление этих ценностей в качестве ориентировочных приведены в табл.5.

Материальное вознаграждение (хорошо зарабатывать) имеет две основные функции: а) оно является основой существования для всех, и через него распределяется основная часть общественных благ; б) оно является выражением социального признания, и любое моральное или социальное "...стимулирование прямо или косвенно, сразу или через некоторое время подкрепляется материальным поощрением"⁶.

Выпускники, сравнительно высоко оценивающие материальное вознаграждение профессиональной деятельности по шкале интенсивности, предполагают выбрать профессии экономиста, ученого и инженера (соответственно 33,3; 31,6; 27,8; 27,5), но меньше склонны выбирать профессии агронома, математика и врача. При этом среди выпускников, желающих стать врачами, физиками и математиками, процент не ставивших материальное вознаграждение профессиональной деятельности важнее других, соответственно 17,2%, 16% и 14,3%. Таким образом, материальное вознаграждение как критерий выбора, существенно регулирует процесс распределения людских ресурсов. Профессии, предпочитаемые выпускниками, высоко оценивающими материальное вознаграждение, удовлетворяют по их мнению это требование. В социальном отношении довольно опасно намерение выпускников, ориентирующихся на материальное вознаграждение, стать ученым. Уточнить реальное содержание материального вознаграждения у других выпускни-

⁶ Человек и его работа, М., 1967, стр.41.

Таблица 5

Профессия	Ценность профессии	Заработок	Оценка непосредственной среды	Стабильное будущее	Позиция в обществе
1. Ученый по естественным дисциплинам		27,8	33,3	-12,2	-59,2
2. Физик		14	20	-2	-34
3. Математик		6,1	22,4	-18,4	-40,8
4. Инженер		27,5	27,2	-1,8	-38,4
5. Врач		9,3	41,1	-8	-44,4
6. Ученый по гуманитарным дисциплинам		31,6	50,0	-2,6	-18,4
7. Художник, музыкант, писатель		15,1	34	-17	-34
8. Педагог		12,4	32,4	-15,1	-44
9. Дрифт		14,6	46,8	-29,2	-16,7
10. Экономист		33,3	36,2	+5,8	-33,3
11. Агроном		4,2	25	-4,2	-29,2
12. Прочие		14,6	27,7	-8,3	-37,1
13. Все выпускники		20,3	32,3	-7,4	-42,6
В качестве ориентировочной ценности					
1. Ученый по естественным дисциплинам		5,6	5,6	3,7	
2. Физик		2,0	2,0	6,0	
3. Математик		0,0	6,1	4,1	
4. Инженер		4,0	1,8	6,9	
5. Врач		4,0	5,3	4,6	
6. Ученый по гуманитарным дисциплинам		10,5	2,6	0,0	
7. Художник, музыкант, писатель		1,9	0,9	0,9	
8. Педагог		1,3	4,0	1,3	
9. Дрифт		0,0	2,1	4,2	
10. Экономист		2,9	2,9	5,8	
11. Агроном		4,2	8,3	4,2	
12. Прочие		2,9	3,4	3,7	
13. Все выпускники		4,5	4,5	4,5	

ков можно через учет такой ценности, как обеспечение своего существования.

Обеспечение существования (обеспечить стабильное и спокойное будущее). В каждом обществе создается какая-то обеспеченность граждан. Это вызывает проблему обеспечения своего положения и соответствующую ценность в психике индивида, или, напротив, положение, где данный регулятор не действует в обществе. Для любой общественной системы нежелательна регуляция выбора профессии через указанную ценность. Как видно, в нашем обществе эта ценность имеет ограниченное значение, но при этом существенно регулирует выбор.

Среди будущих экономистов 30,4 считают этот критерий очень важным при выборе, и они составляют единственную группу, где такие выпускники доминируют (+5,8 средний). Выпускниками, учитывающими при выборе данное обстоятельство, предпочитают профессии инженера, физика и ученого-гуманитария. Явно менее этот критерий сопутствует выбору профессии юриста ("очень важным" считают 8,3%, а "не важным" 37,5% из них), математика и творческого работника (средние взвешенные соответственно - 29,2; - 18,4 и - 17). Анализ показывает, что профессии, гарантирующие спокойное и обеспеченное существование, явно предпочитают выпускниками, а профессии, этого не гарантирующие, выбираются значительно меньше. Выпускники, ориентирующиеся при выборе на указанную ценность, предпочитают те же профессии.

Сравнивая оценку материального вознаграждения с оценкой обеспечения существования выпускниками, совершившими определенный предполагаемый выбор, можно сделать следующие выводы:

а) Высоко оценивающие обе ценности предпочитают одинаковый выбор (профессию экономиста, инженера, ученого по гуманитарным дисциплинам). Это указывает на осмысление ими материального вознаграждения как средства сущест-

зования, а не в смысле самоцели. Лишь отчасти будущие ученые гуманитарии видят в нем цель.

б) Низкая оценка обеспечения существования сопровождается лишь умеренным снижением оценки материального вознаграждения, что указывает на неидентичность этих ценностей.

Признание непосредственной социальной среды (цениться среди друзей и знакомых). Непосредственная среда имеет в своем сознании какое-то выражение иерархии профессий в обществе (престиж и позиция). Соответствующее, исходящее из приведенной иерархии, общественное мнение окружает индивида. Из рассматриваемых ценностей она имеет наибольшее значение в управлении процессом выбора профессии выпускниками.

Оценка непосредственной среды, являясь ценностью для выпускников, определяет предпочтение ими профессии ученого по гуманитарным наукам и юриста (средний взвешенный соответственно 50 и 46,8). Профессии, связанные с естественными науками (физик, математик), а также профессии инженера и агронома значительно меньше выступают в качестве предполагаемого выбора этими выпускниками. Это в какой-то мере дает возможность объяснить данные различия как исходящие из связи профессиональной деятельности непосредственно с общественной жизнью и критериями оценки профессии. Труд ученого в значительной мере является основой оценки его окружением, в то время как труд физика, математика, инженера, агронома не так резко выступает в качестве основного критерия оценки его окружением и не так тесно связан с общественной жизнью. Эта гипотеза требует дальнейшего изучения, и названные тенденции не могут дать основания для выводов. При предполагаемом выборе в зависимости от данной профессии явно имеется довольно большая дифференциация.

Признание общества (достижение видного положения и престижа в обществе). Приведенная семантическая форма определяет какой-то порог (видного) положения, стремлений.

Данный критерий очень мало влияет на выбор, хотя в оценках этой ценности выпускниками, намеренными выбрать ту или иную профессию, наблюдается значительная дифференциация.

Возможность достижения видного положения в обществе как неосновная ценность в системе ценностей выпускников, обуславливает предпочтение профессии юриста (для 22,9% является "очень важным" данное требование), ученого по гуманитарным наукам (взвешенные средние соответственно -16,7 и -18,4). Она не имеет значения для тех, кто намеревается выбрать профессии ученого по естественным наукам, врача и педагога (взвешенные средние соответственно -59,2; -44,4 и -44). Выпускники, не учитывающие этот критерий, предпочитают выбрать профессии, непосредственно не связанные с данным видом вознаграждения профессиональной деятельности. В этом смысле закономерен выбор этими выпускниками профессии юриста, где существуют строгие шкалы общественного положения и престижа (ранги у прокурора, чины в милиции и т.д.).

Вознаграждение профессиональной деятельности выступает в качестве доминирующей ценности при выборе (предполагаемом) у довольно незначительного процента выпускников. Эти выпускники предпочитают профессии агронома и ученого по естественным научным дисциплинам (соответственно 16,7% и 14,9% всех выпускников, предполагающих выбрать данную профессию). Материальное вознаграждение в качестве доминирующей ценности определяет предпочтение профессии ученого по гуманитарным наукам. Меньше других такие выпускники избирают профессии творческого работника, педагога и юриста (средние взвешенные соответственно 3,7%; 6,3% и 6,3%). Ценности, выражающие внешнее вознаграждение профессиональной деятельности, выступают у выпускников в основном как один из элементов системы ценностей, а не в качестве доминирующей ценности. Поэтому здесь нельзя провести обоснованный более общий анализ. Можно лишь сделать вывод, что профессии, которые предполагают наиболее интен-

сивное вознаграждение труда, предпочитают выпускниками, учитывающими этот критерий выбора.

2.4. Влияние на предполагаемый выбор побочных обстоятельств профессиональной деятельности, превратившихся в ценности профессий

Обычно это связано с теми или иными профессиями, или специфическими проблемами общества. Мы предложили в виде эксперимента выпускникам для оценки две ценности.

- Чистая и требующая мало времени работа. Проблема "чистой" работы у рабочих определенных профессий весьма острая (сельскохозяйственные работы и др.). То же можно сказать и о временных рамках профессиональной деятельности (учителя и др.), имеет ли это влияние на выбор соответствующих профессий? Требование рамок времени обуславливает предпочтение профессий экономиста и юриста. Группы выпускников, считающих это "очень важным" требованием, составляют соответственно 20,3% и 16,7% (средний взвешенный соответственно -16 и -25). Выпускники, предполагающие стать творческими работниками и математиками относятся к данному требованию отрицательнее (процент считающих "не важным" данное требование 59,4 и 55,1%, и средний взвешенный -50 и -49). Такая дифференциация довольно легко объяснима: сравнительно высокая оценка этого критерия выбора будущими экономистами связана с общей системой ценностей этой группы; то же можно сказать об очень низкой оценке рассматриваемой ценности математиками и творческими работниками.

- Заниматься скорее вещами, чем людьми. Имеет ли среда, атмосфера труда значение при выборе профессии (так называемые нервные профессии учителя и др.). Данные показали, что этот аспект профессиональной деятельности превращается в ценность лишь у незначительного числа выпускников и по существу не регулирует выбор профессии в нашем обще-

стве.

Все вышеизложенное позволяет заключить, что ценности профессии в значительной мере определяют предполагаемый выбор. В качестве основного критерия они определяют выбор соответствующих профессий, ибо в общественном сознании профессии обладают (действительными или воображаемыми) возможностями осуществления тех или иных ценностей профессии. Четко обнаруживается и взаимообусловленность ценностей системы и ее выступление как единого целого в качестве регулятора предполагаемого выбора. Все это представляет возможности управления регулирующей выбора профессии, изменяя систему ценностей, определяющих выбор той или иной профессии.

3. Ценностные характеристики выпускников, совершивших тот или иной предполагаемый выбор

В противоположность предыдущему анализу попытаемся в настоящей части статьи выделить характеристики выпускников, намеренных выбрать определенную профессию, и определить:

а) Какие регуляторы способствуют выбору конкретных профессий? Это дает возможность учитывать действительный эффект социальной политики и ввести соответствующие коррективы в распределение людских ресурсов.

б) Образуют ли систему определенные критерии выбора у выпускников, сделавших предполагаемый выбор?

в) Формируется ли групповая психология и профессиональная мораль исключительно в сфере соответствующей профессиональной деятельности. Не возникает ли она уже раньше, чем индивид станет членом этой группы, т.е. не происходит ли в обществе регуляция, обуславливающая отбор индивидов с определенными ценностями в соответствующие профессиональные группы.

г) В некоторых случаях, когда это представляется воз-

можным, сопоставим с этими данными и материал о влиянии социального происхождения на формирование системы ценностей профессии у выпускников. Это даст нам возможность в какой-то мере определить преемственность между родителями и детьми в определенных профессиях.⁷

3.1. Характеристика группы выпускников

Агрономы⁸ составляют своеобразную группу выпускников. Они намного ниже всех других ценят ценности самовыражения, особенно творчество (в качестве основного критерия творчество выступает лишь у 4,2% выпускников данной группы). В отношении этих регуляторов их ценностная система не развита. В этом смысле следует явно критически подходить к чрезвычайно сильному проявлению у них "полезности народному хозяйству" как регулятора их выбора профессии. Как они понимают данную ценность и насколько она интернализирована ими? Но сильное проявление указанной ценности у выпускников с неразвитыми ценностями самовыражения указывает на неэффективность регуляции. Вознаграждение профессиональной деятельности, особенно материальное вознаграждение, имеет для них меньшее значение. В этом отношении они сходны в своих оценках с детьми колхозников. Но у последних не было столь явно выраженной неразвитости ценностей самовыражения. Оценка полезности народному хозяйству будущей профессиональной деятельности у этих групп совпадает. Можно предположить, что агрономы являются выходцами из колхозного крестьянства, но несоответствие указанных групп в нашем исследовании не дает воз-

⁷ См. более подробно: В.Н. Шубкин, Молодежь вступает в жизнь (по материалам социологического исследования проблем трудоустройства и выбора профессии), "Вопросы философии", 1965, № 5.

⁸ Для краткости изложения не будем употреблять всей фразы: "выпускники, намеренные в проективной ситуации выбрать профессию агронома" или др., а будем пользоваться лишь понятием "агроном" и т.д.

возможности это утверждать. Несмотря на высокую оценку полезности народному хозяйству как критерия выбора профессии, нельзя утверждать, что группу будущих агрономов составляют выпускники, регулируемые приемлемыми нашему обществу регуляторами выбора профессии. Скорее наоборот, неразвитость указанных критериев вызывает выбор профессии агронома.

- Инженеры в отношении ценности самовыражения не выделяются и оценивают указанные регуляторы очень близко к средней статистической оценке всех выпускников. Полезность народному хозяйству у всех сравнительно часто выступает в качестве основного регулятора при выборе профессии, и в этом отношении они отличаются от детей технической интеллигенции, весьма низко оценивающих этот критерий выбора (соответственно 10,9% и 2,6%). Вознаграждение профессиональной деятельности сильно влияет на их выбор и они выделяются среди других выпускников более высокой оценкой этих критериев выбора. Если оценка материального вознаграждения у них сходна с оценкой его детьми инженеров, то в отношении остальных ценностей их оценки противоположны. Будущие инженеры сравнительно обеспокоены своим будущим, в то время как у детей инженеров это не проявляется. Противоположна и значимость оценки окружения и достижения видного положения в обществе посредством будущей профессиональной деятельности. Будущие инженеры оценивают эти критерии выбора сравнительно низко, в то же время такая оценка у детей инженеров высокая. По нашему мнению, это объясняется тем, что высокая оценка достижения важного положения в обществе усваивается детьми инженеров на базе действительного или воображаемого дефицита этого вида вознаграждения в их профессиональной деятельности. То же относится к оценке материального вознаграждения, которая может у инженеров быть лишь сравнительно низкой. Поэтому у детей инженеров нет беспокойства в такой мере за будущее, как у детей некоторых других групп родителей. В то же время

инженер в нашем обществе сравнительно обеспечен, и это обуславливает выбор данной профессии в большей мере выпускниками, обеспокоенными своим будущим. Большие различия в количестве членов указанных групп (будущих инженеров и детей инженеров) не позволяют судить о размерах воспроизводства рассматриваемой социальной группы. В то же время очевидно, что инженеры в большей степени учитывают внешнее вознаграждение, и у них сложились уже элементы групповой психологии и профессиональной морали.

Физики оценивают ценности самовыражения по шкале интенсивности и в качестве основного регулятора (выступает лишь у 60% из них) меньше всех профессий, связанных с естественными науками. Относительно небольшое значение имеет для них возможность принесения пользы народному хозяйству в будущей профессиональной деятельности. Меньше всех других профессий физика привлекает выпускников регулируемых оценкой окружения. Для физиков довольно важно обеспечение своего будущего. Учитывая то, что "эра" физики прошла где-то в конце пятидесятих годов, такие особенности группы вполне логичны и содержат в себе лишь одно своеобразие: для физика как для "кабинетного ученого" мнение окружающих не имеет значения. Таким образом, физики не выделяются какими-то особенностями в ценностной системе.

"Эра" математики, расцвет которой был в 1964-66 гг., очень четко выделяется среди других выпускников. В оценке ценности самовыражения они занимают среди выпускников второе место, выше всех оценивая использование личных способностей (специальный талант). В качестве основного регулятора выбора указанные критерии выступают у 73,5% будущих математиков. Такое отношение выпускников к данной профессии - следствие социальной политики, которая делала упор именно на творческий характер профессии. Будущие математики характеризуются очень низкой оценкой вознаграждения профессиональной деятельности. Им не важна оценка

окружения и материальное вознаграждение, а также они не хотят через выбор профессии обеспечить свое будущее. Можно сказать, что эту профессию пытаются избрать выпускники с наиболее приемлемыми для нашего общества ценностями. У них можно говорить об элементах профессиональной морали и групповой психологии (упор на использование таланта, творчество).

Ученые представлены у нас двумя группами, чтобы установить, что больше привлекает выпускника: содержание данной профессиональной деятельности или ее социальное положение в обществе. Это можно проанализировать на базе противопоставления двух групп - ученые-гуманитарии и ученые естественники - по их оценкам разных критериев профессиональной деятельности.

Неодинаковость оценок, даваемых этими группами, указывает на влияние содержания деятельности, особенно если такие оценки сходятся с оценками выпускников, намеренных выбрать сходные по содержанию профессии. Самовыражение в профессиональной деятельности оценивается по шкале интенсивности обеими группами одинаково. В качестве основного регулятора имеются существенные различия, указывающие на влияние содержания профессиональной деятельности. У будущих ученых по гуманитарным дисциплинам выделяется группа, регулируемая усовершенствованием, и сравнительно менее в качестве основных регуляторов проявляются творчество и использование способностей. Но у обеих групп выпускников указанные регуляторы имеют большое значение. В качестве основного регулятора их выбора гораздо меньшее значение имеет полезность народному хозяйству. По нашему мнению, тут сказывается эффект престижной шкалы профессии, особенно учитывая более негативное отношение к данному критерию выбора выпускников, предпочитающих стать учеными по гуманитарным наукам. В пропаганде до сих пор эти профессии не рассматривались положительно по приведенному критерию. Высокая обеспеченность ученого обуславливает выбор указанной профессии выпускника-

ми, для которых имеет значение материальное вознаграждение профессиональной деятельности. У ученых-гуманитариев это поддерживается сравнительно высокой оценкой обеспечения будущего через выбор профессии, а будущие ученые-естественники этим не озабочены. Для обеих групп оценка окружения сравнительно важна, но будущие ученые-гуманитарии — очень сильно регулируют свой выбор данным критерием (средний взвешенный выше творчества!). Противоположны оценки достижения видного положения в обществе. Если ученые по естественным дисциплинам оценивают указанный критерий отрицательнее всех выпускников, то, наоборот, ученые по гуманитарным наукам положительнее других (лишь юристы оценивают его еще более положительно). В целом вознаграждение профессиональной деятельности играет существенную роль в формировании контингента будущих ученых, и в разнице оценок проявляются действительные возможности осуществления определенных ценностей. В выборе указанной профессии большой вес имеет общественное положение, а не сущность профессиональной деятельности, ибо связи со сходными по содержанию труда профессиями проявляются не столь ярко.

Сравнивая эти группы выпускников с детьми ученых, можно отметить следующее сходство: наиболее сходны оценки самоусовершенствования, использование способностей и признания окружения. Но в остальных оценках эти группы выпускников заметно расходятся. Нельзя установить воспроизводства этой социальной группы.

Явно наблюдается также формирование групповой психологии и профессиональной морали.

Творческие работники резко выделяются своей высокой оценкой самовыражения. Выпускники, намеревающиеся стать творческими работниками, особенно высоко оценивают творчество. Указанный критерий выступает почти у половины в качестве основного регулятора выбора профессии. Самовыражение выступает в качестве основного регулятора у 88,7% из них. Такая высокая оценка указанных регуляторов сходна с оценка-

ми детей гуманитарной интеллигенции. Из них у 28% творчество выступает в качестве основного регулятора поведения. Это указывает на воспроизводство этой социальной группы. Конечно, надо учитывать, что среди выпускников, намеренных стать творческими работниками, имеется большое количество таких, которые в какой-то мере занимаются своей будущей профессиональной деятельностью. В школах созданы благоприятные условия для занятий именно этими видами деятельности. Это, конечно, содействует приобретению ценностей самовыражения на базе своей практической деятельности, что обуславливает их большую интернализацию. Таким образом, эти выпускники могут быть из разных социальных групп.

Можно объяснить низкую оценку возможности в профессиональной деятельности принести пользу народному хозяйству, ибо этот критерий обычно в сфере указанной профессиональной деятельности не применяется. Основным регулятором она выступает лишь у 1,9% выпускников данной группы, что сходно с процентом их среди детей гуманитарной интеллигенции (I). Таким образом выявленное сходство между этими двумя группами в оценке самовыражения не случайно.

Совершенно логично и то, что будущие творческие работники не считают важным вознаграждение профессиональной деятельности. Особенно, если учесть интенсивное проявление у них ценностей самовыражения. Только в отношении материального вознаграждения профессиональной деятельности они значительно отличаются от детей гуманитарной интеллигенции. Все предыдущее дает основание заключить, что в рамках данной социальной группы идет и ее воспроизводство. Также сформировалась групповая психология.

Педагоги составляют большую группу интеллигенции и потребность в них большая. В целом ценности самовыражения регулируют выбор выпускников, намеренных стать педагогами, но творчество и использование личных способностей как в качестве основного регулятора выбора, так и в качестве части ценностной системы оценивается значительно ниже,

чем у других выпускников (кроме будущих агрономов). Очень сильное доминирование самоусовершенствования в качестве основного регулятора дает возможность истолковать их намерение как стремление к диплому. По крайней мере, престиж в шкале по творчеству и использованию способностей у профессии педагога чрезвычайно низкий. Сравнительно высоко оценивается ими возможность быть полезным хозяйству в своей будущей профессиональной деятельности, что является исключением среди гуманитариев (не считая будущих юристов).

Вознаграждение профессиональной деятельности регулирует выбор будущих педагогов одинаково со всеми остальными выпускниками. Учитывая хронический недобор в педагогические отделения вузов Эстонии, надо отметить, что такое положение коренится в общественном престиже самой профессии, которая не притягивает выпускников ни возможностями осуществления ценностей самовыражения, ни вознаграждением указанной профессиональной деятельности.

Юристы сравнительно высоко оценивают ценности самовыражения, и лишь использование личных способностей выступает у них в качестве основного регулятора значительно меньше, чем у других выпускников. По шкале интенсивности они почти на 100% считают "очень важным" самоусовершенствование. Высоко оценивается ими и полезность народному хозяйству в профессиональной деятельности. Закономерно, что из вознаграждений профессиональной деятельности сравнительно "очень важным" для них является достижение видного положения, т.е. признание общества и признание окружения. Менее всех выпускников они обеспокоены своим будущим.

Таким образом, у них оформилась четко отличающаяся от других групповая психология и профессиональная мораль.

Экономисты регулируют свой выбор, исходя из самовыражения, но составляет одну из наименее регулируемых данными ценностями групп выпускников. Особенно малое значение имеет для них творческий характер труда (лишь для 1,4% из них указанный критерий является главным в выборе профессии!). Учитывая общественное мнение, в котором экономика низведена

до уровня счета и формальной бухгалтерии, это, конечно, не является неожиданностью. Но это означает, что в сферу экономики не идут выпускники, для которых важно самовыражение, ибо экономика в их воображении не сулит этого. Сравнительно высоко оценивается ими полезность народному хозяйству. То же следует сказать и о вознаграждении профессиональной деятельности. Гораздо большее значение, чем для других выпускников имеет для них обеспечение стабильного будущего через выбор профессии. Они являются единственной группой, у которой преобладают выпускники, считающие обеспечение будущего через выбор профессии "очень важным". Наибольшее значение для будущих экономистов имеет и материальное вознаграждение профессиональной деятельности. Для значительной группы экономистов профессия лишь средство существования. Ценности образуют у рассматриваемой группы выпускников целостную систему.

Врачи не выделяются в отношении своих оценок ценностей самовыражения, и во всех случаях очень близки к средней оценке, даваемой всеми выпускниками. Малое значение для них имеет вознаграждение их профессиональной деятельности. Лишь оценка окружения регулирует их выбор в большей мере, чем в среднем выбор всех выпускников. Таким образом они значительно отличаются от детей медиков, которые имеют явное своеобразие в системе ценностей.

ВЫВОДЫ

Предыдущий анализ показывает, что разные регуляторы обуславливают предпочтение той или иной профессии выпускниками. В субъективном восприятии та или иная профессия дает определенные возможности для осуществления тех или иных ценностей профессии. Следовательно, та или иная профессия воплощает для них определенные рамки субъективной свободы. Она отвечает или не отвечает предъявляемым выпускником требованиям. Каждая профессия предпочитается другим профессиям выпускниками с определенными ценностями. Такое сравнительное

предпочтение дает возможность выделить определенные характеристики той или иной профессии, которыми оно обладает в групповом сознании выпускников. При этом нужно различать выступление той или иной ценности в качестве основного критерия выбора профессии и в системе ценностей профессии, ибо основной регулятор может обусловить и проявление некоторых других в системе ценностей. Выявление таких характеристик профессии в сознании выпускников дает возможность сознательной регуляции выбора конкретной профессии.

В то же время выявленная картина показывает, что групповая психология и моральные особенности профессиональных групп начинают складываться уже перед выбором профессии. Вся система общества направляет регуляцию процесса выбора индивидами профессии, индивидов с определенными ценностными характеристиками в соответствующие профессии. Конечно, выявленные ими особенности еще корректируются самим выбором. Так это происходит у будущих инженеров и педагогов, относительное число которых очень маленькое по сравнению с потребностями народного хозяйства. Это обуславливает то, что в приведенные выше профессии будут направляться значительное количество выпускников, не желавших выбрать эту профессию. В то же время у будущих юристов происходит обратный процесс, ибо их число значительно превышает потребность в них. Особенности, выявленные в проективной ситуации, еще более обостряются после действительного выбора.

Если проанализировать связь между групповой психологией и моралью выходцев из определенных профессиональных групп и выпускников, совершивших соответствующий предполагаемый выбор, то по полученным нами данным можно обнаружить некоторое сходство. Лишь в отношении гуманитарной интеллигенции можно делать вывод о воспроизводстве этой группы.

В целом анализ показывает значительную роль ценностей профессии в определении предполагаемого выбора профессии выпускниками средних школ. Дальнейшее изучение профессио-

нальных групп должно дать возможность выявить ценности профессии, способствующие более эффективной регуляции людских ресурсов посредством выбора профессии.

Поступила в редакцию 10 декабря 1968 г.

ВЗГЛЯДЫ П.А.КРОПОТКИНА НА РЕВОЛЮЦИЮ

Р. Блюм

Значительный вклад в развитие анархистской теории революции внес П.А.Кропоткин. Его взгляды, хотя в целом и находятся в русле традиционного анархистского учения в его бакунинской трактовке, тем не менее достаточно оригинальны¹. Это обнаруживается не только в том, что общая интерпретация анархизма Н.Кропоткиным в ряде важных вопросов расходится с бакунинской, но и в том, что он значительно более серьезнее, глубже, научнее подходил к проблемам революции, чем М.Бакунин². Достаточно указать на большой труд о Великой Французской революции XVIII в., получивший высокую оценку как революционеров-марксистов³, так и специалистов-историков⁴. Кроме того, в отличие от

- 1 Нужно с сожалением констатировать, что творчество П.Кропоткина последние сорок лет почти не привлекало внимания советских исследователей. Отрядным исключением являются предисловие и примечания В.А. Твардовского к книге: П.А.Кропоткин, Записки революционера, М., 1966 и глава в кн.: А.А. Гадактионов и П.Ф. Никандров, Идеологи русского народничества, ЛГУ, 1966.
- 2 См. нашу статью "Взгляды М.А.Бакунина на революцию", Ученые записки ТГУ, Труды по философии XII, 1969. Данная статья является ее продолжением.
- 3 См. П.А. Кропоткин, Великая Французская революция. Собр.соч., т.А, М., 1918. Уместно отметить, что эту работу В.И.Ленин "считал классической и настойчиво рекомендовал ее читать и распространять". См.: В.Д. Бонч-Бруевич, Воспоминания о В.И.Ленине. 1917-1924 гг. Избр.соч., т.Ш, М., 1963, стр.401.
- 4 Например, весьма положительная рецензия известного русского историка Н. Кареева "Новая книга по истории Французской революции". Русское богатство", 1910, № 9, и № 10.

М.Бакунина, который с известным пренебрежением относился к конструктивной стороне революции, считая по меньшей мере бесполезным размышлять на тему, что будет "на другой день после революции", целиком полагаясь в этом отношении на самодеятельность и стихийное творчество революционных масс, П.Кропоткин подробнейшим образом разработал план революционных преобразований, который, с его точки зрения, немедленно должен осуществить победивший народ.

Обратимся к основным положениям теории революции П.Кропоткина.

И. П.А.Кропоткин безусловно убежден в необходимости и закономерности революции. Для него революция столь же правомерна, как и общественная эволюция. "Революции, т.е. периоды ускоренной эволюции, ускоренного развития и быстрых перемен, так же сообразны с природой человеческого общества, как и медленная постепенная эволюция, наблюдаемая теперь в культурных странах"⁵. Таким образом, есть эпохи эволюционные и эпохи революционные.

Конец XIX в. представляет собою именно такой период когда "современный способ группировки заканчивает свое существование; он совершил все, на что был способен, и теперь рухнет под своей собственной тяжестью"⁶. Этот период характеризует "полное разложение и распадение современного строя и всеобщее недовольство; выработка новых форм жизни и жажда какой-бы то ни было перемены, юношеский порыв критики в области науки, философии, этики и брожение общественной мысли; возмутительное равнодушие или преступное сопротивление новым течениям тех, в руках которых сосредоточена власть"⁷. Следовательно, можно с полным правом ожидать, утверждает П.Кропоткин, что великим вопросом

⁵ П.А. Кропоткин, Записки революционера, стр.263.

⁶ П.А. Кропоткин, Речи бунтовщика, СПб, 1906, стр.14.

⁷ Там же, стр.15.

следующего XXв. будет социальный вопрос, который должен быть решен только революционным путем.

Поскольку революция неизбежна, то задача революционера состоит в том, чтобы к ней готовиться и всячески содействовать ускорению ее прихода. Но при этом следует стремиться к такой революции, которая могла бы достичь наибольших результатов с наименьшим числом жертв. А это может произойти только тогда, когда угнетенные составят "себе возможно более ясное представление о том, что им предстоит совершить и проникнутся достаточно сильным энтузиазмом"⁸.

Предстоящая революция — это социальная революция, которая должна отличаться от всех предыдущих революций своим народным характером, своим стремлением действительно "по-заботиться о нуждах народа", которая должна быть коренным преобразованием всего общественного строя, разрушением экономического режима и политической организации, полным обновлением умственной и нравственной жизни. Только такая революция заслуживает наименования революции. В этой связи П. Кропоткин четко отделяет понятие социальной революции от крестьянских восстаний, от уличной борьбы в городах, от простой перемены политической власти. С его точки зрения социальная революция — "это распадение, разложение в несколько лет всего того, что составляло до того времени сущность общественной, религиозной, политической и экономической жизни нации; это — полный переворот в установленных понятиях и в ходячих мнениях по отношению ко всем сложным отношениям между отдельными единицами человеческого стада. Это наконец — зарождение новых понятий о равенстве в отношениях между гражданами, которые скоро становятся действительностью, и тогда начинают распространяться на соседние нации, перевертывают весь мир и дают следующему веку его лозунги, его задачи, его науку, все направ-

---

⁸ П. А. К р о п о т к и н, Записки революционера, стр.263.

ление его экономического, политического и нравственного развития"⁹.

Опираясь главным образом на факты истории Франции XVIII-XIX вв., П. Кропоткин формулирует важный закон развития социальной революции. Он заключается в том, что социальная революция "неизбежно развивается до своих крайних последствий, т.е. до той точки, до которой она может достигнуть, хотя бы на короткое время, при данном состоянии умов в данный исторический момент"¹⁰. Но на достигнутой высшей точке революция не может удержаться, наступает реакция и общество оказывается отброшенным назад. Тем не менее революция сделала свое дело и последующая за ней эволюция совершается на более высоком уровне и идет более быстрым темпом, чем до революции. Содержанием процесса послереволюционной эволюции являются нерешенные задачи революции. Таким образом, революция закладывает программу на целый исторический период, накладывает свой неизгладимый отпечаток на целое столетие. "Затем через 100-130 лет, новый переворот совершится уже среди другого народа, и этот народ, в свою очередь, дает программу деятельности для следующего столетия"¹¹. Учитывая, что это написано в 1908 г., нельзя не обратить внимания на точность кропоткинских прогноза. 130 лет после Французской революции - это 1919 г.

2. В чем же видит П. Кропоткин причины социальной революции? Тщетно было бы искать у него экономического и классового анализа предреволюционной социальной ситуации. До самых глубоких оснований он не доходит, останавливаясь преимущественно на нравственно-духовной атмосфере общества. Вот как например описывается предреволюционная обстановка в "Речах бунтовщика": "Чувствуется потребность чего-то нового. Нравственный кодекс, которым до сих пор руководствова-

⁹ П. А. К р о п о т к и н, Великая Французская революция, стр.2-3.

¹⁰ Там же, стр.572.

¹¹ Там же, стр.574.

лась большая часть людей в своей обыденной жизни, потерял всякое значение, стал явной бессмыслицей... Столкновения между новыми идеями и старыми традициями становятся все чаще и ожесточеннее... Сын вступает в борьбы с отцом: он приходит в ужас от всего того, что отец находил естественным всю свою жизнь... Народное сознание, народная совесть восстают ежедневно против всех безобразий, происходящих в среде привилегированных и праздных классов... Те, которые жаждут торжества справедливости и стремятся провести в жизнь новые идеи, не могут не признать, что их самоотверженные и гуманные идеи... неосуществимы при современном общественном строе: они создают необходимость революционной бури, которая очистит мир от плесени, покрывшей его... Общество начинает сознавать, что экономические отношения, заведующие производством и обменом, не дадут того благосостояния, которое они призваны гарантировать... Правительства не способны приступить к реформам... Посредственности, которые в переходные эпохи забирают в свои руки управление правительственной ладью... неумело защищаются, лавируют, делают глупости за глупостью и наконец обрывают последнюю нить спасения: топят правительственный престиж в своей тупости и несостоятельности"¹².

Надо отдать должное П.Кропоткину - предреволюционную обстановку он описывает весьма красочно и подробно, отмечая, с одной стороны, рост недовольства в различных слоях народа, а, с другой, - трудности и провалы в правительственном механизме. А это именно те элементы, которые по В.И.Ленину составляют основное содержание революционной ситуации.

При характеристике непосредственных причин социальной революции бросается в глаза существенное отличие между взглядами М.Бакунина и П.Кропоткина. Если первый придавал решающее значение нищете и отчаянию как факторам, по-

¹² П.А. Кропоткин, Речи бунтовщика, стр.141-144.

буждающим народные массы к революционному выступлению, то второй решительно отказывался считать их таковыми. "Надежда, а вовсе не отчаяние, как нередко думают очень молодые революционеры, порождают успешные революции"¹³. В другом месте П.Кропоткин писал: "Если отчаяние и нищета толкали народ к бунту, то надежда на улучшение вела его к революции. Как и все революции, революция 1789 г. совершилась благодаря надежде достигнуть тех или иных крупных результатов. Без этого не бывает революции"¹⁴. На примере Французской революции 1789 г. он опровергает представление, согласно которому только доведенный до отчаяния народ способен подняться на революцию. Факты истории действительно говорят о том, что революции возникают, когда появляется надежда на улучшение, надежда на победу. Может быть в этом пункте наиболее отчетливо видны различия между бунтарским анархизмом М.Бакунина и рассудочным анархизмом П.Кропоткина.

Кстати говоря, этот кропоткинский тезис предвосхищает популярную в настоящее время в западной социологии концепцию "революции растущих ожиданий" (*revolution rising expectation*), согласно которой основной причиной революции является увеличивающийся разрыв между ожиданием (надеждой) и реальностью¹⁵. Хотя эта концепция не может в силу своей односторонности рассматриваться как истинная, тем не менее она в преувеличенной форме подчеркивает важный момент в психологии революционных масс в периоды, предшествующие революции.

Откуда же появляется надежда на успех, играющая столь

¹³ П.А. Кропоткин, Речи бунтовщика, стр.141-144

¹⁴ П.А. Кропоткин, Великая Французская революция, стр.18.

¹⁵ Robert W a e l d e r, Progress and Revolution, A Study of the Issues of Our Age. N.Y., 1967, pp. 225-229. James C. D e v i e s, Toward a Theory of Revolution, "American Sociological Review", Vol. 27.

большую роль в развитии революции? Каким образом вообще возможен переход от революционного настроения к революционному действию? Эти вопросы играют большую роль в кропоткинской теории революции, с точки зрения которой единственной силой, превращающей настроение в действие является революционное меньшинство, "Работа меньшинства, работа непрерывная и продолжительная, произвела это превращение. Смелость, самоотверженность, способность жертвовать собой так же заразительны, как трусость, покорность, паника"¹⁶. Представители меньшинства своими единичными и групповыми выступлениями (прямыми действиями) против существующих порядков привлекают все большее внимание со стороны масс и завоевывают себе сторонников. Если правительство переходит к репрессиям, то именно они в этой ситуации при возбужденных массах "вызывают новые взрывы, новые протесты, индивидуальные или коллективные; они доводят восставших до героизма и понемногу революционные действия усиливаются и распространяются"¹⁷. Так начинаются революции.

Теория "прямого действия" - этот важнейший элемент анархизма - разделяется также и П.Кропоткиным. Но в отличие от своих единомышленников, которые требовали использования "творческой воли" в любом положении, он связывает "прямые действия" с предреволюционной обстановкой, с революционной ситуацией. Такое понимание характеризует куда более трезвый и разумный подход к способам организации революционных выступлений¹⁸.

Трезвый подход сказывается и в том, что П.Кропоткин признает необходимость революционной партии в процессе подготовки революции, признание, которое, конечно, никак

---

¹⁶ П.А. Кропоткин, Речи бунтовщика, стр.145.

¹⁷ Там же, стр.147.

¹⁸ Мы не можем согласиться с А.А.Галактионовым и П.Ф.Никандровым, которые считают, что взгляды П.Кропоткина в этом пункте по существу совпадают с бакунинскими. (Ук.соч., стр.102).

не вяжется с принципами ортодоксального анархизма. Отметим, что "направление, которое примет революция, зависит... от всей суммы разнообразных обстоятельств, которые подготовили наступление катаклизма, но оно может быть определено заранее по силе революционных действий, совершенных в подготовительный период различными партиями"¹⁹, он выдвигает ряд требований, выполнение которых обеспечивает успех революционной партии. Партия может стать во главе революционного движения лишь в том случае, если она не ограничивается разработкой теоретических программ, а своими действиями, своей агитацией в предреволюционный период становится известной и популярной в народе. В связи с этим нужно указать еще на одну важную особенность взглядов П.Кропоткина, отличающую их от бакунинских. Он вообще отрицает заговор, как метод подготовки революции, и больше уповает на деятельность, обеспечивающую переворот в умонастроениях широких масс. Конечно, было бы большим преувеличением полагать, что П.Кропоткин имел в виду какую-то строго организованную партию, сколько-нибудь похожую на марксистскую. Его партия - это объединение людей, ведущих пропаганду и предпринимающих те или иные "прямые действия". Тем не менее признание необходимости партии уже само по себе означало большой шаг в сторону от традиционных анархистских принципов.

Здесь мы должны констатировать противоречия, имманентные всей концепции П.Кропоткина. С одной стороны, философия анархизма провозглашает автономию ничем и никем нестесняемой личности, а с другой - теория революции не может не иметь дело с массовыми феноменами, требующими подчинения личности массовому движению, требующими организации, если речь идет о действительно народной революции, а не о бунте в штирневском духе. Надо отдать должное П.Кропоткину - его симпатии явно на стороне широкой народной революции. Недаром

---

¹⁹ П.А. Кропоткин, Речи бунтовщика, стр.148

анархисты-теоретики (А.Боровой) упрекали его за невнимание к проблемам личности, за чрезмерное "народолюбство"²⁰.

Но, как говорится - "назвался груздем - полезай в кузов" - доктрина анархизма не может отпустить далеко своего верного приверженца. И мы у того же П.Кропоткина читаем: "Революции... делаются всегда меньшинством, и даже тогда, когда революция уже началась, и часть народа принимает ее со всеми ее последствиями, всегда только ничтожное меньшинство понимает, что остается еще сделать, чтобы обеспечить победу за сделанными уже изменениями, и обладает нужной для действия силой и смелостью"²¹. Известный русский историк Н.Кареев, отметив это противоречие, справедливо писал, что взгляды П.Кропоткина в вопросе о народном характере революции и роли в ней меньшинства отличаются неясностью.²²

Та же картина и с политической партией. Поскольку П.Кропоткин придает большое значение субъективному фактору в революции, то он говорит о партии и ее деятельности. Но в то же время мы читаем, что анархисты выступают против всякого государства и поэтому они не видят необходимости конституироваться в политическую партию, т.е. они хотят иметь некую неполитическую партию, занимающуюся политическими вопросами (борьба против государства)! "Мы воюем с государством и его представителями не как политические партии, а для того, чтобы поколебать государство"²³.

3. Как уже отмечалось выше важнейшее место в теории революции П.Кропоткина занимают созидательные, конструк-

²⁰ См. Петр Кропоткин, Сб.статей, Пг.-М., 1922, стр.39.

²¹ П.А. Кропоткин, Великая Французская революция, стр.260-261.

²² Н. Кареев, Ук.рецензия, "Русское богатство", 1910, № 9, стр.150.

²³ Max Nettlau, Der Anarchismus. Von Proudhon zu Kropotkin. Seine historische Entwicklung in der Jahren 1859-1880. Berlin, 1927, S. 293.

тивные проблемы. П.Кропоткин не соглашался с М.Бакуниным, который полагал, по образному замечанию М.Неттлау, что главной задачей анархистов должно быть обеспечение путей сноса заразных барачных домов сегодня же, расчистка обломков и дезинфекция местности против новых паразитов. Что же касается планов постройки новых сооружений, то это дело будущих жителей²⁴.

С точки зрения П.Кропоткина более подробная, детальная разработка всех сторон будущего социального устройства является непременной задачей серьезного революционера. "Никакая борьба не может быть успешной, если она будет бессознательна и не отдает себе ясного вещественного (конкретного) отчета в своей цели. Никакое разрушение существующего невозможно, если уже во время самого разрушения или борьбы за разрушение, не будет обрисовываться в умах то, что должно стать на место разрушаемого"²⁵.

И в этом пункте обнаруживается противоречивость во взглядах П.Кропоткина, поскольку научная разработка программы будущих преобразований в принципе несовместима с анархистским мировоззрением, согласно которому стихийное творчество масс само порождает необходимые общественные формы. Отсюда наличие у П.Кропоткина совершенно противоположных высказываний. С одной стороны, подчеркивание значения науки, а с другой - "Созидательная сила социальной революции не может явиться из книг и ученых трактатов. Книжки - это прошлое, они могут разбудить иногда дух критики и возмущения. Но они совершенно неспособны предсказать будущее и начертать план новой жизни. Для этого надо следовать внушениям самой жизни"²⁶. Необходимо, правда, отметить, что это высказывание звучит диссонансом по

24 Там же, стр.36.

25 П. К р о п о т к и н, Современная наука и анархия. Лондон, 1901, стр.43.

26 П.А. К р о п о т к и н, Предисловие к книге Дж.Гильома "Интернационал", Пг-М., 1922, т. I-II, стр.12.

отношению к центральным идеям П. Кропоткина, содержащимся в его главных трудах. В них, в особенности в работе "Хлеб и воля", он разрабатывает конкретный план революционных преобразований, которые нужно осуществить "на другой день после революции".

Каков же этот конкретный план? Революция не заканчивается победой народа над своими прежними правителями, только после этой победы начинается настоящая революционная работа. Задача этой работы состоит в том, чтобы удовлетворить нужды народа, которые в течение всех прошлых веков полностью игнорировались. Для этого необходимо "вернуться к основному принципу, состоящему в том, что раз орудия производства представляют продукт труда всего народа, то они должны перейти в руки всего народа. Частное присвоение их и несправедливо и бесполезно. Все принадлежит всем, так как все в нем нуждаются, все работали для него по мере сил, и нет никакой физической возможности определить какая доля принадлежит каждому в производимых теперь богатствах"²⁷. Таким образом, экспроприация частной собственности рассматривается П. Кропоткиным как средство для достижения благосостояния или, как он выражается, довольства всех.

Возможно ли решить эту задачу и обеспечить всеобщее довольство? У П. Кропоткина нет никаких сомнений, что достигнутый уровень техники и производительности труда полностью способен обеспечить получение всего необходимого для удовлетворения всех нужд народа. Нужно лишь ликвидировать непроизводительные расходы, такие как расходы на вооружение, на плату чиновникам, на содержание всего аппарата правосудия, на печать, распространяющую ложные идеи и вредные известия в групповых интересах, на предметы роскоши, на рекламу и т.п.

Но это не все. В современном индивидуалистическом

---

²⁷ П. А. Кропоткин, Хлеб и воля. Пг.-М., 1920, стр. 32.

обществе, по мнению П.Кропоткина, существуют тенденции, которые позволяют рассматривать это общество как развивающееся в сторону коммунизма.

Первая тенденция — это тенденция к экономическому равенству, которая проявляется, во-первых, в том, что общество стремится сохранить остатки древнего коммунизма (в деревенской общине, главным образом) и, во-вторых, во всевозможных проявлениях коммунистических начал в общественной жизни. В основе указанных тенденций лежит общий закон или фактор эволюции всего органического мира — взаимная помощь, выступающая в обществе как человеческая солидарность. "Ни сокрушающие силы централизованного государства, ни учения взаимной ненависти и безжалостной борьбы, которые исходят, украшенные атрибутами науки, от услужливых философов и социологов, не могли вырвать с корнем чувства человеческой солидарности, глубоко коренящегося в человеческом сознании и сердце, так как чувство это было воспитано всею нашею предыдущею эволюцией"²⁸.

Наивный утопический характер воззрений П.Кропоткина на коммунизм особенно отчетливо виден с позиций современного технологического и социального развития. Так, коммунистические начала проявляются у него в том, что все в равной степени пользуются мостами и дорогами, водопроводом и парками, общественными библиотеками и музеями, в едином тарифе на железных дорогах, в организации общества спасения на водах, и вообще во всех услугах, которые распределяются, так сказать, по потребностям. Конечно, по сравнению с феодальными общественными отношениями и соответствующим им стилем жизни, которые наблюдал в России П.Кропоткин, все это было громадным шагом вперед. Но выдавать характерные особенности социально-экономической структуры капитализма за начала коммунизма — значит не понимать сущности и ха-

²⁸ П. К р о п о т к и н. Взаимная помощь, как фактор эволюции, СПб., 1907, стр.293.

рактера этого нового общественного строя (что, между прочим, является характерной чертой утопизма).

Оптимизм П. Кропоткина относительно готовности людей воспринять идеи анархического коммунизма безграничен. "В больших городах коммунизм не страшит уже никого, особенно анархический коммунизм. В деревнях эволюция происходит в том же направлении. За исключением нескольких местностей, поставленных в особые условия, везде крестьяне начинают понимать преимущество общественных работ и приобретают орудия и машины для всеобщего пользования"²⁹.

Вторая тенденция — это тенденция к политической свободе. "Если мы присмотримся к современному развитию образованных народов, то мы ясно увидим как в них все более и более растет движение с целью ограничить область действия правительства и предоставить личности все большую и большую свободу"³⁰. Итогом этого движения является непрерывное уменьшение вмешательства государственной власти в различные области общественной жизни, вывод, который так же совершенно не согласуется с реальной политической историей XIX в.³¹

Вслед за Прудоном и Бакуниным П. Кропоткин резко отрицательно относится к любым формам государственного принуждения и государственной власти. Поэтому он считает, что основной задачей анархистской революции является уничтожение всякого правительства. "Революция и правительство несовместимы, одно, — под каким бы видом оно ни было представлено, — всегда уничтожает другое; вне анархии — нет революции"³². Совершенно отвергается также какое-либо

²⁹ П. А. Кропоткин, Речи бунтовщика, стр. 46—47.

³⁰ П. Кропоткин, Хлеб и воля, стр. 54—55.

³¹ Совершенно справедливо П. Кропоткин пишет, что "каждому экономическому фазису соответствует в истории свой политический фазис; нельзя разрушить теперешнюю форму собственности, не вводя вместе с тем и нового строя политической жизни" (Там же, стр. 60). Но этот тезис не подкрепляется научным анализом каких-либо экономических и политических структур.

³² П. А. Кропоткин, Речи бунтовщика, стр. 130.

революционное правительство и революционная диктатура, которые, по его мнению, всегда ведут к смерти революции. В своей критике государства П.Кропоткин, в основном повторяет М.Бакунина, анализ взглядов которого проведен нами специально³³.

Наличие материальных предпосылок, а также отмеченных тенденций, позволяет, как полагает П.Кропоткин, "как только революция сломит силу, поддерживающую современный порядок, немедленно осуществить коммунизм, именно анархический коммунизм, "коммунизм без правительства, коммунизм свободных людей. Это - синтез... двух целей, преследовавшихся человечеством во все времена: свободы экономической и свободы политической"³⁴.

Не ставя перед собой задачу подробного анализа взглядов П.Кропоткина на коммунистическое общество, отметим лишь те моменты, которые прямо относятся к проблеме революции. Как мы видели выше, для прямого и непосредственного перехода к коммунизму все условия налицо. П.Кропоткин поэтому безусловно убежден, что этот переход произойдет "не через сто лет, а в недалеком будущем"³⁵. Первоочередной главной задачей революции будет вопрос о хлебе. "Мы имеем дерзость утверждать, что всякий должен и может быть сытым, и что Революция победит именно тем, что обеспечит хлеб для всех"³⁶. Из истории известно, что всякая сколько-нибудь значительная революция, связанная с разрушением стабильных социально-экономических структур, с ожесточенной классовой борьбой, принимающей зачастую характер гражданской войны, сопровождалась ухудшением материального положения широких народных масс. П.Кропоткин хорошо понимает, что и будущая революция, которая отменит частную собственность, не в состоянии соз-

³³ См. Р. Б л ю м, Указ.статья.

³⁴ П. К р о п о т к и н, Хлеб и воля, стр.53-54.

³⁵ Там же, стр.70.

³⁶ Там же, стр.80.

дать сразу новые общественные отношения и перестроить все производство соответственно потребностям населения. Для этого требуется время. Но тем не менее он располагает "чудодейственным" рецептом, который дает возможность решить эту колоссальной трудности задачу. "Нужно... чтобы народ немедленно же завладел всеми продуктами, имеющимися в тех местностях, где вспыхнула революция, составил им опись, и чтобы он устроился так, чтобы ничего не пропадало даром, но чтобы все могли воспользоваться имеющимися накопленными продуктами и таким образом пережить критический период"³⁷.

Следовательно, все предметы потребления должны будут превращены в общую собственность и соответственно поровну распределяться между всеми. Все это выглядит на первый взгляд очень привлекательным. Но встает вопрос: неужели эту трудную техническую и социальную задачу можно осуществить без всякой организации, как этого требуют принципы анархизма? П. Кропоткин, по-видимому, хорошо понимает, что это невозможно. И он пытается найти компромисс между общими теоретическими принципами и логическими следствиями, вытекающими из предложенной им модели революции. Такого рода компромиссы чаще всего оказываются внутренне несостоятельными. Это произошло и в данном случае. Организация есть — это добровольцы, составляющие опись всех продуктов, заведующие съестными припасами в том или другом районе и т.д. но это организация "естественно-выросшая", создавшаяся сама собой, руководствующаяся чувством справедливости. Образцом для такой организации производства и распределения является сельская община. Итак, стихийность предпочтительнее сознательности, традиция как способ регуляции предпочтительнее планово направляемого регулятивного процесса.

* Сравнение с общиной не выдерживает критики. Те общинные отношения, на которые возлагает свои надежды П. Кропот-

37

Там же, стр. 83.

кин, возможно и оставили какой-то след в деревне (хотя он явно преувеличивает их влияние, следуя распространенной народнической традиции), но отнюдь не в капиталистическом городе. Известно, кроме того, что общинные отношения сформировались в ходе очень длительного исторического развития, что традиционные формы, которые регулируют производство и распределение в общине, есть результат весьма стабильной общественной жизни. Ничего подобного не может возникнуть в процессе революции, в условиях самого динамичного социального изменения. Для того чтобы возникли соответствующие идеалу анархического коммунизма формы социального поведения, нужно время и время.

С другой стороны, историческая практика свидетельствует о несомненном преимуществе разумно организованной, сознательной регуляции перед регуляцией стихийной, неорганизованной. Опыт прошедших революций показал, что даже строгая и продуманная система организации производства и распределения не в состоянии справиться с трудностями в начальные периоды революционной ломки. В процессе революции стихийное во многих отношениях движение масс создает определенные органы без заранее намеченного плана, так сказать, в соответствии с идеалом анархистов. Но дело в том, что они могут сыграть значительную и даже решающую роль лишь в случае, если они будут выполнять политические, а затем и государственные функции, чего больше всего страшатся анархисты. Прекрасный пример этого — Советы в русской революции.

Другой важной и неотложной задачей революции П. Кропоткин считает ликвидацию всех видов и форм наемного труда. Эта ликвидация, по его мнению, откроет возможность решения таких больших вопросов буржуазного общества как безработица, недопотребление масс, непроизводительные расходы, жилищная проблема и т.п. Вместе с наемным трудом должны исчезнуть и соответствующие ему формы распределения. Пришедшие на смену им полное равенство отвергает также и прин-

цип распределения по труду, и прямо переходит к принципу "каждому по его потребностям". В работе "Хлеб и воля" П. Кропоткин приводит подробные расчеты того, как можно решить указанные проблемы в случае, если революция произойдет в городе, подобном Парижу с окрестностями. Рисуя совершенно утопическую картину революционного города, существующего длительное время в окружении контрреволюционной страны, он считает возможным создание такой автаркической коммунистической экономики, которая полностью обеспечила бы себя всем необходимым. Эта картина с абсолютной достоверностью свидетельствует, что коммунистический анархизм П. Кропоткина базируется на прошлых, архаических экономических отношениях, что несмотря на многократное подчеркивание значения технических достижений своего века, новых изобретений, тесных экономических связей между различными районами страны и мира, он не выходит за пределы идеализированной крестьянской общины или раннего средневекового города с его натуральным хозяйством, патриархальностью, уравнилельным распределением³⁸. Хорошо зная современное ему технологическое и научное развитие, П. Кропоткин тем не менее не проник в его сущность, не понял его исторического значения. Он не увидел в нем того, что искал — оснований для прямого и непосредственного перехода к анархическому коммунизму. Поэтому он избрал другой путь — путь в н е ш н е г о приспособления новой социально-экономической ситуации к своему, достаточно старому, утопическому идеалу, путь поиска в современной ему обстановке того, что в какой-либо степени подтверждало его идеал.

---

³⁸ Недаром П. Кропоткин считает жизнь средневековых коммун, подобных Флоренции, Тулузу, Лапу, Аугсбургу, Нюрнбергу, Пскову и Новгороду "самыми красивыми страницами истории" (Речи бунтовщика, стр. 55). Интересно, что рассматривая различия коммун средневековых от коммун, которые должны заменить современное государство, он вообще не упоминает о разнице в уровне технического и очень мало об уровне экономического развития.

4. Как же представлял П.Кропоткин ход социальной революции? Выше уже отмечалось, что, по его мнению (и в этом он несомненно прав), революция не кратковременный акт, а целая историческая эпоха. Это не только потому, что строительная, созидательная работа занимает много времени, но и потому, что сломать укоренившиеся частнособственнические отношения невозможно в одnorазовом восстании. "Чтобы совершить предполагаемый нами переворот, изменить современные способы группировки людей и уничтожить частную собственность, — необходимы три-четыре года непрерывных восстаний"³⁹. В другом месте он пишет, что "для перехода от капитализма к коммунизму потребуются не один переворот, а несколько"⁴⁰.

В кропоткинском понимании социальной революции как целой исторической эпохи содержатся как прямые утопические элементы, так и весьма плодотворные идеи. Явно утопический характер носит представление, непосредственно связанное с "коммунальной", общинной концепцией о локальном характере революции. Социальная революция "будет иметь характер местный, общинный, а отнюдь не якобинский, не всегосударственный"⁴¹. Эта революция типа "средневековой революции городов". Именно такую предстоит пережить всем главным европейским странам — и Франции, и Англии, и Бельгии, и Голландии, и России. Так, например, во Франции один или два больших города провозгласят коммуну, а затем их примеру последуют в других местах (Парижская коммуна — первая попытка)⁴². Местный характер революции доводится до такой

³⁹ Там же.

⁴⁰ П.А. Кропоткин, М., 1922, стр.8.

⁴¹ П.А. Кропоткин, Хлеб и воля, стр.11.

⁴² Следует отметить, что П.Кропоткин не всегда строго придерживается подобного взгляда. Так, в другом месте он пишет: "Вспыхнув почти одновременно во всех концах мира, препятствуя учреждению какого бы то ни было правительства, могущего задержать ход событий, революция будет свирепствовать до тех пор, пока не исполнит своей миссии:

степени, что высказывается предположение о возможности существования в деревне рядом с восставшими общинами, таких, которые продолжают жить при индивидуалистических порядках. Интересно, что П. Кропоткин не упоминает о возможности во время революции организации сопротивления со стороны имущих классов, чья собственность и власть оказываются под угрозой экспроприации или уже экспроприрована. Он даже полагает, что "ни судебный пристав, ни сборщик податей не будут относиться к революции враждебно"⁴³. Эти высказывания становятся понятными, если вспомнить, что П. Кропоткин отрицал наличие классовой борьбы и в его трудах вообще отсутствует какой-либо классовый анализ⁴⁴.

Что касается плодотворных идей, то к ним относится мысль о неодинаковом характере и темпах развития социальной революции в различных странах в зависимости от их уровня развития. "Революция примет в различных европейских странах различный характер и уровень, которого она достигнет по отношению к социализации продуктов, не будет везде одинаковым"⁴⁵. Причем более отсталая страна будет повторять этапы, пройденные более передовой. Так, революция в Германии будет руководствоваться идеями Французской революции 1848 г., а революция в России - идеями 1789 гг., естественно, с учетом поправок на особенность переживаем-

уничтожение частной собственности и государства"
(Речи бунтовщика, стр.50).

- 43 П. А. К р о п о т к и н, Хлеб и воля, стр.98.
- 44 Я.Новомирский вспоминает, что "малейший намек на теорию классовой борьбы, необходимость организации вызвал в нем непреодолимое раздражение" ("Коммунистический Интернационал", 1920, № 16, стр.3636). В этом отношении, пишет Я.Новомирский, Кропоткин пошел назад от Бакунина и "на место определенной и ясной бакунинской формулы борьбы классов поставил сбивчивое и временами опасное понятие о внеклассовом или каком-то всеклассовом народе".(там же, стр.3642.)
- 45 П. А. К р о п о т к и н, Хлеб и воля, стр.97.

мого периода.

5. Кто же совершает социальную революцию, каковы ее движущие силы? М.Бакунин считал основными деятелями революции наиболее обездоленные и нищие слои народа (лumpен-пролетариат, беднейшее крестьянство). П.Кропоткин подходит к этому вопросу иначе. В отличие от М.Бакунина он, как мы уже отмечали, по существу отрицает классовую борьбу и решает проблему движущих сил революции, не учитывая реальной расстановки классовых сил.

В городах революционной силой оказывается весь народ, кроме владельцев крупной собственности, эксплуатирующих чужой труд и государственных чиновников (относительно последних высказывается мнение, что, по крайней мере, многие из них не будут врагами революции). Весь народ заинтересован не только в революции, но даже в коммунистической революции. Никакого классового анализа народа у П.Кропоткина мы не находим. "Он ничего не говорит нам о внутреннем составе "народа", "народных масс". Вся предшествующая работа анархистской (Бакунина) и социалистической мысли для него не существует"⁴⁶. Понятие пролетариата, которым он широко пользуется, также не определено.

Относительно деревни П.Кропоткин вслед за М.Бакуниным высказывает правильную мысль о необходимости союза городских революционных сил с крестьянством. "Эмансипация пролетариата неосуществима, пока революционное движение не охватит деревни. Восстание не продержится более года, если оно не встретит сочувствия среди крестьян... От этого зависит успех революции. Только в тот день, когда рабочий и землевладелец, рука об руку, пойдут завоевывать Равенство для всех, революция победит мир и принесет счастье всему человечеству, как в убогую хижину, так и в богатые сооружения крупных промышленных агломераций"⁴⁷.

46 Петр Кропоткин, Сб.статей, стр.46.

47 П.А. Кропоткин, Речи бунтовщика, стр.74.

Нельзя сказать, что для П.Кропоткина все деревенское население представляло однородную массу. В этой связи любопытен его анализ в работе "Речи бунтовщика", где исследуются различные группы, занятые в сельском хозяйстве Франции. Врагами революции он считает крупных помещиков, ростовщиков, торговцев, адвокатов, угнетающих и разоряющих крестьян. Несколько другое положение занимают средние помещики (земельные владения от 50 до 200 га). Они также враги революции, но они не будут ей сопротивляться. "Они благодарно запрутся у себя и будут ждать окончания борьбы"⁴⁸. Почему это так, П.Кропоткин не объясняет. Наконец, мелкие помещики (это в сущности говоря, не помещики, а кулаки, да и у П.Кропоткина они отнесены к крестьянству) уже полностью за революцию, и в этом отношении они не отличаются от основной массы эксплуатируемого населения французской деревни. На первый взгляд может показаться, что в этом анализе противопоставляется революционное крестьянство, выступающее за буржуазные преобразования, своему феодальному противнику. Но если мы вспомним, что дело идет о Франции конца XIX века, то все встанет на свое место. П.Кропоткин совершенно игнорирует факты классовой дифференциации крестьянства, крестьянства, за спиной которого столетний путь буржуазного развития. Вот это нерасчлененное, недифференцированное мифическое крестьянство, в действительности состоящее из разных классов, является решающей силой социалистического, коммунистического переворота. Таким образом, на деле получается, что никакого серьезного научного анализа у П.Кропоткина нет, а есть лишь абстрактная, утопическая схема, происхождение которой лежит в народнической вере в особый общинный уклад русской жизни и вытекающей отсюда вере "в возможность крестьянской социалистической революции"⁴⁹.

⁴⁸ П.А. Кропоткин, Речи бунтовщика, стр.81.

⁴⁹ В.И. Ленин, Полн.собр.соч., т.1, стр.271.

Укажем еще на один момент. Хотя П.Кропоткин говорит о союзе пролетариата и крестьянства в революции, тем не менее он ведет речь не о том единстве действий, которое в настоящее время связывается с этим понятием. Пролетариат и крестьянство выступают у него не как две силы единой революции, а как две силы параллельных революций. "Воспользуйтесь этим моментом, — обращается к крестьянству П.Кропоткин, — чтобы произвести вашу революцию... Городские рабочие произведут тем временем свою революцию в городах"⁵⁰. Такое разделение полностью согласуется как с кропоткинской локальной тракторной революции, так и с его утопическим представлением о разных экономических основах коммунистического переворота (городская промышленность и мелкое крестьянское хозяйство).

6. В заключении остановимся на понимании П.Кропоткиным соотношения реформы и революции. Он полагает, что в условиях резкого обострения социальных противоречий возможны два пути: реформистский и революционный. "Всегда в таких случаях бывает минута, когда реформа еще возможна. Но если этой минутой не воспользовались, если правители страны, вместо того чтобы пойти навстречу новым требованиям, упорно сопротивляются проявлениям новой, возникающей жизни... — тогда начинается революция"⁵¹.

В полном соответствии с анархистской доктриной П.Кропоткин отрицательно относится к любым реформам, резко противопоставляя их революции. Реформа всегда есть компромисс с прошлым, в то время как революция содержит в себе зачатки будущего. Реформы вредны, поскольку они, с одной стороны, отвлекают массы от революции, а, с другой, усиливают врага, ибо всякое улучшение положения трудящихся становится

⁵⁰ П.А. Кропоткин, Речи бунтовщика, стр.84 .

⁵¹ П.А. Кропоткин, Великая Французская революция, стр.572.

ся новым орудием в руках эксплуататоров. Категорическое отрицание анархизмом реформ вытекает также из полного отказа от любых форм политической борьбы, учения о прямых действиях, из признания правомерности только непосредственных действий масс. Ближайший соратник П. Кропоткина Жан Граве решительно подчеркивал, что "пока не уничтожен этот строй никакое улучшение невозможно"⁵². Проповедывать реформы — значит обманывать рабочих, революция неизбежна, а потому не нужны и реформы. "Анархисты знают, — писал он, — что имущие классы не оставят никогда по доброй воле своих прерогатив. Опыт говорит нам, что на уступки они были всегда вынуждаемы и всегда старались уничтожить эти уступки или сделать так, чтобы новые институты давали результаты, диаметрально противоположные тем, которые ожидались. Если бы у нас в жизни было сто лет впереди, мы, пожалуй, и пожертвовали один год на опыты с мирными реформами; но у нас времени немного и тысячелетний опыт говорит нам, что подобные опыты будут лишь третью времени. Поэтому мы хотим оставить путь реформ, все разрушить, чтобы построить на новых началах"⁵³.

Известно, что анархисты справедливо критиковали распространившийся в конце XIX в. реформизм за отказ от революции, за предательство интересов рабочего класса. Именно в этой связи В.И. Ленин называл анархизм "своего рода наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения"⁵⁴. Но анархистские критики выдвигали альтернативу ведущую по существу к тому же результату, что и оппортунизм — к ослаблению пролетарского движения, ибо они выбивали из его рук важнейшее средство борьбы.

52

Жан Граве, Умирающее общество и анархия. Изд. "Черное знамя", 1906, стр.183.

53

Цит. по Гектор Цокколи, Анархизм, Спб. 1908, стр.283.

54

В.И. Ленин, Полн.собр.соч., т.41, стр.15.

Проведенный анализ взглядов П. Кропоткина на революцию и их сравнение со взглядами М. Бакунина свидетельствуют о наличии существенных различий в рамках анархистского мировоззрения. Если к этому добавить утверждение американского анархиста В. Такера, что насильственное вмешательство в отношения капиталистической собственности является "самой близорукой мерой, какую только можно придумать"⁵⁵, или широко распространенный в начале XX в. тезис анархо-синдикализма о всеобщей забастовке, "которая при современных условиях является единственным средством уничтожить капиталистический и государственный строй"⁵⁶, то картина будет еще более пестрой.

На наш взгляд, такое разнообразие оттенков анархистской мысли показывает насколько мозаичным является та социальная группа, мировоззрение которой оформляется в анархизме. Промежуточные слои — социальная основа анархистских идей — охватывают различные социальные группы в городе и деревне (городская мелкая буржуазия, крестьянство со своими подразделениями, мелкобуржуазный пролетариат — слой пролетариата, экономически и психологически тяготеющий к мелкой буржуазии, люмпен-пролетариат и вообще деклассированные элементы, мелкобуржуазная интеллигенция). Наряду с целым рядом общих качеств, они имеют и существенные отличия, связанные с конкретным положением каждой группы внутри общей социальной структуры. Именно в этом следует искать корни различных вариантов той психологии и идеологии, которую обычно называют мелкобуржуазной. Кроме того, надо помнить и о двойственности, внутренне присущей мелкой буржуазии вследствие ее экономического положения, двойственности, находящей свое прямое выражение в противоречивости мелкобуржуазного мировоззрения.

⁵⁵ В е н и а м и н Т а к е р, Социализм, коммунизм, методы. М., 1907, трс.34.

⁵⁶ Э м и л ь П у ж е, Синдикат. Сб. "Черное знамя", Спб., 1906, стр.242.

Указанные обстоятельства предопределяют как сходство, так и различия взглядов П. Кропоткина с другими видными идеологами анархизма, включая и М. Бакунина, а также внутренние противоречия в самом его творчестве. Такие черты его теории как идеализация крестьянской общины и мелкого крестьянского хозяйства, как потребительский коммунизм, уравнительность, децентрализация и автаркия экономической жизни, непонимание связи между технологическим и экономическим развитием, по крайней мере, для будущего общества, революционное нетерпение, требующее немедленного введения коммунизма и т.п. — вообще являются характерными для утопических, анархических воззрений, в том числе в большой мере и для бакунинских. Что касается различия бакунинской и кропоткинской теорий революции, то они отражают, как нам представляется, не только два исторических этапа анархизма, не только конкретные особенности развития двух ярких индивидуальностей, но в определенной степени разницу в положении двух социальных групп внутри единого социального слоя. Если М. Бакунин в своем бунтарском анархизме выражал интересы неразвитого пролетариата, люмпен-пролетариата и беднейших слоев крестьянства, то П. Кропоткин скорее оформлял в своей идеологии рассудочного анархизма стремление радикальных, революционных слоев мелкобуржуазной интеллигенции.

Это особенно видно при сравнении антиинтеллектуалистических тенденций М. Бакунина с попытками научного подхода к проблемам революции у П. Кропоткина. Именно научный подход позволил ему, несмотря (а в известных случаях даже вопреки) на основные положения анархизма, сформулировать ряд ценных идей, перекрещивающихся с важнейшими тезисами марксистской теории социальной революции. Это видно также из приверженности П. Кропоткина к конструктивной, созидательной деятельности, которую он неизмеримо выше оценивает, чем деятельность разрушительную. Если при этом вспомнить, что П. Кропоткин сам был крупным ученым-естествоиспытателем, то отме-

ченные особенности его теоретических взглядов становятся еще более понятными⁵⁷.

История практического анархического движения свидетельствует о том, что кропоткинские идеи не получили, да и не могли получить сколько-нибудь широкого распространения, так как их рассудочность и стремление к научности мало соответствовали прямым интересам тех классовых сил, на которые опирался анархизм. Я.Новомирский отмечает, что среди довольно многочисленных анархистских групп, действующих во время революции 1905-07 гг. в России, лишь одна ("Земля и воля") была кропоткинской, и она то как раз пользовалась наименьшим влиянием⁵⁸.

В заключение отметим, что качества революционности и научной объективности П.Кропоткин сохранил до конца дней своих. В.Д.Бонч-Бруевич приводит в воспоминаниях характерную оценку П.Кропоткиным Октябрьской революции. "Во всей деятельности современных революционных партий надо помнить, что Октябрьское движение пролетариата, закончившееся революцией, доказало всем, что социальная революция возможна. И это мировое завоевание надо изо всех сил беречь, поступаясь во многом другим. Партия большевиков хорошо сделала, что взяла старое, истинно пролетарское название: коммунистической партии. Если она и не добьется всего того, что хотела бы, то она осветит путь цивилизованным странам, по крайней мере, на столетие. Ее идеи будут постепенно восприниматься народами, так же как воспринимались миром идеи Французской революции в XIX в."⁵⁹.

П.А.Кропоткин как-то писал: "Прав ли анархизм в своих

---

57 Любопытно, что другой крупный, всемирно-известный ученый и в то же время видный анархист Элизе Реклю был по своим взглядам весьма близок к П.Кропоткину. (См. Элизе Реклю, Эволюция, революция и идеалы анархизма. М., 1906).

58 "Коммунистический Интернационал", 1920, № 16, стр. 3635-3636.

59 В.Д. Бонч - Бруевич, Указ. соч., стр. 400.

выводах - покажет научная критика его основ и практическая жизнь будущего"⁶⁰. Можно сказать, что наука, практическая жизнь, история дали на поставленный вопрос отрицательный ответ. Тем не менее та же история не забудет П.А.Кропоткина - "всемирно известного ученого, не-преклонного революционера, огромное сердце, бьющееся за все страждущее человечество"⁶¹, ибо, по словам В.И.Ленина, "он для нас ценен и дорог всем своим прекрасным прошлым и теми работами, которые он сделал"⁶².

---

60 П. К р о п о т к и н, Современная наука и анархизм, стр.64.

61 В.Д. Б о н ч - Б р у е в и ч, Указ.соч., стр.409.

62 Там же, стр.406.

О СООТНОШЕНИИ ДОЛГА И ПОТРЕБНОСТЕЙ

(Постановка проблемы Кантом и в послекантовской этике)

В. С и й м а н

I.

В философии Канта человек рассматривается как существо, одновременно относящееся к двум различным мирам — к миру чувственно воспринимаемому и к миру умопостигаемому. Он и феномен (явление), и ноумен (вещь в себе) одновременно. Как чувственное существо человек подчиняется законам природы, и действия его определяются естественной необходимостью, т.е. потребностями, желаниями, склонностями. Склонностью Кант называет зависимость способности желания от ощущений, а склонность всегда указывает на потребность. Целью человека как чувственного существа является счастье. Это — необходимое субъективное основание способности желания и единственный принцип поведения каждого человека как явления.

Но человек, по Канту, не только чувственное, но и разумное существо. Как разумное существо он должен и может стать выше чувственности, выше субъективных целей. Как вещь в себе человек свободен. Свобода означает независимость от причин чувственно воспринимаемого мира. Закон свободы основывается только на разуме и совпадает с нравственностью. Нравственность имеет для разумного существа такое же значение как закон природы для явлений. Нравственный принцип — это объективный принцип воления и действия, независимый от потребностей и склонностей самого человека. Он имеет всеобщий характер. Нравственность выше субъективных целей, выше удовлетворения и счастья. Если стремление к счастью идет наперекор нравственности, то оно должно подчиниться ей.

наковы у различных людей, и на них не может основываться мораль, которая должна иметь всеобщее значение.

Долг, по Канту, требует единства объективного и субъективного, т.е. объективно необходимый закон должен стать субъективным принципом поведения. Нравственность требует бескорыстного выполнения долга ради самого долга, несмотря на то, что говорят потребности, несмотря на субъективные цели. При этом неважно, "... что никогда еще не случилось, чтобы человек совершенно бескорыстно (без примеси других мотивов) исполнил свой признаваемый и почитаемый им долг, возможно также, что никогда, даже при сильном стремлении, никто не достигнет этого"¹. Но это обстоятельство нисколько не умаляет возвышенный характер нравственности, которая сама по себе есть идеал, возможно, никогда не достигаемый, но к которому человечество приближается в бесконечном прогрессе. "Ведь предположение, что если что-нибудь до сих пор не удавалось, то оно и никогда не удастся, еще не дает основания отказываться от каких-либо прагматических или технических целей (например, стремиться к полетам на воздушных шарах); еще в меньшей мере оно дает основание отказываться от моральной цели, осуществление которой, если только оно не явно невозможно, становится долгом"².

Именно е д и н с т в о объективного и субъективного является определяющим для поступка как долга. Когда этого единства нет, нет и моральности. Если определение воли происходит сообразно с нравственным законом, но не ради самого закона, а под влиянием какого-нибудь чувства, то поступок по характеру не моральный, а легальный, т.е. определяется не нравственным, а юридическими законами. Легальность касается лишь внешних поступков и их законосообраз-

¹ И м м а н у и л К а н т, Сочинения в шести томах, т.4, ч.2, М., 1965, стр.72-73.

² Там же, стр.102.

Если бы человек определялся к действию только разумом, то его поступки всегда совпадали бы с требованиями морали, и у него никогда не возникало бы желания нарушить эти требования. Воля такого человека была бы святой, и он сам был бы морально совершенным существом, т.е. богом. Но воля реального человека как представителя не только умопостигаемого, но и чувственно воспринимаемого мира, определяется субъективным законом нравственности и субъективным принципом счастья. Для такого существа закон нравственности представляется в виде долга, требующего безусловного выполнения. Поступки человека не всегда совпадают с долгом, но они должны быть сообразны с ним.

Долгом Кант называет практический поступок, совершаемый согласно моральному закону и исключающий все определяющие основания, которые исходят из склонностей. Долг связан с принуждением, но принуждение это совершается лишь разумом самого человека в согласии с объективным законом. Такое принуждение можно назвать внутренним, или интеллектуальным принуждением. Представление об объективном принципе, поскольку он принудителен для воли, называется велением, формулой которого является императив. Закон нравственности имеет вид категорического императива и требует, чтобы человек поступал всегда так, чтобы его максима могла превратиться во всеобщий закон. Обращен этот императив к воле человека, для которого объективно необходимое не является необходимым и субъективно.

Понятие долга выводится Кантом из обычного применения практического разума, но это не означает, что он является понятием опыта. Разум составляет нравственный закон *a priori*, отвлекаясь от всего эмпирического. Задачей Канта является создание чистой метафизики нравственности, очищенной от всякой антропологии и теологии. Чистое представление о долге не выводится из опыта, не связывается с потребностями, а находится в разуме каждого человека и познается непосредственно. Потребности не оди-

ности без отношения к мотивам поступка. Единства объективного и субъективного при этом не требуется.

Нравственный закон определяет волю не только без участия потребностей, чувств, но даже с отказом от всяких таких побуждений и с обузданием всех склонностей, потребностей, если они идут вразрез с моральным законом. Значит, если моральный закон наносит ущерб склонностям, он должен породить чувство страдания, которое связано с несчастьем. Но это не следует понимать так, что моральность всегда требует подавления потребностей, отказа от счастья. Человек не может, по мнению Канта, отказаться от счастья, от своей естественной цели, но он должен ограничивать удовлетворение потребностей и стать выше счастья, если это требуется нравственностью.

Итак, потребности и долг, в учении Канта, относятся к различным мирам: первое — к миру чувственности, второе — к миру умопостигаемому. При этом мир разума — это высшее, определяющее в человеке; требования его безусловны. Чувственность имеет подчиненное значение, оно регулируется нравственным законом и подчиняется ему. Потребности не имеют никакого влияния на долг. Следование потребностям может вызывать лишь дегальный поступок, несмотря на объективную ценность поступка. Моральная ценность поступка зависит полностью от субъекта и его мотивов к поступку. Чтобы поступок имел моральную ценность, он должен совершаться из чистого чувства долга, а не под влиянием склонности, симпатии, интереса к чему-нибудь. Это последовательный вывод из понятия нравственности, как его понимает Кант. Здесь с ним можно даже согласиться.

Но никак нельзя согласиться с Кантом в том, что он объявляет моральную (в его интерпретации) ценность наивысшей ценностью вообще. Следовательно, поступок, для совершения которого требуется принуждение, подавление склонностей (иначе он не моральный), оценивается Кантом выше такого же поступка, который совершается охотно, с радостью,

под влиянием чувственности. Можно сказать, что объективно добрый поступок, вызванный доброжелательством, действительно не моральный в том смысле, как мораль определяется Кантом, но он не ниже моральности, а выше ее.

Объективно добрый, полезный обществу поступок может совершаться под воздействием разных мотивов:

1. Нужный обществу поступок совершается человеком под непосредственным внешним давлением со стороны общества. Сам человек охотно поступил бы иначе, и общее благополучие ему не совсем близко к сердцу, но он идет на компромисс, считает, что ему выгоднее пожертвовать своим интересом, чем восстать против общественного мнения.

2. Человек понимает, что требования общества, предъявляемые ему, справедливы, понимает необходимость соблюдать интересы других людей, но его личные интересы в данном случае не совпадают с общими интересами. Он совершает усилие над собой, отказывается от собственных интересов и принуждает себя соблюдать общественные интересы. Он жертвует личным в пользу общественного, но происходит это не под внешним давлением, а добровольно, исключительно лишь под влиянием самопринуждения.

3. Объективно добрый поступок не требует от человека самопринуждения, не идет вразрез с его личными интересами, а совпадает с потребностями, интересами самого человека и совершается охотно, с радостью.

Моральным поступком, т.е. долгом, Кант считает лишь поступок, совершаемый по второму мотиву. Первый и третий виды поведения оцениваются Кантом одинаково и относятся к легальности. Они ниже нравственности, ниже долга.

Каково отношение всех трех примеров к морали, чем определяются границы морали, на этот счет нет единого мнения как среди философов прошлого, так и современности.

О том, что такое нравственный поступок, какие мотивы определяют его, каково отношение мотива к ценности поступка, каково соотношение объективного и субъективного, внешнего и внутреннего в долге — обо всем этом в истории философии высказывались разные мнения.

Роббс считает, что для того, чтобы заставить людей выполнять свои соглашения, для увеличения их принудительной силы в человеческой природе имеются лишь два средства. Ими являются или боязнь последствий нарушения своего слова, или желание славы и чувство гордости, побуждающие человека показать, что он не нуждается в нарушении своего слова.³ Эти мотивы не являются моральными в том смысле, как мораль понимается Кантом. Поступок по первому мотиву относится к первому варианту из приведенных нами трех видов мотивации, но поступок по второму мотиву можно условно отнести к третьему варианту, т.е. к поступкам под воздействием потребностей.

Часто в философии долг выводится не из объективно доброго, а из субъективной пользы, из того, что совпадает с потребностями субъекта. Спиноза, например, пишет: "Действовать абсолютно по добродетели есть для нас не что иное, как действовать, жить, сохранять свое существование... по руководству разума на основании стремления к собственной пользе". "Люди будут всего более полезными друг для друга тогда, когда каждый всего более ищет для себя своей собственной пользы"⁴. Основа долга, по Спинозе, — польза, потребности каждого человека. В долге, также как и в добре, нет ничего объективного для индивида.

Такое же утилитаристское понимание долга характеризует и французских материалистов. Гольбах, например, считает

³ Ст. Томас Роббс, Левиафан, М., 1936, стр.125.

⁴ Бенедикт Спиноза, Избранные произведения в двух томах, т. I, М., 1957, стр.541-542, 543.

долгом все то, что человек обязан выполнять для того, чтобы достигнуть своей цели, т.е. счастья. "Чтобы человек был добродетельным, он должен быть заинтересован в этом и усматривать выгоду в добродетельном поведении"⁵. По мнению Гольбаха, от человека можно требовать лишь то, что совпадает с его стремлением к счастью. Но совсем бесполезно и несправедливо требовать от человека добродетели, если она возможна для него только ценой отказа от счастья. Объективно доброе, по мнению Гельвеция, играет какую-то роль в долге лишь в том случае, если субъективные интересы человека совпадают с объективными требованиями:

"... Добродетельный человек не тот, кто жертвует своими привычками и самыми сильными страстями ради общего интереса, — такой человек невозможен, — а тот, чья сильная страсть до такой степени согласуется с общественным интересом, что он почти всегда принужден быть добродетельным"⁶. Такая трактовка долга крайне субъективна и утопична, ибо основой совпадения объективных и субъективных интересов является субъективное.

Утилитаристское понимание морали ведет к учению Бентама и Милля. Джон Стюарт Милль объявляет счастье единственным и "фундаментальным принципом моральности и источником морального долга"⁷. Полезный другим людям поступок совсем не считается с мотивом его совершения. Моральная ценность поступка не зависит от того, было ли мотивом чувство долга или корыстная цель. Санкции выполнения долга являются или внешними, или внутренними. Внешние — это надежда на благосклонность других людей и бога и страх перед их недовольством. Внутренней санкцией является определенное чувство в самом человеке — совесть.

---

5 Поль Анри Гольбах, Избранные произведения в двух томах, т. I, М., 1963, стр. 179.

6 К.А. Гельвеций, Об уме, М., 1938, стр. 213.

7 John Stuart Mill, Utilitarianism, London - New York, p. 3.

Утилитаризм рассматривает мораль, долг исходя из интересов самого субъекта. Поскольку человек живет в обществе и его счастье зависит от благосклонности других людей, постольку приходится и считаться с ними и быть добродетельным. Этого требует счастье самого индивида. Мораль в таком понимании — это своеобразный свод правил благоразумия, которыми руководствуется человек, чтобы вернее идти к единственной своей цели — к счастью.

Несколько иная точка зрения на долг высказывается в философии Фейербаха. Он связывает долг с правом другого человека на счастье: "Мое право — это мое стремление к счастью, признанное законом. Мой долг — это стремление к счастью другого человека, вынуждающее меня к своему признанию. "Я хочу," — говорит мое стремление к счастью, "ты должен", — заявляет стремление другого к счастью... Мораль не может быть выведена и объяснена из одного только Я, или из чистого разума, без чувств. Она может быть объяснена и выведена из связи Я и Ты ..."⁸.

Гегель понимает под долгом связь собственного интереса с интересом других людей на основе всеобщего. Долг — это "... совершать правовое и заботиться о собственном благе и о благе во всеобщем определении, о благе других"⁹. Здесь ощущается влияние Канта, и утилитаристское понимание долга уже полностью преодолено. Долг выводится не из интереса самого индивида, а из потребности всеобщего.

Влияние Канта особенно сильно сказалось на современной буржуазной этике. Неопозитивист Ноуэлл-Смит понимает под долгом то, что совершается по принуждению, а не то, что делается добровольно, что совпадает с потребностями. "Долг не идентичен со "свободным" выбором, а является прямо противоположным ему". "Моральный долг... — это нечто, что обязывает меня поступать таким образом, как я без долга не посту-

⁸ Л ю д в и г Ф е й е р б а х, Избранные философские произведения, т. I, М., 1955, стр. 465.

⁹ Г е г е л ь, Сочинения, т. УП, М.-Л., 1934, стр. 153.

пал бы¹⁰. Долг - явление, заставляющее людей делать то, что действительно добрый человек делал бы без чувства долга, но поскольку никто не относится к разряду "действительно добрых людей" в этом смысле, то долг остается в силе и заставляет людей соблюдать общественную пользу¹¹.

По мнению интуитивиста Мура, долгом считается поступок, который осуществляет больше добра на свете, чем любой другой случай¹². Понятие долга определяется Муром лишь по объективному принципу, независимо от мотивов такого поступка. Но Мур отмечает, что долгом является такой поступок, который большинство людей склонны не выполнять, который выполняется неохотно. Интересы же человека могут быть совершенно отличны от того, что требует долг.

Причард относит к числу добрых поступков такие, которые выполняются под влиянием мотивов двух видов: 1) поступки, совершенные под воздействием чувства долга, 2) поступки, мотивом которых является желание, вызванное добрыми эмоциями: благодарность, семейное чувство, социальный дух и т.п., - то, что в этической литературе является добродетельством. Первые из них - моральные поступки, вторые - добродетельные. Добродетельные поступки не связаны с принуждением, они совершаются охотно, с наслаждением, под влиянием чувства, которое внутренне доброе. В действительно добром поступке обычно сочетаются оба мотива. По доброте поступка определяется Причардом не субъективно, независимо от мотивов, а объективно, исходя из того следствия, на которое поступок направлен. Мотив, хотя и нужный для поступка, не является его частью. Долг является долгом, несмотря на то, под влиянием какого мотива он выполняется.

10 Р.Н. Н o w e l l - S m i t h , Ethics, Oxford, 1957, pp. 183, 184.

11 См. там же, стр. 320.

12 См. G.E. M o o r e , Principia Ethica, Cambridge, 1903, p. 26.

13 См. H.A. P r i c h a r d , Moral Obligation, Oxford, 1949, pp. 5-6.

Моральное понимается Причардом так, как его понимает Кант, но в отличие от Канта, Причард считает добродетельный поступок выше по ценности, чем моральный¹⁴.

В любом послекантовском этическом учении ощущается влияние Канта. Разумеется, что с Кантом соглашаются не во всем. Его часто критикуют, но когда идут вперед, опираются на него. Особый вклад внес Кант в разработку основной этической категории, категории долга. После Канта кажутся немислимыми попытки выводить долг из субъективного интереса, связывать его с потребностями, но в докантовской философии такие взгляды были преобладающими. Значение Канта в том, что он произвел настоящий переворот в этической мысли, направил ее на новый путь и, как нам кажется, на единственно верный путь. Этика Канта носит печать своего времени, кое-что в ней устарело, но то, что выдержало испытание временем, "удерживается" и развивается в последующем движении этической мысли. Не утратил Кант своего значения и для современной этики, как для буржуазной, так и для марксистской.

3.

В марксистской этике в основу долга кладутся требования, предъявляемые к личности той социальной общностью, в которую личность входит. Потребности, интересы коллектива составляют внешнюю сторону долга, то объективное, выполнение которого требуется от личности. Как считает В.Г.Иванов, в долге превалирует внешнее, объективное¹⁵. Но внешние требования еще не составляют морали. Многие философы обращают внимание на решающее значение субъективного фактора. В.П.Тугаринов называет мораль сферой "внутреннего отношения человека к своей деятельности и к другим людям", сферой

¹⁴ Подробнее этика интуитивизма рассматривается в кн. О.Г. Дробницкий и Т.А. Кузьмина, Критика современных буржуазных этических концепций, М., 1967.

¹⁵ См. В.Г. Иванов, О системе категорий марксистской этики, "Философские науки", 1965, № I, стр.96.

"побуждений, определяющих его поступки"¹⁶. Субъективный мотив, по мнению О.Г.Дробницкого, "имеет большое значение при оценке поступка..., входит в содержание нашего морального долга"¹⁷.

Как объективные требования не образуют морали, так не составляет ее и чисто субъективный фактор. Л.М.Архангельский характеризует нравственные отношения как "объективно-субъективные отношения, в которых определяющим является сознательный момент"¹⁸.

Если моральные отношения объективно-субъективные, т.е. объективно доброе переживается субъективно и превращается в интимный мотив поведения, то к моральным поступкам могут быть отнесены лишь поступки, совершенные под воздействием чувства долга или благосклонной потребности. Когда же человек действует под влиянием непосредственного внешнего давления, внешнего принуждения, но при этом объективно соблюдается интерес общества и результатом поступка является объективное добро, то такой поступок не моральный, ибо мотив поступка корыстный и тот же человек поступил бы иначе, если бы внешнего давления не было. Но такой поступок нельзя рассматривать как аморальный, ибо он направлен на соблюдение интересов других людей. Такой поступок морально нейтральный. Можно ли говорить, что человек в данном случае выполнял свой долг? Да, но выполнение долга не моральное, и такой долг нельзя назвать моральным долгом. Скорее это долг, который Кантом называется юридическим долгом¹⁹. Это

¹⁶ В.П. Т у г а р и н о в, О ценностях жизни и культуры, Л., 1960, стр.124.

¹⁷ О.Г. Д р о б н и ц к и й. Интуитивистское течение в современной буржуазной этике, в кн.: Против современной буржуазной этики, М., 1965.

¹⁸ Л.М. А р х а н г е л ь с к и й, Структура морали и система структурных категорий в этике, в кн.: Актуальные проблемы марксистской этики, Тбилиси, 1967, стр.459.

¹⁹ См. также Г. Б а н д з е л а д з е, Опыт изложения системы марксистской этики. Тбилиси, 1962, стр.204.

легальный поступок по терминологии Канта. Под моральным долгом Г.Бандзеладзе понимает такой поступок, который совершается по внутреннему принуждению, но принуждение извне отсутствует²⁰. Это определение совпадает с тем, что понимает под моральным долгом Кант, но оно уже того понимания долга, которое распространено в нашей этической литературе. Г.Бандзеладзе связывает моральный долг с внутренним принуждением, которое добровольно, сознательно совершается самим человеком. "В юридическом долге доминирует внешний, объективный момент, ... в нравственном - внутренний, субъективный"²¹.

Но поступок, мотивом которого является потребность, относится к нравственности лишь условно, т.е. в том случае, когда он направлен на объективно доброе. Объективно нейтральный поступок, совершенный по потребности, является и морально нейтральным. Вообще такого рода поступки имеют склонность выходить за пределы морали, что, разумеется, несколько не умаляет их объективной ценности. Но чи в коем случае нельзя говорить здесь о долге. Поступок, мотивом которого является потребность, а не чувство долга, не является выполнением долга. Долг следует отграничить от потребности, выполнение долга не происходит по потребности. Поступок, непосредственным мотивом которого является потребность самого субъекта, выходит за рамки долга.

Неправомерно поэтому, по нашему мнению, отождествление долга с потребностью, как часто делают в нашей этической литературе, например: "Нравственный долг - это не совсем то же самое, что и гражданская и общественная обязанность. Это обязанность, выполняемая свободно, по собственному убеждению, ставшая внутренней потребностью"²². Такое понимание

20 См. там же, стр.204.

21 См. там же, стр.206.

22 В.А. Р е б р и н, Понятие нравственного долга в условиях развернутого строительства коммунизма, Уч.зап. ВШ при ЦК КПСС. Диалектический и исторический материализм, вып.Ш, М., 1963, стр.28.

слишком расширяет границы категории долга. Долг, отождествляемый с потребностью, теряет свою специфику. Не все добродетельные поступки совершаются по долгу. Под категорию долга можно подвести лишь поступки, относящиеся к второму виду указанных нами возможных мотивов. Когда мотивом поступка является не чувство долга, не внутреннее принуждение, а потребность самого субъекта, но поступок объективно направлен на соблюдение общественного интереса, интереса других людей, то такой поступок является моральным, но он не совершен по долгу. К категории морального долга относятся лишь поступки, направленные на совершение объективно доброго, на соблюдение интересов общества и других людей и выполняемые человеком добровольно, свободно, исключительно лишь под внутренним принуждением.

Именно в связи с принуждением понимается долг и классиками марксизма в некоторых высказываниях, ставших общеизвестными. Ленин писал, что человек служит своему классу не по долгу, а по внутренней потребности. "Смешно даже и говорить тут о долге, — отмечает он, — ибо ни один живой человек не может не становиться на сторону того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчаться его недугами...."²³ Долг с жертвой связывает и Маркс: "... Я все время находился на краю могилы, я должен был поэтому использовать каждый момент, когда я был в состоянии работать, чтобы закончить свое сочинение, которому я принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью"²⁴.

Долг не есть потребность, но он переходит в нее. Мысль, что долг сближается с потребностью, превращается в нее, выражает объективную тенденцию морального прогресса в социалистическом обществе. Когда для выполнения добродетельного поступка не требуется внутреннего принуждения, подавления склонностей, когда мотивом поступка является собственная потребность человека, то такой поступок вышел за

²³ В.И. Ленин, Полное собр. соч., т.2, стр.547-548.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., стр.454.

рамки долга. Долг исчез, перешел в потребность. Если бы все люди дошли бы до состояния, в котором их личные потребности полностью сливались бы с общественными потребностями, тогда нельзя было бы говорить о выполнении долга, тогда и мораль, как регулятор общественного и личного, потеряла бы свое значение. Такое состояние является идеальным, реально оно никогда не достигается, но к нему человечество идет в бесконечном прогрессе, как писал об этом Кант. Поскольку реальный человек далеко не идеален, то ему не остается ничего иного делать, как поступать по долгу и подавлять в себе стремления идти против долга, против интересов общества. Это необходимо. Требования моральности действуют на него как категорический императив. Соблюдать интересы других людей добровольно, без внешнего принуждения — этого требует достоинство личности, ибо подчиняться внешнему принуждению унижительно для достоинства.

При этом требования общества к личности ограничиваются лишь поступками, они не касаются мотивов, т.е. от человека требуются лишь поступки известного качества, которое есть внешне доброе, но нелепо ставить человеку в обязанность действовать под влиянием определенного мотива. Но когда человек достигает состояния, при котором нужные обществу поступки совершаются радостно, охотно, то для такого подлинно нравственного человека долг теряет всякое значение, нравственная ценность поступков, для совершения которых не требуется подавления склонностей, не ниже ценности долга, как полагал Кант, а выше ее.

Обращение к Канту помогает уточнить понятие долга в марксистской этике. Моральный долг следует отграничить как от юридического долга, с одной стороны, так и потребностей, с другой.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	стр.
Я.К. Р е б а н е. К.Маркс и Ф.Энгельс о социальной сущности позна- ния.....	3
М.Г. М а к а р о в. Новые аспекты поня- тия "цели" как категории диа- лектики.....	28
А.И. Г о р я ч е в а. Некоторые моменты социально-психологической харак- теристики нации.....	49
Э.Я. Р е х е. Об исследовании и опреде- лении эстетического вкуса.....	85
М.И. Т и т м а. Влияние ценностей на предполагаемый выбор профессии выпускниками средней школы.....	91
Р.Н. Б л ю м. Взгляды П.А.Кропоткина на революцию.....	124
Э.Х. С и й м а н. О соотношении долга и потребностей (постановка проблемы Кантом и в послекантовской эти- ке).....	151

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ

XIII

На русском языке

Тартуский государственный университет

ЭССР, г.Тарту, ул. Вликооли, 18.

Ответственный редактор Л.Н.Столович

Корректор Л.Аболдуева

Ротапринт ТГУ 1969. Сдано в печать 31.X.1969 г.
Печ. листов. 10,38. Учетн. - издат. листов 7,1. Ти-
раж 500 экз. Бумага 30x45. 1/4. МВ 07914. Зак. № 846.
Цена 50 коп.